

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения
2022
Том 22
Выпуск 3

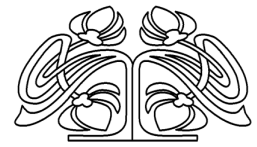
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22
ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Аваков П. А.** Миусский поход воеводы А. П. Салтыкова 1698 года 284
- Бушуева Л. А.** Университетский устав 1884 г. и организация учебной повседневности в Казанском университете на рубеже XIX–XX веков 291
- Бичеховст А. Ф.** Репатриация советских граждан железнодорожным транспортом (1944–1945) 298
- Сидоров С. Г.** Организация работы спецгоспиталей для военнопленных в Советском Союзе в 1945–1950 годы 307

Всеобщая история

- Галямичев А. Н.** Ранняя история чешского города Пльзень по данным письменных источников и археологических исследований 313
- Чернова Л. Н.** Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений 319
- Языкова Е. А.** Роберт Саути – защитник Церкви Англии 329
- Крылов В. А.** Испанская миссия Сэмюэля Хора (1940–1944) 337
- Баранов А. В.** «Это мой религиозный долг»: политический дебют аятоллы Хомейни в 1962 году 344

Международные отношения

- Цибенко В. В.** Международный аспект участия черкесов в младотурецком движении на исходе XIX века 350
- Смирнова О. А.** Миграционная политика Франции на рубеже XX–XXI веков 356
- Махмутова М. И.** Сотрудничество Палестинской национальной администрации и Израиля в области безопасности 364
- Чолахян А. В., Чолахян В. А.** Историко-правовые основы принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение на современном этапе 370
- Шенин С. Ю.** Джон Кеннеди и программа «Продовольствие ради мира» 378

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Основатель Томска Гаврила Иванович и неизвестный воевода Саратова Яков Гаврилович Писемские: страницы биографии 383
- Хайрлапова М. М.** Развитие соледобычи в Астраханской губернии (на примере соляной горы Чапчачи) во второй половине XIX века 394
- Ионов А. Н.** Участие Красной Армии в борьбе с голодом 1921–1922 гг. (на примере формирований РККА в Ярославской губернии) 400
- Гоманенко О. А.** Речные переправы в транспортной системе СССР в условиях военного времени (на примере Нижней Волги в годы Великой Отечественной войны) 409

Критика и библиография

Представляем книгу

- Беляева В. Н.** Судьбы творцов российской истории «второго» плана 417

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “История. Международные отношения”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77–76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7)

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rf.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 23.09.22.
Подписано в свет 30.09.22.
Формат 60 × 84 1/8.
Усл. печ. л. 16.3 (17.5).
Тираж 100 экз. Заказ 92-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

- на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

- должна отражать краткое содержание статьи;
- оптимальный объем 300–500 знаков;
- не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на приставный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: imo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Avakov P. A.** Mius Campaign of Palatine A. P. Saltykov of 1698 284
- Bushueva L. A.** University statute of 1884 and the organization of educational daily routine at the Kazan University at the turn of 19th and 20th centuries 291
- Bichevost A. F.** Repatriation of Soviet citizens by rail (1944–1945) 298
- Sidorov S. G.** Organization of work of special hospitals for prisoners of war in the Soviet Union in 1945–1950 307

World History

- Galyamichev A. N.** The early history of the Czech city of Pilsen according to written sources and archaeological research 313
- Chernova L. N.** London and the towns of England in 1350–1370: Socio-economic aspect of their relations 319
- Yazykova E. A.** Robert Southey – Protector of the Church of England 329
- Krylov V. A.** The Spanish mission of Samuel Hoare (1940–1944) 337
- Baranov A. V.** “This is my religious duty”: Ayatollah Khomeini’s political debut in 1962 344

International Relations

- Tsibenko V. V.** The International aspect of Circassian Involvement to the Young Turk movement in the 19th century 350
- Smirnova O. A.** Migration policy of France at the turn of the 20th – 21st centuries 356
- Makhmutova M. I.** Security Cooperation between the Palestinian National Authority and Israel 364
- Cholakhyan A. V., Cholakhyan V. A.** Historical and legal foundations of the principles of territorial integrity of states and the right of peoples to self-determination at the present stage 370
- Shenin S. Yu.** John Kennedy and “Food for Peace” program 378

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** The founder of Tomsk Gavriila Ivanovich and the unknown governor of Saratov Yakov Gavrilovich Pisemsky: Biography pages 383
- Khairlapova M. M.** The development of salt mining in Astrakhan province (on the example of Chapchachi salt mountain) in the second half of the XIX century 394
- Ionov A. N.** The activities of the Red Army to combat the famine of 1921–1922 (on the example of military units located in the Yaroslavl province) 400
- Gomanenko O. A.** River crossings in the USSR transportation system in war time (the case of the Lower Volga during the Great Patriotic War) 409

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Belyaeva V. N.** The Fates of the Creators of Russian History of the “Second” Plan 417

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

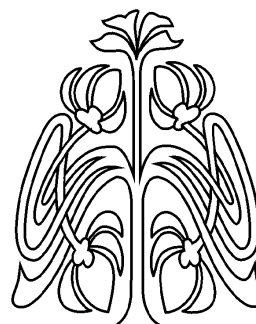
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

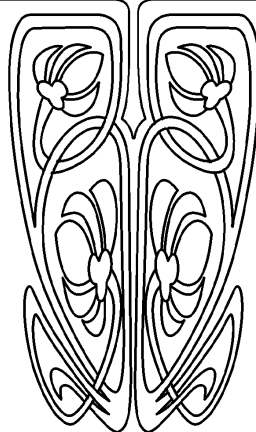
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

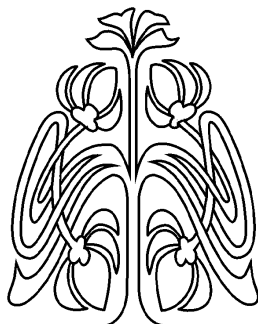

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

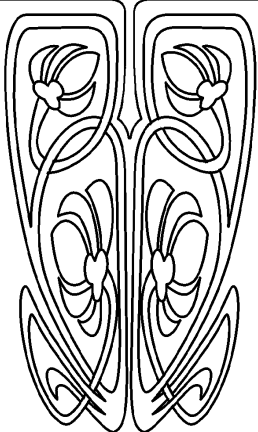

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 284–290

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 284–290

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-284-290>

Научная статья

УДК 355.48(470+571)|1698|

Миусский поход воеводы А. П. Салтыкова 1698 года

П. А. Аваков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41

Аваков Пётр Ашотович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела гуманитарных исследований, pavakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9051-5611>, Aauthor ID: 766138

Аннотация. В статье на архивном материале реконструируется история похода Рязанского разрядного полка в Северо-Восточное Приазовье – самой малоизученной операции Русско-турецкой войны 1686–1699 гг. Определены конкретные сроки похода, численность и состав участвовавших в нем войск, их точный маршрут. Целями военной экспедиции были охрана региона и строительство на северном побережье Азовского моря порта и крепости. Показано исключительное демонстрационное и колонизационное значение Миусского похода 1698 г.

Ключевые слова: военная история, Русско-турецкая война 1686–1699 гг., Азовские походы, крепость Миус, Таганрогская гавань

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42049 «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.».

Для цитирования: Аваков П. А. Миусский поход воеводы А. П. Салтыкова 1698 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 284–290. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-284-290>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Mius Campaign of Palatine A. P. Saltykov of 1698

P. A. Avakov

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 41 Chehov St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Pyotr A. Avakov, pavakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9051-5611>, Aauthor ID: 766138

Abstract. The article reconstructs the history of the campaign of the Ryazan Razryad Regiment (Discharge Corps) in the North-Eastern Azov Sea area – the most poorly studied operation of the Russian-Turkish War of 1686–1699 based on the archival material. The specific dates of the campaign, the number and composition of the troops participating in it, their exact route is determined. The goals of the military expedition were to protect the region and build a port and a fortress on the northern coast of the Azov Sea. It is shown that the Mius Campaign of 1698 had an exclusively demonstration and colonization value.

Keywords: Military history, Russian-Turkish War of 1686–1699, Azov Campaigns, Mius fortress, Taganrog Harbor

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42049 «The “Azov Project” of Peter the Great: North-Eastern Azov Sea area in the Foreign and Domestic Politics of Russia in the Late 17th – Early 18th Century».

For citation: Avakov P. A. Mius Campaign of Palatine A. P. Saltykov of 1698. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 284–290 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-284-290>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CCO-BY 4.0)

История походов российских войск в Северо-Восточное Приазовье, состоявшихся уже после взятия Петром I Азова, но все еще в рамках Русско-турецкой войны 1686–1699 гг., изучена фрагментарно. Вероятно, это связано не только с отбрасываемой на них тенью победного Азовского похода 1696 г., но и с непропорциональной разработанностью источников по данной теме, лишь частично введенных в научный оборот. Наименее исследованной является военная экспедиция к берегам Азовского моря 1698 г. Долгое время о ней вообще не упоминалось в историографии. Неизвестны были ни конкретные сроки похода, ни численность и состав участвовавших в нем войск, ни их точный маршрут. Впервые история экспедиции в общих чертах была освещена в диссертационном исследовании автора этих строк [1, с. 139–140]. Н. Н. Петрухинцев обратил на нее внимание в контексте мобилизационных возможностей России в ходе войны, которую он почему-то датировал 1687–1700 гг. Историк привел и сопоставил данные о штатной (по наряду) и фактической численности задействованного в походе войска [2, с. 149–151 и диаграммы на цветной вклейке; 3, с. 92, 93, 95, 96, 98]. Между тем, сохранившиеся архивные документы содержат и другие сведения, позволяющие гораздо полнее реконструировать ход и итоги экспедиции, получившей в приказной документации наименование Азовского и Миусского похода [4, л. 351; 5, л. 5; 6, л. 730].

Весной 1698 г., когда Петр I с Великим посольством находился в Западной Европе, боярское правительство отправило на юг два крупных разрядных полка для охраны границы и завоеванных в 1695–1696 гг. плацдармов в низовьях Днепра и Дона. Белгородский полк под командованием воеводы боярина князя Я. Ф. Долгорукова и Войско Запорожское гетмана И. С. Мазепы направились в район Казыкермена и Таванска (Газикермана и Нусреткермана), а Рязанский полк во главе с воеводой боярином А. П. Салтыковым двинулся к Азову «с целью удерживать врага от всяких вторжений, а при удобном случае и победоносно сразиться с ним», – писал в своем дневнике Й. Г. Корб, секретарь посольства Священной Римской империи германской нации в Москве [7, с. 427–428; 8, с. 449–450; 9, с. 58, 63]. Эти меры были не случайны, так как угроза османского реванша по-прежнему сохранялась.

Как гласил указ от 21 мая 1698 г., боярин Алексей Петрович Салтыков отправился в низовья Дона «для береженья завоеванных городов Азова и Лютина и к ним приналежащих городов же и мест». Товарищем воеводы

был назначен стольник Иван Михайлович Вердеревский [4, л. 326–326 об.]. Находившийся под их началом Рязанский разрядный полк отличался гораздо меньшими размерами от каждого из войск, участвовавших в трех Азовских походах 1695–1697 гг. Более того, своей малочисленностью он заметно разнился с другими воинскими соединениями Юга России. Согласно проектному штатному расписанию разрядов 1680 г., в Рязанский полк должны были входить 5 копейно-рейтарских полков, 4 солдатских полка, 3 московских стрелецких полка и 2 отряда дворян сотенной службы, общей численностью 15617 чел., в то время как силы соседнего Белгородского разряда насчитывали более 24,2 тыс. чел. [10, с. 47–48, 50–54; 11, с. 41]. Такая диспропорция была обусловлена как размерами, так и географическим положением Рязанского разряда, чья территория лежала намного восточнее границы с Крымским ханством, в отличие от более обширных Белгородского и Севского разрядов.

В походе 1698 г. основной ударной силой Рязанского полка являлись 8 солдатских полков: полковников Е. Е. Шлиппенбаха (Владимирский), А. М. Дедюта (Рязанский), В. В. фон Делдина (Венёвский), Н. Н. Балка (Михайловский), М. М. Гурика (Касимовский), А. А. Шневенца (Саранский), Д. И. Купера и Ф. Н. Балка. Конницу представляли 4 рейтарских полка: полковников З. Е. Кро (Галицкий), К. И. Эваницкого (Казанский), И. П. Бернера (Нижегородский) и П. П. Бернера (Шацкий), усиленные тремя конными ротами «московских чинов» и ярославских «новокрещеных» татар в количестве 275 чел. При воеводском штабе состояли дьяки Роман Бочин и Савва Сандырев, 9 приказных и 8 городских подьячих, 2 сторожа и небольшой отряд завоеводчиков, есаулов, обозников и замщиков. Кроме того, азовский воевода боярин князь А. П. Прозоровский должен был командировать в Рязанский полк по прибытии его на место 200 конных казаков и 2 московских стрелецких полка. Конечным пунктом похода был не Азов, а устье реки Миус, где А. П. Салтыкову следовало начать строительство новой крепости и морской пристани [4, л. 326 об.–328, 346–347 об., 351 об.–394; 5, л. 8–44 об.; 12, л. 34, 38; 13, л. 37; 8, с. 317–318].

Несколько слов о самом разрядном воеводе. А. П. Салтыков являлся одним из виднейших представителей боярской элиты того времени и приходился Петру I четвероюродным братом. Его дед – боярин Михаил Михайлович Салтыков – был двоюродным братом царя Михаила Федоровича по линии матери. Командование Рязанским полком в течение года – единственный

военный эпизод карьеры Алексея Петровича. Как военачальник он себя не проявил и с начала своей служебной деятельности в 1662 г. занимал в основном административные должности: астраханского и киевского воеводы, судьи Разбойного, Патриаршего, Земского, Холопьяго, Московского и Владимирского судебных приказов, московского и казанского губернатора [14, с. 68, 253].

В конце мая 1698 г. Рязанский полк выступил из Валук недоукомплектованным и продолжал пополняться в пути вплоть до прибытия на место. К 5 июня вместо положенных по наряду 12417 ратных людей под командованием воеводы А. П. Салтыкова находилось всего 3984 чел. В июне и июле, когда войско уже следовало от дельты Дона к р. Миус, к нему присоединялись еще несколько групп и отдельных служилых людей численностью от одного до 103 чел. [15, л. 5 об.–6, 9–13 об., 18–18 об., 24–25].

26 июня Рязанский полк подошел к Мертвому Донцу – северному рукаву дельты Дона, где простоял больше недели до 4 июля. Задержка была вызвана проблемой с доставкой хлебных запасов из Азова. Поскольку азовский воевода князь А. П. Прозоровский не прислал их в срок, А. П. Салтыкову пришлось самому отправлять за ними в город рейтар и солдат с офицерами. При получении продовольствия возникли сложности, о чем воевода донес в Разряд: «И по многим де их посылкам тех хлебных запасов... ратным людям полку их выдано самое малое число, да и те хлебные запасы многие гнилые, а для подъема того хлебного запаса до полку их водяным путем будары даны худые, и к водяному ходу негодные». В результате, начальные и ратные люди «от великой своей нужды, что им есть нечего», взяли запасов «малое число», а для перевозки их из Азова в лагерь Рязанского полка им пришлось нанять будары «дорогою ценою» – по 5–6 руб. [15, л. 44–44 об.].

Пока войско стояло у Мертвого Донца, 1–2 июля к нему подъезжали татары, но «никакова зла не учинили». 3 июля присланный войсковым атаманом Войска Донского Фролом Минаевым казак Карп Казанкин (впоследствии – один из убийц атамана К. А. Булавина) сообщил, что днем ранее неприятельская конница, насчитывавшая около 1000 всадников, приходила к сенокосным полям у Черкаска, где захватила немало пленных [15, л. 45–45 об.]. Однако атаковать Рязанский полк татары не решились. При этом его боеспособность оставляла желать лучшего. Как писал в Разряд А. П. Салтыков, ему «в розъезды для проведывания о неприятельских людях посылать некого», потому что ратных людей в его войске «самое малое число», и у них «от великих жаров многие лошади попадали, и за худобою в дороге пометали». К тому же вопреки

указу азовский воевода так и не прислал в Рязанский полк ни конных казаков для разъездов, ни стрелецкие полки [15, л. 46–46 об.].

Наконец, 14 июля войско А. П. Салтыкова достигло Миусского лимана. 20 июля туда прибыл венецианский капитан флота Маттиа Миланкович (Матвей Симонтов), и воевода отправил его измерять глубину лимана, где предполагалось начать строительство порта. Прибытие имперского, шведского, прусского и датского инженеров, которые должны были строить новую крепость при устье Миуса, задерживалось [15, л. 47–47 об.; 4, л. 348–348 об.].

Во время пребывания Рязанского полка на Миусском полуострове боевая стычка с татарами все же произошла. 30 августа, когда из города-крепости Павловского на Петрушиной тубе (косе) на соединение с войском А. П. Салтыкова к Миусу выступил воевода думный дворянин И. И. Щепин с полками, на его обоз «били неприятельские люди», которым удалось захватить пленных и лошадей. Русские ратные люди за ними «гонялись, и полон и лошадей отбили», убив при этом несколько татар [12, л. 45–46; 16, л. 31 об., 33 об.].

1 сентября А. П. Салтыков заложил на высоком левом берегу Миусского лимана земляную крепость в форме неправильного многоугольника с семью бастионами, по проекту имперского обер-инженера барона Э. Ф. фон Боргсдорфа (рис. 1). Строительные работы продолжались всего 4 недели – до 25 сентября. Уже 8 сентября в «новопостроенной город» вошел павловский воевода И. И. Щепин со своими полками, пушками и боеприпасами [16, л. 31 об., 33 об.; 12, л. 44, 259, 260; 17, р. 103; 4, л. 349–349 об.; 18, л. 307 об.; 19; 9, с. 292, изобр. 7; 20]. После его ухода на Таган-рог в октябре «в новозастроенном городе, что на Миусе» были оставлены 500 копеечников, рейтар и солдат с подполковником Николаем Нейтером и другими офицерами [12, л. 62].

При основании крепость не получила официального названия и первое время фигурировала в документах как «город Миус». Лишь в начале XVIII в. ее переименовали в Семеновский шанец. Это название связано с тем, что закладка укрепления состоялась в день святого Симеона-столпника Антиохийского – первый день нового года Византийской эры, известный в народе как Семин день. Семеновской крепостью шанец стали называть несколькими десятилетиями позже – уже после того, как он был заброшен в 1711 г., что отражено на многих картах Приазовья середины – второй половины XVIII в. [21, с. 209, 215; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28, л. 114 об.; 29; 30].

Много лет спустя, в прошении, поданном в Кабинет императрицы Екатерины I в феврале 1726 г., А. П. Салтыков так описал свою службу

Рис. 1. Проектный план крепости Миус ("Entwurf von der festung, welche auß befehl Ih[re]s] Szaarich[en] Mayjestät beijm fluß Miус am Assoffischen Meer a[um] 1698 den 1/11 September..."). Э. Ф. фон Боргсдорф. Ок. 1698 г. Копия, современная оригиналу. Generallandesarchiv Karlsruhe

в 1698 г. (не указывая даты): «...Послан я был воеводою с полками на Таганрог и на Миус, и меж Миуса и моря, по указу их величества, зделал Семеновской город. И отуды повелено мне идти на Таганрог строить город и карабельную гавань, и я по указу их величеств зачал делать. И в октябре месяце повелено мне ехать в Москву, а полки, которые были при мне, распустить» [14, с. 253].

Что касается гавани, то проведя в июле 1698 г. замеры глубины моря напротив устья Миуса, капитан М. Миланкович убедился в том, что акватория лимана непригодна для ее устройства из-за мелководья. Шведский инженер Кристиан Ругэль согласился с его мнением и даже заявил А. П. Салтыкову, что при устье Миуса «городу бес корабельной пристани быть невозможно». Оба специалиста наиболее пригодным местом для строительства порта считали Таганрог, где и «городу быть мочно». 11 сентября 1698 г. их заключение было утверждено указом Пушкарского приказа, предписывающим павловскому воеводе «пристань морского коравана по капитанскому чертежу строит в том урочище на Таган-рогу, и для бережения той пристани шанец» [31, с. 300; 15, л. 47–47 об.; 16, л. 12–12 об.; 12, л. 38–42 а] (именно с этим указом, ошибочно датированным 12 сентября, традиционно связывают основание г. Таганрога). Вся деятельность личного состава Рязанского полка в этом направлении ограничилась заготовлением «удобного

камня» трех размеров – «большого», «среднего» и «малого». В течение 10 дней – с 16 по 26 августа 1698 г. – у берега моря на мысу было выложено 57646 камней [12, л. 44; 16, л. 12 об.; 8, с. 319–320].

В октябре 1698 г., уже после ухода Рязанского полка, И. И. Щепин построил на Таган-роге временные укрепления, представлявшие собой 3 небольших «городка», соединенных линией земляного вала со рвом впереди [12, л. 77–77 об., 146, 147; 9, с. 293, изобр. 8]. Наконец, в июне 1699 г. там началось строительство порта, а в сентябре – города-крепости Троицкого, более известного в историографии как Таганрог [31, с. 302–303; 32, с. 98–100; 18, л. 303] (рис. 2).

Вместе с Рязанским полком в октябре 1698 г. Миусский полуостров покинули ратные люди, зимовавшие с 1697 г. в Павловском. Вместо них в новых укреплениях были оставлены 1107 солдат из Рязанского полка, а также 3893 копейщика, рейтара и солдата, которые ранее бежали из воеводского полка И. И. Щепина. Из этих 5000 человек был укомплектован рядовой состав двух рейтарских полков полковников В. И. Сербина и И. П. Бернера и двух солдатских полков полковников Д. И. Купера и М. М. Гурика, которым предстояло нести «годовую службу» в Павловском, Миусе и таганрогских укреплениях [12, л. 38–40, 64, 66, 67, 194; 33, л. 2–3, 16; 34,

Рис. 2. Северо-Восточное Приазовье в конце XVII века

л. 2, 4, 14; 13, л. 74 об.; 35, л. 764 об.; 36, л. 530, 532; 5, л. 5–44 об.].

Таким образом, Миусский поход А. П. Салтыкова как военная операция имел исключительно демонстрационное и колонизационное значение, поскольку Османская империя и Крымское ханство в 1698 г. не предприняли никаких серьезных военных акций в Приазовье. Их основные усилия в борьбе с Россией, как и в 1697 г., были сосредоточены в низовьях Днепра, где почти 40-тысячное русско-украинское войско попыталось активизировать боевые действия. 21 июля князь Я. Ф. Долгоруков и И. С. Мазепа с главными силами заняли позицию у Исламкермена (Шахинкермана), откуда 3 августа послали к Очакову по реке десяти тысячный отряд на судах, к которому присоединилась флотилия запорожцев. Хотя их выход в Днепро-Бугский лиман не привел к боевому столкновению с отступившим противником, эта демонстрация остановила едва не начавшийся поход прибывших в Очаков османских войск и флота на Таванск и Казыкермень. 29 июля и 9 августа воевода и гетман дважды отразили нападение крымского войска, усиленного османской конницей [37, с. 476–477; 8, с. 462–474; 38, с. 278–279; 39, с. 406–408; 40, с. 502–505; 3, с. 91–97]. Именно эти акции стали наиболее яркими событиями кампании 1698 г. для России и одновременно последними ее широкомасштабными операциями в ходе войны, завершившейся подписанием Карловицкого перемирия 14 января 1699 г.

Список литературы

1. Аваков П. А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в. : завоевание, колонизация, управление : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011. 380 с.
2. Петрухинцев Н. Н. Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур России // Петр I и Восток : материалы XI Международного петровского конгресса (Санкт-Петербург, 1–2 июня 2018 г.) / сост. А. В. Кобак., М. В. Петрова ; науч. ред. Д. Ю. Гузевич. СПб. : Европейский Дом, 2019. С. 131–154.
3. Петрухинцев Н. Н., Никитина А. А. Последний натиск на степь в XVII столетии : Военная кампания 1698 г. как финал «петровской войны» с Турцией // История : факты и символы. 2020. № 4 (25). С. 90–98.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 6. Кн. 161. Ч. 1.
5. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 177 (Приказ воинского морского флота). Оп. 1. Д. 2.
6. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14.
7. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года [в 45 т.]. Т. 3. СПб. : В тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии), 1830. [2], 692 с.
8. История русского флота : Период азовский : Приложения : [в 2 ч.] / сост. С. И. Елагин. Ч. 2. СПб. : В тип. Гогенфельдена, 1864. [2], XXXII, 522 с.
9. Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.) / пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1906. [2], XII, [8], 322 с.
10. Великанов В. С. Рязанский разряд в последней четверти XVII века // Рязанская старина : 2009–2018 / сост. А. О. Никитин, П. А. Трибунский. Вып. 7–16. Рязань : П. А. Трибунский, 2019. С. 45–57.
11. Великанов В. С. Организация и численность Белгородского разрядного полка в годы Русско-турецкой войны 1672–1681 гг. // Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты / редкол. : В. М. Жигалов [и др.]. Вып. 4. Белгород : Константа, 2019. С. 35–43.
12. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Ф. 105 (Коллекция документов конца XVII – начала XVIII в.). Оп. 1. Д. 21.
13. Государственный архив Воронежской области (ГА-ВО). Ф. И-5 (Азовская приказная палата). Оп. 2. Д. 117.
14. Серов Д. О. Администрация Петра I. 2-е изд., испр. и доп. М. : ОГИ, 2007. 288 с.
15. РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г. Ф. Миллера). Портф. 130. Ч. 15. Д. 2.
16. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 5.
17. Ardeleanu G. S. Contribuție la istoria expedițiilor de la Azov (169–1699 // Studii Revistă de istorie. 1956. № 2–3. P. 91–106.
18. РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 3. Д. 24.
19. Generallandesarchiv Karlsruhe. Hfk. Pläne G. Nr. 16,2.
20. Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук. Осн. собр. рукоп. карт. № 19.
21. Гильденштедт А. Й. Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773–1774 г. / пер. М. Ф. Шугурова // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 11. Одесса : Франко-русская тип. Л. Даникана, 1879. С. 180–228.
22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846 (Коллекция Военно-ученого архива). Оп. 16. Д. 21307.
23. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25841.
24. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22885.
25. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22887.
26. РГВИА. Ф. 418 (Планы и описания городов, крепостей, селений и других населенных пунктов бывшей Российской империи). Оп. 1. Д. 711.
27. РГАВМФ. Ф. 1331 (Атласы, карты и планы архива Центрального картографического производства). Оп. 4. Д. 426.
28. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 747.
29. Государственный исторический музей (ГИМ). ГО-1882/67.
30. ГИМ. ГО-4381/11.
31. Аваков П. А. Основание Таганрогской гавани : от идеи к воплощению // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37, № 2. С. 298–311.

32. Аваков П. А. Город Троицкий на Таган-роге : Каким был облик первой военно-морской базы России? // Родина. 2015. № 8. С. 98–101.
33. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 193.
34. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 132.
35. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 10.
36. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 7.
37. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Велико-го : [в 6 т.]. Т. 3. СПб. : В тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1858. 652, [10] с.
38. Эварницкий Д. И. История запорожских козаков : [в 3 т.]. Т. 3. СПб. : Тип. П. И. Бабкина, 1897. IV, 646 с.
39. Заруба В. М. Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дні-пропетровськ : Ліра ЛТД, 2003. 464 с.
40. Станіславський В. В. Дніпровські походи 1697–1698 років в недрукованих листах Івана Мазепи до Пет-ра I // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавні-ших часів до кінця XVIII ст.). Київ : ВД «Стилос», 2006. Вип. 6. С. 489–508.

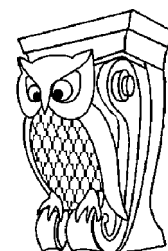
Поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 13.02.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 13.02.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 291–297
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 291–297
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-291-297>

Научная статья
УДК 378.4.09(470.41-25)|18/19|:378.014.15|1884|

Университетский устав 1884 г. и организация учебной повседневности в Казанском университете на рубеже XIX–XX веков

Л. А. Бушуева

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Россия, 420111, г. Казань, ул. Батурина, д. 7а

Бушуева Людмила Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра истории и теории национального образования, bushueva9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4869-3048>, Author ID: 620846

Аннотация. В статье рассмотрено влияние университетского устава 1884 г. на организацию учебной повседневности в Казанском университете в конце XIX – начале XX в. Устав 1884 г. и дополнительные акты к нему требовали от университетских преподавателей согласовывать с Министерством народного просвещения все вопросы, касающиеся учебного процесса, вплоть до распределения аудиторий. Однако сложные бюрократические процедуры согласования вкуче со специфическими условиями существования данного вуза часто приводили к нарушению каждодневного режима занятий. В начале XX в. это привело к возврату некоторых норм организации учебной повседневности периода действия устава 1863 г., хотя устав 1884 г. официально не был отменен.

Ключевые слова: университетский устав 1884 г., Министерство народного просвещения, Казанский университет, учебная повседневность, организация учебного процесса, расписание занятий, учебная нагрузка

Для цитирования: Бушуева Л. А. Университетский устав 1884 г. и организация учебной повседневности в Казанском университете на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 291–297. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-291-297>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

University statute of 1884 and the organization of educational daily routine at the Kazan University at the turn of 19th and 20th centuries

L. A. Bushueva

Sh. Marjany Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 7a Baturina St., Kazan 420111, Russia

Ludmila A. Bushueva, bushueva9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4869-3048>, Author ID: 620846

Abstract. The article considers the influence of the University Statute of 1884 on the organization of everyday learning at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries. The Statute of 1884 and additional acts to it required university teachers to coordinate with the Ministry of Public Education all issues related to the educational process, up to the distribution of classrooms. However, complex bureaucratic approval procedures, coupled with the specific conditions for the existence of a given institution of higher education, often led to a violation of the daily routine of classes. At the beginning of the XXth century this led to the return of some norms of the organization of everyday learning during the period of the Statute of 1863, although the charter of 1884 was not officially repealed.

Keywords: University statute of 1884, Ministry of Public Education, Kazan University, educational daily routine, organization of the educational process, time-table of lessons, educational load

For citation: Bushueva L. A. University statute of 1884 and the organization of educational daily routine at the Kazan University at the turn of 19th and 20th centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 291–297 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-291-297>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследователи высшего образования Российской империи, как правило, рассматривают университетский устав, введенный в 1884 г., в контексте контрреформ императора Александра III. Они справедливо подчеркивают, что

в связи с введением этого законодательного акта в российских университетах были значительно урезаны права коллегиальных органов управления и расширены полномочия Министерства народного просвещения (далее – МНП) и попе-

чителей учебных округов [1, с. 34–42]. По уставу 1884 г. министр народного просвещения мог самостоятельно назначать университетскую администрацию, а также профессоров и младших преподавателей. Сами представители университетского сообщества, рассуждая о периоде действия устава 1884 г., неоднократно говорили о нем как о времени «правительственной опеки», «губительнейшего проявления бюрократизма», «уничтожения свободы научного преподавания» [2, с. 8–12]. В настоящей работе мы рассмотрим, как введение устава 1884 г. повлияло на организацию учебного процесса в одном из старейших вузов Российской империи – Казанском университете и как «правительственная опека» влияла на каждодневную жизнь преподавателей и студентов в стенах данного учебного заведения.

Кроме упразднения полномочий общеуниверситетских и факультетских советов избирать ректоров и деканов, устав 1884 г. обрушил на преподавательские коллегии массу новых методических предписаний, повлиявших на организацию учебного времени. Во-первых, в сравнении с ранее действующим уставом 1863 г. устав 1884 г. поделит годовые академические курсы на полугодия. Первое (осеннее) полугодие продолжалось с 20 августа по 20 декабря, второе (весеннее) с 15 января по 30 мая [3, стлб. 1004]. Студентам историко-филологических, физико-математических, юридических факультетов полагалось учиться 8 полугодий, медикам – 10. Каждый факультет должен был представить в министерство один или несколько учебных планов, в которых давался перечень «наук, подлежащих изучению студентами и нормальный порядок их изучения» [3, стлб. 1005]. Во-вторых, для штатных профессоров устанавливалась шестичасовая недельная норма преподавания.

Однако основное внимание МНП уделено расписаниям занятий в университетах. В феврале 1885 г. в дополнении к уставу были выпущены «Правила относительно составления и представления обзоров преподавания и распределения лекций и практических занятий» [4, л. 1–5], которые отныне задавали строгий алгоритм их создания. Согласно этому документу каждое полугодие все преподаватели обязаны были предоставлять декану своего факультета сведения о том, какие предметы, в каком объеме и порядке они планируют вести. К 15 октября предоставлялись данные на весеннее полугодие, а к 15 марта – на предстоящее осеннее. На основании этих сведений деканы должны были составить предварительный план занятий. В нем обязательно указывались такие данные о каждом преподавателе, как точное и полное наименование предполагаемых лекционных курсов, общее число лекций в неделю, дни, часы, а также место их проведения (номер аудитории или название помещения). Сведения о практических

занятиях и о «совещательных часах» (консультациях со студентами) прописывались отдельно. В завершение давался перечень тех сочинений и изданий, «которые преподаватель рекомендовал своим слушателям в качестве пособий при слушании ими его курса и для практических занятий» [4, л. 2]. Проект расписания предварительно обсуждался на факультетских и общеуниверситетских советах, после чего отправлялся попечителю учебного округа, а затем министру народного просвещения.

Схожий порядок составления расписания действовал и согласно уставу 1863 г., но теперь министерство устанавливало жесткие сроки для его создания. Расписание на весеннее полугодие нужно было сдать в МНП не позднее 1 ноября, а на предстоящее осеннее полугодие, которое, напомним, начиналось лишь 20 августа, – не позже 1 апреля. Расписание занятий обязательно должно было получить одобрение министра, после чего в него трудно было внести какие-либо изменения. Кроме того, министр народного просвещения И. Д. Делянов в первые годы действия устава 1884 г. тщательно проверял планы преподавания практически каждого университетского преподавателя [4, л. 3].

Проверенные документы министерство возвращало попечителям, а те в свою очередь отправляли их в правления университетов. Правления должны были подготовить к печати расписание лекций и практических занятий для каждого факультета в виде графической таблицы, а также обзрения преподавания и наук по каждому факультету в отдельности. Как предписывали правила составления расписания, «печатание обзрений на каждое предстоящее полугодие должно быть окончено прежде окончания истекающего полугодия, дабы каждый студент мог заблаговременно приобрести экземпляр обзрения преподавания, обсудить и решить выбор для себя курсов на предстоящее полугодие» [4, л. 5]. Готовые печатные экземпляры обзрений по всем факультетам брошюровались вместе. Четыре экземпляра отправлялись в МНП, студенческую инспекцию, остальные предназначались для продажи студентам и всем желающим. «Сводная же на одном листе графическая таблица распределения преподавания выставляется в назначенных для того местах в здании университета» [4, л. 5].

Ректор и деканы должны были строго следить за тем, чтобы факультеты не допускали отступлений от утвержденных обзрений. Любые изменения, кроме перемены в личном составе, болезни и командировки, могли быть допускаемы «лишь в особо уважительных случаях, только по ходатайству факультета и с разрешения попечителя учебного округа» [4, л. 4].

Обзрения преподавания, составленные при непосредственном контроле министерства, призваны были упорядочить и структурировать учебный процесс в университетах, сделать его контро-

лируемым и предсказуемым. Однако эти правила оказалось сложно приспособить к конкретному вузу. Множество местных особенностей мешали эффективно применить предложенный МНП механизм. Так, Казанский университет в начале 1880-х гг. испытывал огромный недостаток в учебных помещениях. В качестве учебной аудитории здесь использовался даже зал профессора совета [5, с. 32]. Поэтому большинство преподавателей, кроме некоторых заведующих специальными кабинетами и музеями, не могли точно указать аудитории, а также определить дни и тем более часы, в которые они будут читать лекции через полгода. Члены историко-филологического факультета жаловались, что «с увеличением личного состава, так и числа лекций, выбрать аудиторию наперед становится совершенно невозможным, так как неизвестно в какие дни и часы будут читать профессора других факультетов. Трудно предвидеть сколько будут слушателей» [4, л. 11]. Затруднялись факультеты подавать сведения и о преподавании предметов по вакантным кафедрам, так как в Казанском университете регулярно происходили изменения в личном составе.

В первые годы действия устава 1884 г. Казанский университет получал от И. Д. Делянова, лично проверявшего поступающие проекты обзрений преподавания, большое количество замечаний. Так, обзрения преподавания на осеннее полугодие 1885/86 учебного года не устраивали министра из-за слишком дробного деления курса русской истории. В них не были указаны номера аудиторий и общее количество часов. Министр обратил внимание и на то, что одни профессоры планировали читать лекций меньше установленной 6-часовой недельной нормы, а другие, напротив, существенно ее превышали [4, л. 208–211]. Математикам и естественникам Казанского университета вменялось следующее: «Число часов практических занятий под руководством профессора должно быть ограничено по указанию министра 4 или 5 часами и только эти часы должны оплачиваться гонораром. Однако из представленных обзрений видно, что профессор барон Розен, А. М. Зайцев, Ф. М. Флавицкий, Н. М. Мельников и М. М. Усов предполагают иметь 6 и более часов практических занятий, отчего число часов, за который должен быть вычитываться гонорар, естественно увеличивается» [6, л. 124]. Между тем министр признавал, что 4–5 лабораторных занятий в неделю, возможно, действительно недостаточно, тем самым поощряя бесплатное проведение практики профессорами.

С введением устава 1884 г. казанские профессора и преподаватели стали тратить огромное количество времени на переписку с министерством и исправления замечаний в проектах обзрения преподавания. Несмотря на то, что

ректоры Казанского университета данного периода тщательно следили за своевременной подачей документов в министерство и их соответствием учебным планам [6, л. 69], сложная бюрократическая процедура составления расписания в совокупности со строгими предписаниями, касающимися студенческой инспекции, вместо порядка вносили в учебный процесс неразбериху и даже могли остановить его. Приведем один простой пример, который, на наш взгляд, демонстрирует, каким образом это происходило. В 1886 г. совет Казанского университета подготовил обзрения преподавания на осеннее полугодие 1886/87 учебного года и согласовал с МНП в первой половине августа. С 20 августа администрация университета, профессора и преподаватели уже собирались приступить к занятиям, как того требовал устав 1884 г, но тут выяснилось, что к началу учебного года оказалась не готова студенческая инспекция. Дело в том, что из-за позднего выпуска обзрений преподавания студенты не успели до 20 августа выбрать учебные курсы и записаться на них. Следовательно, инспектор не смог вовремя подготовить входные билеты в университет, так как в этих билетах нужно было указать перечень предметов, на которые записаны учащиеся. А без билета студенты не имели права находиться в учебных помещениях университета. Поэтому в тот год инспектор студентов просил ректора Н. А. Кремлева отсрочить начало занятий на 2 недели. Ректору, не желавшему нарушать университетское законодательство, пришлось согласиться. Поэтому 1886/87 учебный год в Казанском университете начался 9 сентября вместо 20 августа [4, л. 93 об.]. И такие задержки начала академического года, а следовательно, и сокращение осеннего семестра, происходили регулярно во многих университетах, о чем свидетельствуют министерские распоряжения 1899 г. [7, стлб. 691] и 1904 г. [8, стлб. 197].

Когда же учебный процесс, наконец, запускался, возникали неизбежные нестыковки в расписании. Выяснялось, что лекции одних преподавателей совпадают со временем проведения заседаний факультета или университетского совета, что личный состав факультетов поменялся или кто-то из профессоров и приват-доцентов получил разрешение на длительную командировку. Однако внести какие-либо изменения в утвержденный порядок, не нарушая законодательства, было возможно лишь через представление в университетский совет с подробным обоснованием и только с разрешения попечителя и министра народного просвещения. Так, на перенесение часов профессора механики И. С. Громеки, совпавших со временем проведения факультетских заседаний, ушло несколько месяцев [4, л. 111].

Многие прошения о перемене расписания вообще не рассматривались «ввиду позднего обращения просителя». Обращаясь с очередной

просьбой о переносе часов, казанские профессора и приват-доценты нередко упоминали положительный «опыт времен устава 1863 г.», когда расписание составлялось и свободно менялось в течение всего сентября. В конце концов в Казани все чаще имели место случаи, когда преподаватели, невзирая на замечания инспекции, не утруждали себя излишними обращениями к чиновникам и самовольно проводили занятия в удобное им время. Как правило, это были медики, устраивавшие занятия вне университетских стен, в городских клиниках [9, л. 104]. В связи с этим в первые годы действия устава 1884 г. университетский инспектор Н. Г. Потапов регулярно жаловался ректору Н. А. Кремлеву на преподавателей медицинского факультета. Однако и ректор, и декан медицинского факультета К. А. Арнштейн, осознавая невозможность соблюдения всех министерских правил, ограничивались лишь вынесением предупреждений в адрес «нарушителей». Эти предупреждения в виде писем от ректора получал факультетский совет. На заседании факультета их зачитывали и «принимали к сведению» [9, л. 104–104 об.]. Позднее профессор К. А. Арнштейн, говоря о периоде своего деканства, отмечал, что устав 1884 г., лишив университетскую коллегия автономных прав, в том числе и на самостоятельную организацию учебного процесса, «понижил уровень университета» [10, л. 94 об.].

К началу 1890-х гг. изнурительная процедура составления и утверждения обзорных преподавания на каждое полугодие начала изживать себя. В 1890 г. МНП разрешило университетам предоставлять их один раз в год перед летними каникулами [11, с. 25], что позволило упростить начало весеннего семестра.

Между тем весенние семестры в Казанском университете на протяжении действия устава 1884 г. сокращались из-за экзаменов. В 1889 г. МНП вернулось к практике проведения обязательных полукурсовых испытаний на всех факультетах после второго и четвертого полугодий [12, с. 622]. При этом сохранялись и итоговые экзамены в государственных комиссиях. Таким образом, в конце весеннего семестра студенты первых и вторых курсов проходили полукурсовые испытания, а в июне те, у кого были засчитаны все полугодия, сдавали итоговые экзамены в государственных комиссиях для того, чтобы получить диплом об окончании университета. По свидетельству профессора Н. Ф. Высоцкого, представлявшего в 1902 г. Казанский университет в комиссии по преобразованию высших учебных заведений, конец весеннего семестра превращался в одну затяжную экзаменационную сессию. «Весеннее полугодие еще короче, – уверял профессор коллег, – на деле начинается 20 января и длится до Страстной недели. После Пасхи студенты больше лекций не посещают из-за подготовки к зачетам и экзаменам» [12, с. 170].

Согласно материалам упомянутой комиссии 1902 г., созданной по инициативе министра народного просвещения Г. Э. Зенгера, в организации учебного времени профессора и преподаватели стремились вернуться к нормам устава 1863 г. Напряженная работа комиссии не принесла результатов, после публикации ее трудов реформа высшей школы остановилась [1, с. 48]. Однако в отношении способов контроля над университетским временем в декабре 1904 г. министерское распоряжение «О принятии мер к правильному течению учебной жизни в высших учебных заведениях» вернуло университеты к практике составления ведомостей о пропущенных лекциях и практических занятиях [8, стлб. 385–388].

Теперь обратимся к вопросу о том, соблюдалась ли 6-часовая недельная норма профессорской нагрузки в Казанском университете. Количество часов в данный период было тесно связано со специальностью того или иного преподавателя. В 1880-е гг. на историко-филологическом факультете Казанского университета, самом малочисленном в этом учебном заведении, 6-часовая норма соблюдалась довольно строго. Семь профессоров из десяти, судя по обзорным преподаваниям, вели именно 6 ч в неделю, за исключением преподавателей классических языков, нагрузка которых составляла 8 ч [14, 15, 16]. В этот период классические языки стали обязательными для всех студентов историко-филологического факультета, невзирая на их специализацию. «Теперь она (классическая филология. – Л. Б.) занимает в историко-филологическом факультете то самое место, которое принадлежит древним языкам в классических гимназиях; она становится средоточием и основанием требований, предъявляемых ко всем без исключения слушателям факультета», – отмечал анонимный обозреватель общественной хроники журнала «Вестник Европы» [17, с. 868]. Этим можно объяснить повышенную нагрузку преподавателей-классиков в сравнении с их коллегами.

Неравномерной оставалась нагрузка преподавателей физико-математического факультета. Профессора химии читали от 10 до 19 ч в неделю. Профессор А. М. Зайцев вел практические занятия по качественному химическому анализу, по органической химии, на медицинском факультете читал лекции по органической химии [14, 15, 16]. Иногда количество часов удавалось сократить за счет совместного чтения курса для двух факультетов, но в стесненных помещениях Казанского университета это далеко не всегда удавалось. Большую нагрузку приходилось нести преподавателям физики, геологии. Физико-математический факультет был самым загруженным в данный период. По тем кафедрам, где были подготовлены приват-доценты, профессора работали в более благоприятных условиях. Так,

профессора А. В. Васильева заменяли его ученики – приват-доценты В. Л. Некрасов, Н. И. Порфирьев, в том числе и во время его научных командировок [18, л. 46 об.].

На медицинском факультете в связи с большей численностью студентов и занятостью преподавателей в клиниках на лекциях и демонстрационных занятиях нагрузка была выше, чем на историко-филологическом факультете. Однако она распределялась более равномерно, чем у математиков и естественников, так как практические занятия здесь в большом объеме вели младшие преподаватели. В среднем медики вели от 6 до 10 часов в неделю [14, 15, 16]. Именно на медицинском факультете Казанского университета сформировался наиболее эффективный механизм подготовки преподавательских кадров, когда способных учеников могли оставить не только профессорскими стипендиатами, но и в качестве прозекторов и прочего младшего персонала. Число младших преподавателей здесь было самым большим. Так, в 1889 г. из 46 приват-доцентов Казанского университета 24 чел. преподавали на медицинском факультете [19, с. 10].

Важно отметить, что в конце XIX – начале XX в. рутинные преподавательские задачи далеко не исчерпывались аудиторными часами. Преподаватели занимались проверкой письменных работ студентов, проводили семинарии, сочетая исследовательскую и педагогическую работу. Штатные профессора привлекались к работе в государственных экзаменационных комиссиях в разных университетских городах Российской империи. В данный период в Казанском университете оставалась высокой административная нагрузка. С ограничением функций университетского совета круг преподавателей, занятых каждодневными административными обязанностями, сузился, но интенсивность их труда возросла. Так, ректорские обязанности включали в себя «непосредственное заведывание всеми частями управления университетом» [11, с. 6]. Большое количество времени отнимали заботы об университетском хозяйстве. Особенно острой в Казани была проблема нехватки учебных помещений. Руководителям университета того времени – профессору Н. А. Кремлеву (ректор в 1885–1890 гг.), профессору К. В. Ворошилову (ректор в 1890–1899 гг.), профессору Д. И. Дубяго (ректор в 1899–1905 гг.) – приходилось добиваться у министерских чиновников финансирования на расширение университетского комплекса. Переустройство помещений Казанского университета стало в конце XIX в. частью масштабного государственного проекта. В Казани развернулось обширное строительство, в результате которого возник новый больничный комплекс, включавший 4 университетских клиники на Арском поле, Бактериологический институт, здание для физиологических лабораторий,

обсерваторию имени В. П. Энгельгардта. Университетские администраторы отдали немало сил и времени на осуществление этих преобразований [20, с. 110]. Как писал приват-доцент П. Заболотнов о декане медицинского факультета профессоре Н. М. Любимове, «в период деканства Николая Матвеевича его деятельность достигла наибольшего напряжения <...>. Этот период совпал с массой построек, что отнимало у него много времени на бесконечные заседания в Правлении и Комиссиях помимо прочих разнообразных обязанностей как декана и профессора» [21, с. 6]. В связи с этим в период действия устава 1884 г. административная служба становилась особым видом карьеры в Казанском университете. Члены корпорации признавали не только заслуги коллег, сделавших научные открытия и ставших основателями научных школ, но и тех, кто посвятил себя административной службе. Так, в представлении к переизбранию по случаю выслуги 25-летнего срока службы профессора А. М. Осипова перечислялись многочисленные должности, на которых он состоял помимо выполнения преподавательских обязанностей. Профессор до конца службы был деканом юридического факультета, исполнял обязанности ректора, работал секретарем Совета, библиотекарем, редактировал Ученые записки и Известия Казанского университета, «тем самым содействуя успешному и правильному ходу университетской жизни» [22, с. 13–14], – подводили итог профессиональной деятельности А. М. Осипова его коллеги.

Однако административная работа нередко рассматривалась университетскими людьми как «терновый венец» [23, с. 10] и противопоставлялась научной и педагогической деятельности. Представления о просвещенческой миссии университетских людей приводили к тому, что научные занятия и педагогические успехи оценивались выше административных заслуг. Примером тому служит оценка работы профессора В. М. Флоринского как ученого и преподавателя, данная его коллегой по университету профессором Н. П. Загоскиным: «Деятельность эта не вполне соответствовала тому, чего можно было бы ожидать от Флоринского, судя по его предшествующим трудам. В Казани он, видимо, был уже не столько профессором – клиницистом, сколько администратором, поглощенным заботами об устройстве Томского университета. Оттого преподавание <...> при нем относительно недалеко ушло вперед по сравнению с тем положением, в каком оно находилось при его предшественниках» [24, с. 358–359].

Временные правила управления университетами, выпущенные 27 августа 1905 г. под давлением массовых студенческих волнений, не отменили устав 1884 г., однако вернули профессорским советам функцию главного

органа, отвечающего за «поддержание правильного хода учебной жизни в университете» [25, с. 659]. После завершения Первой русской революции предпринималось несколько попыток выработать новый университетский устав. Однако ни проект министра народного просвещения А. Н. Шварца, ни проект П. Н. Игнатъева не были реализованы. Вплоть до революции 1917 г. одновременно действовало два устава 1884 г. и Временных правил 1905 г. сохранялось, поэтому в этот период особенностью организации учебного процесса являлось сочетание, с одной стороны, либеральных вех в виде введения по инициативе профессуры на некоторых факультетах российских университетов предметной системы преподавания и, с другой, сохранения практики утверждения расписания и учебных планов МНП [26, с. 97]. Однако эта процедура даже при министре Л. А. Кассо, отличившимся демонстративно консервативной политикой, уже носила формальный характер. В переписке с ректором Казанского университета Г. Ф. Дормидонтовым министерские чиновники признавались, что министерство буквально «захлебывается» от массы присылаемых «бумаг», и что они не в состоянии к началу очередного учебного года «закончить сложную работу по рассмотрению обозрений коих в министерстве скапливается до 60 по разным факультетам всех университетов к началу занятий» [27, л. 56 об.]. К 1917 г. в Казанском университете были возвращены некоторые нормы организации учебного процесса периода действия устава 1863 г. Так, факультетские советы распределяли нагрузку между преподавателями и составляли расписание занятий, а профессорский совет их утверждал уже без тщательного контроля со стороны МНП, характерного для начального периода действия устава 1884 г.

Таким образом, в период действия устава 1884 г. МНП предприняло попытку создать универсальную систему контроля, когда университетские преподаватели лишились возможности управлять и своим временем, и временем своих воспитанников, а министерские чиновники, напротив, становились активными организаторами учебной повседневности. Однако единые министерские директивы, игнорирующие местные особенности высших учебных заведений и не учитывающие мнение преподавательских коллективов, с трудом реализовывались в отдельно взятых университетах. Так, в Казанском университете введенная уставом 1884 г. регламентация составления расписания и обозрений преподавания приводила к регулярным заминкам в учебном процессе. Ради сохранения учебного процесса администрации и преподавателям Казанского университета приходилось игнорировать такие бюрократические нормы, как обязательное согласование с министром изменений

в расписании занятий, номеров аудиторий, замен преподавателей. В начале XX в. наиболее одиозные требования МНП были постепенно упразднены, а Временные правила управления университетами 1905 г., наряду с правом выбора администрации, вернули профессорским советам и факультетам полномочия самостоятельно организовывать учебный процесс.

Список литературы

1. Иванов А. Е. Российские императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы – начало XX века) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 28–87.
2. К 150-летней годовщине Московского университета. Извлечения из юбилейных приветствий к дню 12-го января 1905 года. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1905. 34 с.
3. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения : в 17 т. Т. 9 : Царствование императора Александра III. 1884 год. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1893. 2089 стлб.
4. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 977 (Казанский университет). Оп. Совет. Д. 7430.
5. Императорский Казанский университет. Обозрение преподавания в первом полугодии 1885–1886 учебного года. Казань : Типография Императорского университета, 1885. 38 с.
6. ГА РТ. Ф.977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 1036.
7. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения : в 17 т. Т. 14 : 1898–1900. СПб. : Паровая скоропечатня «Восток», 1904. 1946 стлб.
8. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 16, ч. 1 : 1904 г. СПб. : Типография «Север», 1907. 688 стлб.
9. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 1813.
10. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564 а.
11. Общий устав Императорских Российских Университетов 1884 г. С приложением узаконений, на которые в Уставе делаются ссылки. Саратов : Типография союза печатного дела, 1913. 36 с.
12. *Рождественский С. И.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения : 1802–1902. СПб : Издание Министерства народного просвещения, 1902. 785 с.
13. Труды Высочайше утвержденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений : в 4 вып. Вып. 1. СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1903. 376 с.
14. Императорский Казанский университет. Обозрение преподавания в 1900–1901 учебном году. Казань : Типография Императорского университета, 1901. 45 с.
15. Императорский Казанский университет. Обозрение преподавания в весеннем полугодии 1888–1889 учебного года. Казань : Типография Императорского университета, 1889. 56 с.

16. Императорский Казанский университет. Обзорение преподавания в осеннем полугодии 1888–1889 учебного года. Казань : Типография Императорского университета, 1889. 35 с.
17. Из общественной хроники. 1 октября 1885 г. // Вестник Европы. 1885. Кн. 10. С. 861–873.
18. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 1413.
19. Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1900 года. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1900. 265 с.
20. Бушуева Л. А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань : Центр инновационных технологий, 2012. 288 с.
21. Николай Матвеевич Любимов как профессор и ученый. Речь, читанная в торжественном заседании Общества врачей, посвященном памяти покойного 24 февраля 1907 г. Приват-доцента П. Заболотнова. Казань : Типография Императорского университета, 1907. 17 с.
22. Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета в 1897 году. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1898. 331 с.
23. Речь профессора В. И. Разумовского, сказанная над гробом почившего ректора Н. М. Любимова. Казань : Типо-литография И. С. Перова, 1906. 12 с.
24. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) : в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1904. Ч. 2. 453 с.
25. О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства Народного Просвещения. Именной высочайший указ, данный Сенату. 1905, августа 27 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е : в 33 т. Т. 25. СПб. : Государственная типография, 1908. № 26692. С. 658–659.
26. Грибовский М. В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 – февраль 1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
27. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2234.

Поступила в редакцию 22.02.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 12.04.2022

The article was submitted 22.02.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 298–306

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 298–306

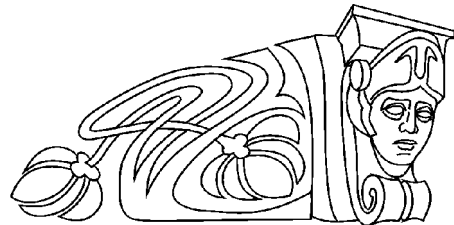
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-298-306>

Научная статья

УДК [314.151.5:656.2](47+57)|1944/1945|

Репатриация советских граждан железнодорожным транспортом (1944–1945)

А. Ф. Бичехвост

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Бичехвост Александр Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, политологии и социологии, istoriya2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8035-7840>, Author ID: 275401

Аннотация. В статье исследуются роль железнодорожного транспорта в репатриации советских граждан на завершающей этапе Великой Отечественной войны и после ее окончания, основные направления организационной работы Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, его представителей за рубежом, Военных советов фронтов и армий, НКПС, местных органов власти и управления по возвращению граждан СССР железнодорожным транспортом.

Ключевые слова: репатриация, Управление Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, Военные советы фронтов и армий, железнодорожный транспорт в годы Великой Отечественной войны

Для цитирования: Бичехвост А. Ф. Репатриация советских граждан железнодорожным транспортом (1944–1945) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 298–306. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-298-306>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Repatriation of Soviet citizens by rail (1944–1945)

A. F. Bichehvost

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Alexander F. Bichhvost, istoriya2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8035-7840>, Author ID: 275401

Abstract. The article examines the role of railway transport in the repatriation of Soviet citizens at the final stage of the Great Patriotic War and after its end, the main directions of organizational work of the Office of the Commissioner of the USSR Council of People's Commissars for the Repatriation of Soviet Citizens, its representatives abroad, Military Councils of Fronts and armies, NKPS, local authorities and the Administration for the return of Soviet citizens by rail.

Keywords: repatriation, Office of the Commissioner of the Council of People's Commissars of the USSR for the Repatriation of Soviet Citizens, Military Councils of Fronts and armies, railway transport during the Great Patriotic War

For citation: Bichehvost A. F. Repatriation of Soviet citizens by rail (1944–1945). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 298–306 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-298-306>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Уникальный опыт организации перевозок репатриантов в условиях военного и послевоенного времени был накоплен Управлением Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, образованном в 1944 г., представителями Уполномоченного, действовавшими внутри страны и за рубежом, Военными советами фронтов и армий, Народным комиссариатом путей сообщения, местными органами власти и управления.

Как научная проблема история перемещения советских репатриантов отечественными исследователями практически не изучалась, рассматривалась фрагментарно. Исключение составляют отдельные авторы, например М. М. Паникар, обстоятельно проанализировавшая историю репатриации советских граждан морским транспортом из Норвегии [1].

Уникальные возможности для научного анализа заявленной темы предоставляют материалы сборника документов «Репатриация советских

граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952» [2]. Серьезную помощь в научном осмыслении проблемы репатриации граждан СССР железнодорожным транспортом может оказать издание «Советские пленные в Норвегии в годы Великой Отечественной войны: документы и исследования» [3].

Как известно, в результате оккупационной политики фашистской Германии более 4 млн мирных советских граждан в качестве бесплатной рабочей силы были депортированы в Германию, на территорию ее союзников и оккупированных стран. Кроме того, около 2 млн советских военнопленных – жертв войны – выжили и были разбросаны по 20 странам мира. На основе Крымских (Ялтинских) соглашений 1945 г. о взаимной репатриации граждан союзных держав, а также согласно постановлениям Государственного Комитета Обороны и Совета народных комиссаров СССР советские перемещенные лица подлежали обязательному возвращению в Советский Союз.

Важнейшим средством доставки граждан СССР на Родину на завершающей стадии войны против фашистской Германии и после ее окончания стал железнодорожный транспорт, имевший ряд преимуществ перед другими транспортными средствами. Железная дорога позволяла перемещать большие массы людей в течение короткого времени на длительные расстояния вне зависимости от природно-климатических условий и времени суток. Как отмечалось в литературе послевоенных лет, «эта многомиллионная репатриация в столь короткий срок в трудных условиях массовых перевозок по суше и морским путем из различных районов явилась беспримерной в истории огромной операцией» [4, с. 40].

За транспортировку репатриантов по железной дороге несли прямую ответственность два ведомства – Управление Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан и Народный комиссариат путей сообщения СССР. Согласно утвержденному 23 октября 1944 г. Советом народных комиссаров «Положению об Уполномоченном Совнаркома СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран» в обязанность Уполномоченному вменялись «организация перевозки граждан СССР для возвращения их на Родину», забота о питании и медико-санитарном обслуживании репатриантов в пути, доставке их до конечного пункта («направление прибывших на Родину граждан СССР по назначению») [5, с. 68].

Перед репатриационным ведомством после его образования была поставлена важная задача – создать управленческую структуру, способную обеспечить массовую перевозку репатриантов по железной дороге, подобрать ответственных исполнителей для организации железнодорожной транспортировки перемещенных лиц. 18 декабря 1944 г. отдел кадров Управления Упол-

номоченного СНК СССР утвердил полковника И. В. Финогеева начальником транспортного отдела. Старшим помощником начальника отдела по железнодорожным перевозкам был назначен подполковник К. И. Борисов [5, с. 116].

Ответственность за перевозку советских граждан по железной дороге возлагалась и на представителей Уполномоченного, прикомандированных к Военным советам фронтов и армий, а также направленным за границу для сбора и возвращения граждан СССР. Согласно утвержденной 23 октября 1944 г. «Типовой инструкции представителю Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран» «Представитель Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации совместно с представителями правительственных и военных учреждений соответствующих стран организует отправку граждан СССР на Родину, принимает участие в разработке маршрутов отправки, обеспечении транспортными средствами, питанием и обслуживанием в пути следования на Родину и назначает своего ответственного представителя для доставки транспорта в СССР» [5, с. 71].

23 октября 1944 г. Уполномоченный Управления СНК СССР по репатриации советских граждан, генерал-полковник Ф. И. Голиков проинформировал Военные советы фронтов о прикомандировании сотрудников репатриационного ведомства к Военным советам 1 Прибалтийского, 1-го, 2-го, 3-го Белорусских, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов. В информационном письме отмечалось, что одна из задач откомандированных – отправка освобожденных граждан СССР на Родину [5, с. 77].

Командование, Военные советы фронтов и армий приняли к выполнению директиву об оказании помощи представителям Управления СНК СССР по репатриации советских граждан. 9 декабря 1944 г. командующий войсками 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта, генерал-лейтенант А. П. Белобородов подписал приказ за № 0326, в котором обязал оказывать помощь представителю Управления Уполномоченного СНК СССР при Военном совете фронта в организации перевозки репатриантов железной дорогой. Документ предписывал следующее: «Советских граждан, возвращаемых в СССР, довольствовать по норме № 4 приказа НКО № 312–1941 г. На пунктах погрузки обеспечивать горячей пищей и снабжать сухим пайком на весь путь следования по железной дороге до места расселения» [6].

Организация перевозки репатриантов железнодорожным транспортом предполагала ведение строгого учета перемещенных лиц, оформление регистрационных списков на доставляемых по железной дороге из сборно-пересыльных лагерей и пунктов в запасные части фронтов или

проверочно-фильтрационные лагеря. Списки репатриантов должны были содержать фамилию, имя и отчество, год рождения, личный (матрикулярный) номер, адрес постоянного места жительства до отправки в Германию или в оккупированные страны, дату, когда и куда выбыл репатриант из сборно-пересыльного лагеря или пункта. Первые два экземпляра списка вручались начальнику эшелона для передачи их командиру запасной части или начальнику проверочно-фильтрационного пункта НКВД, куда направлялись репатрианты для прохождения «государственной проверки». Третий экземпляр должен был храниться в делопроизводстве репатриационных сборно-пересыльных пунктов и лагерей [5, с. 86].

«План репатриации советских граждан из Германии и прилегающих к ней районов Венгрии, Австрии, Чехословакии, Дании, Норвегии и Польши», утвержденный 18 декабря 1944 г., предусматривал максимальное использование всех 6 железнодорожных путей, которые вели из Германии в Советский Союз. По каждому железнодорожному маршруту планировалось ежедневно отправлять по 2 эшелона с репатриантами. Подобный расчет основывался на пропускной способности немецких железных дорог, необходимости переставлять вагоны с узкой, германской железнодорожной колеи в 1 435 мм на более широкую колею в 1 524 мм, которая использовалась в Советском Союзе [5, с. 112, 121]. От организаторов железнодорожных перевозок, таким образом, требовалось обеспечивать своевременное прибытие эшелонов на станцию, где происходила погрузка репатриантов, подготавливать совпадавшую по времени состыковку эшелонов, следовавших по германским железным дорогам и отправлявшихся в СССР.

Исходя из предварительных расчетов, в ведомстве Ф. И. Голикова установили, что эшелоны, предназначенные для перевозки репатриантов, должны были состоять из 65 вагонов, 55 из которых предназначались для перемещения репатриантов, 10 – размещения грузов, продовольствия, изолятора и кухни [5, с. 112, 121]. В каждом вагоне планировалось отправлять 30–35, а в эшелоне – 1 700 чел. [5, с. 122]. Согласно первоначальным расчетам 6 железнодорожных маршрутов с пропускной способностью по 2 поезда ежедневно могли обеспечить передвижение 12 поездов, 780 вагонов, перевозку 20 400 репатриантов [5, с. 122–123]. Но этого было явно недостаточно для перевозки миллионов советских граждан, оказавшихся за границей. Начальник политпросветотдела Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации, полковник Г. С. Логунов в докладной записке от 27 февраля 1945 г. сообщал начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б)

Г. Ф. Александрову: «По предварительным данным, требующим уточнения, с территории Германии и прилегающих к ней стран – Венгрии, Австрии, Чехословакии, Дании, Норвегии – подлежит репатриировать около 4 000 000 человек» [5, с. 170].

Для перевозки огромного количества репатриантов потребовались бы 2 353 эшелона и 152 945 вагонов, 197 дней [5, с. 122] – практически полгода. Свободных паровозов и вагонов в распоряжении военных органов, НКПС не было. Поэтому процесс перемещения репатриантов из-за границы мог растянуться на длительный срок. К тому же численность освобожденных советских граждан оказалась гораздо выше, чем показали предварительные расчеты. В дополнение к железнодорожным, автомобильным и морским перевозкам репатриантов, на высшем государственном уровне было принято решение об организации пеших переходов репатриантов к западной границе СССР [7].

Отправка перемещенных лиц железнодорожным транспортом была связана с рядом трудностей. Имевшиеся вагоны для перевозки людей нуждались в дооборудовании, специальном оснащении. Необходимы были доски для сооружения нар, рамы для окон, фонари, ведра, метлы, стремянки и лестницы для обеспечения безопасности перевозки репатриантов и сопровождавших их лиц; в холодное время года требовались печи, комплекты труб, ящики для топлива.

Особое внимание уделялось организации питания репатриантов в пути. Перед отправкой начальники эшелонов получали продовольственные аттестаты для приобретения продуктов в военных продовольственных пунктах [5, с. 122]. В эшелонах оборудовались вагоны-кухни армейского образца – 4 армейские кухни на эшелон. Общая потребность в армейских кухнях в начале процесса репатриации определялась в количестве 9 412 шт. Обслуживающий персонал кухонь формировался, как правило, из репатриантов, следовавших в эшелонах [5, с. 122].

Базы продовольственного снабжения репатриантов создавались в местах погрузки, а также в пунктах, где производилась стыковка железных дорог с разной шириной колеи. Обеспечение продуктами питания перемещенных лиц предусматривалось и за счет немецких фондов и реквизиций. На границе СССР на всех шести железнодорожных маршрутах создавались фронтные и армейские базы снабжения [5, с. 123]. Обеспеченность продуктами советских граждан, которые перевозились по железной дороге, рассчитывалась на 10 дней пребывания в пути.

По мере приобретения опыта в организации перевозок репатриантов и появления новых, дополнительных возможностей для улучшения материально-технического и продовольственного снабжения советских граждан каждый эшелон

оборудовался пищеварными котлами и имел запас продуктов на весь путь следования. Во время транспортировки репатрианты питались горячей пищей 2 раза в день. Для приготовления еды создавался необходимый запас воды. В каждом вагоне имелись 2 ведра с питьевой водой.

Контроль за медицинским обслуживанием репатриантов, вплоть до прибытия эшелонов в конечный пункт назначения, обеспечивала санитарная служба Народного комиссариата путей сообщения. На нее возлагалась обязанность в случае необходимости госпитализировать репатриантов в стационарные медицинские учреждения [5, с. 126].

К медицинскому обслуживанию репатриантов на станциях и в пути следования привлекался медицинский персонал военных округов и армий. «План репатриации советских граждан из Германии и прилегающих к ней районов Венгрии, Австрии, Чехословакии, Дании, Норвегии и Польши» предусматривал выделение санитарными службами военных округов и фронтов 250 врачей и 250 фельдшеров для обслуживания репатриантов на каждом направлении [5, с. 126]. Медицинские работники, сопровождавшие составы с репатрируемыми людьми, имели набор медикаментов, дезинфекционные средства, бактериофаг. В отдельных эшелонах были оборудованы вагоны-изоляторы [8, с. 47].

Первый опыт организации медицинского и противоэпидемиологического обслуживания при передвижении репатриантов по железной дороге внутри страны обобщил майор медицинской службы И. Т. Баяндин. Он отмечал: «Важное место во всей работе занимало санитарно-эпидемиологическое обеспечение партий, отправляемых во внутренние районы нашей страны. Советские граждане, как правило, отправлялись группами от 100 до 300 человек. Каждую группу сопровождал медицинский работник (чаще медицинская сестра) с небольшой походной аптечкой. Перед отправкой все члены группы проходили медицинский осмотр. Больных в эшелоны не допускали... Сначала санитарно-гигиенические требования при оборудовании эшелонов далеко не всегда выполнялись. Но в конце марта удалось добиться сдвига в этом деле. Все эшелоны стали заранее обеспечивать нарами, печами, топливом на дорогу, примитивными уборными. Посадка производилась из расчёта 40 человек на двусосный и 90 человек на четырёхсосный вагон. Подлежавшие отправке мылись в бане, бельё их дезинфицировалось. Дезинфицировались раствором хлорной извести и вагоны» [8, с. 46]. Тщательный контроль за состоянием здоровья репатриантов при посадке в вагоны и во время передвижения по железной дороге позволил избежать вспышки инфекционных заболеваний на территории СССР, удержать под контролем эпидемиологическую ситуацию в стране.

По запросу Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации и его представителей для сопровождения репатриантов и охраны поездов выделялись специальные команды из офицеров, сержантов и рядовых красноармейцев. Предварительные расчеты показали, что для сопровождения эшелона с репатриантами были необходимы военизированные команды – 12 чел. охраны на каждый эшелон – всего 28 236 красноармейцев [5, с. 122]. Планировалось назначить 2 353 начальника эшелонов и столько же отобрать помощников начальников эшелонов по хозяйственной части, а также 5 706 сержантов с возложением на них обязанностей дежурных по эшелону [5, с. 122].

Отъезд советских граждан на Родину нередко превращался в мощную демонстрацию дружбы между народами. Пример тому – проводы граждан СССР из Норвегии. Прощаясь с советскими людьми, норвежцы не скрывали своих симпатий к СССР, выражали признательность советскому народу за достигнутую победу над фашистской Германией. В «Итоговом отчёте о репатриации советских граждан из Норвегии. Май – сентябрь месяцы 1945 г.» представитель Уполномоченного в Великобритании и Норвегии, генерал П. Ф. Ратов сообщал: «Отправка первых эшелонов вызвала подлинную демонстрацию любви и признательности норвежского народа к Советскому Союзу и его Красной Армии, как к освободителям» [3, с. 229].

Представитель Уполномоченного в Великобритании и Норвегии приводил факты проявления искреннего уважения норвежцев к СССР и ее народу. Он сообщал: «При отправке советских граждан на Родину норвежцы колоннами приходили к лагерю, чтобы проститься с советскими гражданами и передать через них благодарность великому советскому народу, Красной Армии и тов. Сталину. По пути следования советских граждан от лагеря до вокзала улицы города были запружены норвежским населением, которое устраивало настоящие овации, дарило цветы и различные подарки. На вокзалах собиралось много норвежцев, которые сердечно провожая советских граждан на Родину, оставляли у себя в душе самые лучшие о них впечатления. Мы много получали писем от норвежцев, желающих поехать в Советский Союз» [3, с. 233–234].

Советские официальные лица стремились придать особое политическое значение процедуре репатриации советских граждан, их отъезду из Норвегии. Генерал П. Ф. Ратов в итоговом отчете отмечал: «На станциях погрузки перед отправкой каждого эшелона собирался митинг, где отъезжавшие на Родину обещались по возвращению домой неустанно работать на благо своей Родины» [3, с. 229].

Эшелоны, перевозившие репатриантов, украшались флагами, транспарантами, лозунгами, гирляндами цветов, портретами

руководителей партии и правительства. Об этом сообщалось в «Докладе о работе в порту Лулео (Швеция) по репатриации советских граждан из Норвегии»: «Вагоны украшены зеленью, на вагонах красовались лозунги, портреты тов. Ленина, Сталина и маршалов Советского Союза. Особенно следует отметить последний эшелон. Весь эшелон был в зелени, украшен плакатами и флагами. На головном вагоне был портрет Сталина, на последующих – маршалов Советского Союза тов. Жукова, Ворошилова, Тимошенко, Будённого, Василевского и других. В последующем при посадке на пароход эти портреты несли в колонне и увозили их с собой в Финляндию» [3, с. 183].

Генерал П. Ф. Ратов, подводя итоги проделанной работы по репатриации советских граждан из Норвегии с мая по сентябрь 1945 г, отмечал: «Оформление эшелонов было хорошим. Вагоны отъезжающих были украшены лозунгами, плакатами и портретами наших вождей и полководцев» [3, с. 229].

Следовательно, организация проводов советских граждан из Норвегии, отправлявшихся по железной дороге, помимо прямого назначения – подготовки к перевозке – выполняла и важную агитационно-пропагандистскую задачу – укрепляла советско-норвежскую дружбу, солидарность советского и норвежского народов, сложившуюся во время совместной борьбы против нацистской Германии.

К весне 1945 г. сложился четкий механизм отправки репатриантов железной дорогой в республиканские, краевые и областные приемно-распределительные пункты, а затем на Родину. «С перевалочных пунктов репатрируемые следуют в эшелонах на областные приёмно-распределительные пункты, а с них – в области и районы к месту жительства», – сообщал 27 февраля 1945 г. полковник Г. С. Логунов начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г. Ф. Александрову [5, с. 171]. 16 марта 1945 г. Г. С. Логунов еще раз отметил, что в практике транспортировки репатриантов по железной дороге уже сложился определенный алгоритм действий: «С фронтовых сборно-пересыльных и территориальных пунктов все репатрианты в эшелонах направляются на республиканские и областные приёмно-распределительные пункты, а с них – к месту жительства» [5, с. 185].

Летом 1945 г., когда началась массовая репатриация советских граждан, ситуация с перевозкой железнодорожным транспортом сложилась особенно напряженная и была связана с рядом трудностей. К сопровождению эшелонов нередко привлекались случайные люди. Графики подачи эшелонов под погрузку нарушались, часть вагонов, предназначенных для перевозки репатриантов, так и не были оборудованы до конца. Бывший военнослужащий Красной Армии

А. А. Гулин так писал о некомфортных условиях репатриации по железной дороге советских военнопленных – участников итальянского движения Сопротивления: «На одном из отдаленных запасных путей нас ожидал эшелон, сформированный из “классных” вагонов. Шестнадцатитонные грузовые вагоны с маленькими окошечками без стекол, забранные решетками из колючей проволоки, предвещали приятное путешествие с максимальным комфортом. Нас выстроили перед вагонами, сверили по списку, и посадка началась. Меблировку вагона представляла параша, расположенная непосредственно у двери. За отсутствием мягких диванов мы размещались прямо на полу, постелив у кого что имелось. Нас в вагон погрузили ровно столько, что, когда мы все улеглись, места свободного не осталось. Мы лежали вплотную, проходов не было, и это представляло определенные трудности. Мне удалось расположиться под окошечком наискосок от двери и подальше от вышеупомянутой “параша”. Когда погрузка была закончена, двери вагона со страшным скрежетом закрылись, и после довольно продолжительной стоянки на месте, лязгнув буферами, поезд начал свое двухмесячное путешествие от пункта “А” до пункта “Б» [9].

От сотрудников НКГБ, представителей репатриационных и военных ведомств поступала тревожная информация о нарушениях при перевозке репатриантов железнодорожным транспортом, происшествиях, происходивших в пути. Так, в нарушение действовавших инструкций начальником эшелона № 19479, сформированного в немецком городе Хемниц, был назначен репатриант Ваушгаржан. На железнодорожной станции в Лингнице он отстал от поезда. Продолевающие аттестаты на репатрируемых людей находились на руках незадачливого начальника эшелона, поэтому часть пути репатрианты были вынуждены преодолеть без еды [5, с. 350].

3 июля 1945 г. начальник Брестского проверочно-фильтрационного пункта НКВД СССР, подполковник госбезопасности Смуров и председатель проверочно-фильтрационной комиссии пункта, майор госбезопасности Лазарев, сообщали Ф. И. Голикову о нарушениях, зафиксированных по прибытии эшелона с репатриантами в Брестский ПФП. Приехавшие люди не были обеспечены документами, не снабжены продуктами питания на время нахождения в пути [5, с. 278–279]. В течение 3 суток они не получили продовольствие, поэтому голодали. Медицинская помощь репатриантам не оказывалась, санитарные мероприятия среди них не проводились. Эшелон, состоявший из 40 вагонов, перевезивший 2 100 чел., сопровождал только один лейтенант Е. Г. Жуков [5, с. 279].

Во время транспортировки по железной дороге репатрируемые зачастую нарушали дис-

циплину, правила поведения во время нахождения в пути, употребляли спиртное и нередко погибали от употребления спиртосодержащих жидкостей неизвестного происхождения. Такой трагический случай произошел на железной дороге, пролежавшей юго-восточнее Берлина. Здесь репатрианты во время остановки поезда обнаружили технический спирт. Спиртосодержащую жидкость выпили 150 чел. В результате многие умерли [5, с. 350]. Такие трагические происшествия, к сожалению, были не единичными.

Несчастных случаев, происходивших с репатриантами во время передвижения эшелонов, было бы гораздо меньше, если бы руководители сборно-пересыльных пунктов и лагерей более ответственно подходили к подбору начальников эшелонов, своевременно делали в штабы армий запросы о выделении военного сопровождения, а штабы оперативно реагировали на запросы репатриационного ведомства. Репатриантам следовало постоянно напоминать об опасности употребления в пути спиртосодержащих продуктов, угрозе смертельных отравлений.

Непростое положение с железнодорожными перевозками сложилось и на территории СССР, с отправкой репатриантов из приграничных лагерей. Заместитель Наркома госбезопасности СССР С. И. Огольцов 13/14 декабря 1945 г. направил Ф. И. Голикову письмо с фрагментами, почерпнутыми из корреспонденций репатриантов, с жалобами на невыносимые условия содержания в лагере № 320, расположенном в г. Владимир-Волынский, невозможность уехать домой по железной дороге. Репатриант Д. Поляков сообщал родным: «...Нахожусь в лагерях и ожидаем эшелон, но эшелонов нет и неизвестно, когда они будут». Об этом же писала репатриантка В. И. Иванова: «...Уже тут сижу три недели. Все обещали на днях нас отправить, а теперь сказали, что эшелонов нет, отправка будет не раньше, как через месяц» [5, с. 481].

Реакция ответственных сотрудников Управления на вышеприведенные факты была жесткой. Предлагалось провести служебное расследование, виновных предать суду. Военному руководству Центральной и Северной групп советских войск было дано указание прекратить неорганизованную отправку репатриантов по железной дороге [5, с. 280].

В подготовленном 26 июля 1945 г. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) проекте записки «О ходе репатриации, об устройстве на работу репатрированных советских граждан и об организации политической работы с ними», предназначенной заместителю председателя Совнаркома СССР Г. М. Маленкову, сообщалось: «По окончании проверки на ПФП репатрированные возвращались к месту постоянного жительства в большинстве случаев без какой-либо помощи со стороны органов репатриации при областных и краевых исполкомах,

а также железнодорожной администрации» [10, с. 369–370].

В записке приводились факты о вопиющих нарушениях, связанных с перевозкой репатрируемых. Несоблюдение правил посадки репатриантов в поезда фиксировалось на железнодорожных станциях Минск, Киев, Львов, Брянск, через которые перемещалось большое количество репатриантов [10, с. 370]. Во Львове, например, поток репатрируемых был настолько велик, что на вокзале одновременно скапливались от 2 000 до 3 000 чел. [10, с. 370]. Из-за нехватки мест для ночлега в помещении вокзала ожидавшие отправки были вынуждены размещаться на привокзальной площади под открытым небом [10, с. 370]. Репатрианты, прибывавшие на Кременчугский железнодорожный вокзал, из-за отсутствия помещений для отдыха ночевали на земле у здания райпотребсоюза [10, с. 370].

Удручающая ситуация с отправкой репатрируемых сложилась на вокзале Киева, где железнодорожные служащие вымогали у людей деньги и вещи. Проводники, как правило, разрешали репатриантам войти в вагоны в обмен на какую-либо вещь. Подобные ситуации наблюдались и при получении репатриантами справок из санпропускников. Репатрируемые могли приобрести документ о санобработке, если предлагали что-то из вещей дежурному санитарного пропускника. При посадке в вагоны особенно трудно приходилось пожилым и многодетным. Из-за ограниченности в передвижении они длительное время ожидали разрешения сесть в вагоны [10, с. 370].

Бытовые условия на железнодорожных станциях, где находились репатрианты, ожидая отправки домой, были ужасными. Их отъезд нередко затягивался на 5–6 дней. Из-за плохой работы городского водопровода на Кременчугском железнодорожном вокзале вода не подавалась в водопроводную сеть с 8 ч утра до 7–8 ч вечера. Кипяток отпускался только военнослужащим. Получить хлеб по карточкам было практически невозможно. Станционный хлебный ларек был закрыт, и репатрианты, чтобы приобрести хлеб, были вынуждены продавать вещи, привезенные из-за границы. Вокруг них крутились спекулянты, заставляя прибывших за бесценок расставаться с вещами. Ночью из-за отсутствия охраны репатриантов часто обворовывали. Отчаявшись уехать на пассажирских поездах, они садились в хоперы угольных составов и под открытым небом добирались до станции назначения [10, с. 370].

По мере увеличения потока репатрируемых, их количества необходимы были значительные финансовые средства на их доставку. Для перевозки репатриантов по железной дороге советское государство выделяло значительные денежные суммы, которые закладывались в союзный, республиканские, краевые и областные вы-

деленные бюджеты. Деньги из государственного бюджета СССР на транспортировку перемещенных лиц начали выделяться уже в 1944 г.

Отпуск финансов на репатриацию регламентировался ведомственными инструкциями. Так, 5 апреля 1945 г. Народный комиссариат финансов РСФСР распространил среди подведомственных ему подразделений «Указания о порядке расходования средств, выделенных на оказание помощи репатриантам, включая их переезд до места назначения» [11, л. 2 об.].

Денежные средства, предназначавшиеся для перевозки перемещенных лиц к месту постоянного жительства, поступали регулярно из союзного бюджета на счета местных органов власти. К примеру, Сталинградскому облисполкому на оказание помощи репатрируемым гражданам, их транспортировку в 1944 г. и первом полугодии 1945 г. из союзного бюджета было выделено 100 000 руб. [11, л. 2 об.].

К сожалению, в условиях военной и послевоенной разрухи, нехватки профессиональных финансово-управленческих кадров, отсутствия строгого контроля на местах за расходованием финансовых средств деньги, предназначенные для перевозки репатриантов, нередко распределялись с нарушениями союзного законодательства и ведомственных инструкций. Это можно подтвердить на примере анализа результатов работы Отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения Сталинградского облисполкома, отвечавшего за перемещение репатрируемых людей.

Проверка использования финансов, выделенных для перевозки репатриантов, проведенная И. И. Френкелем – заместителем старшего контролера-ревизора Контрольно-ревизионного управления НКФ СССР по Сталинградской области, выявила ряд существенных недостатков и нецелевое использование бюджетных денег, поступавших на счет Отдела. В ходе обследования были зафиксированы серьезные нарушения ведомственных инструкций и распоряжений вышестоящих руководящих органов об оказании финансовой помощи репатриантам [11, л. 2 об.]. Так, финансовый отдел Сталинградского облисполкома перечислил областному Отделу по хозяйственному устройству эвакуированного населения 60 000 руб. для возмещения транспортных расходов, связанных с перевозкой репатрируемых. Из переведенной суммы на приобретение билетов от Сталинграда до конечного пункта прибытия Отдел выдал репатриантам 38 860 руб. наличными, в то время как Временные правила, утвержденные 3 апреля 1945 г. Начальником центрально-финансового отдела НКПС Коледецковым и представителем Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, генерал-майором интендантской службы И. Г. Хмарой,

предусматривали оплату билетов только по безналичному расчету [11, л. 2 об.]. Несмотря на имевшиеся в распоряжении Отдела Временных правил о порядке оплаты проезда репатриантов и расходовании финансовых средств, в мае 1945 г. на приобретение репатриантами проездных железнодорожных документов Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения Сталинградского облисполкома выдал каждому репатрианту – в июне 100 руб., в июле – 75 руб. Всего на покупку билетов за наличный расчет перемещенным лицам в июле 1945 г. было отпущено 18 275 руб. [11, л. 3].

Выдача денег репатриантам на проезд от Сталинграда до места жительства проводилась без учета фактической стоимости билетов. Такое усредненное распределение денежных сумм на приобретение проездных документов гипотетически можно объяснить нехваткой денег для всех репатриантов, что ставило часть из них в затруднительное финансовое положение и не позволяло без дополнительных трудностей добраться до места назначения. При распределении финансовых ресурсов не исключалась возможность нецелевого использования денег и их хищения.

В ходе проверки расходования финансов, выделенных на оказание помощи репатриантам и их перевозку, фиксировались и другие нарушения. Было установлено, что Отделом по хозяйственному устройству эвакуированного населения Сталинградского облисполкома выдача денег на проезд по железной дороге производилась без предоставления начальниками эшелонов документов, оформленных на репатриантов, нуждавшихся в перевозке железнодорожным транспортом по определенному маршруту. Не составлялись акты, подтверждавшие необходимость перемещения репатриантов по железной дороге; в финансовых ведомостях не указывалось, кем и когда были выданы документы, на основании которых репатриантам выделялись денежные суммы, а фиксировались только номера документов. В финансовый отдел облисполкома ведомости с прилагаемыми документами, по которым были выданы деньги, не поступали. Отмечались и другие нарушения, связанные с финансовым обеспечением перевозок репатриантов железной дорогой [11, л. 3].

По результатам ревизии финансовой деятельности Отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения Сталинградского облисполкома за период 1944 г. – первое полугодие 1945 г., заведующему Отделом Бирюкову были даны указания устранить нарушения, связанные с финансовым обеспечением перевозки репатриантов [11, л. 5–6]. Это было достаточно мягкое решение, так как речь шла о серьезных финансовых нарушениях при организации транспортировки репатриантов по железной дороге, и последствия для лиц, не соблюдавших

финансовую дисциплину, могли быть гораздо серьезнее.

Невзирая на изношенность паровозного и вагонного парка, уничтожение во время войны железнодорожной инфраструктуры, железнодорожных путей и мостов, дополнительного времени, затрачиваемого на перестановку пассажирских вагонов с узкой западноевропейской колею, нехватку кадров железнодорожников и другие объективные причины, Управление Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, НКПС за короткий срок обеспечили перевозку сотен тысяч репатриантов по железной дороге. По словам бывшего Наркома путей сообщения СССР, генерал-лейтенанта технических войск И. В. Ковалёва, к окончанию войны против фашистской Германии «транспорт обеспечил доставку на Родину более 1 млн репатриантов... Таким образом, на заключительном этапе войны против фашистской Германии транспорт оказался на высоте стоящих перед ним задач» [12, с. 383–384].

Пик перевозки освобожденных советских граждан пришелся на вторую половину 1945 г., когда часть железнодорожного транспорта была переведена на транспортировку репатриантов. По западноевропейской колее с июня по декабрь 1945 г. 429 железнодорожных эшелонов вывезли 666 938 репатриантов. Наибольшее количество репатриированных пришлось на сентябрь 1945 г. – 184 619 чел. [5, с. 554].

Таким образом, Управление Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, его представители за рубежом, Военные советы фронтов и армий, Народный комиссариат путей сообщения в 1944–1945 гг. выполнили поставленную перед ними задачу – с помощью железнодорожного и других видов транспорта в кратчайшие сроки обеспечили возвращение на Родину значительной части освобожденных военнопленных, гражданских и других категорий перемещенных лиц. Перевозка репатриантов по железной дороге потребовала от государства, Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, Военных советов фронтов и армий, НКПС значительных организационных усилий, немалых финансовых и материальных затрат.

Перевозка граждан СССР на Родину железнодорожным транспортом в 1944–1945 гг. сопровождалась определенными трудностями объективного и субъективного характера: нарушались графики подачи эшелонов под погрузку, недоставало оборудования и инвентаря для вагонов, предназначенных для массовой перевозки людей, не хватало продовольствия, нередко отсутствовало медицинское обслуживание репатриантов в пути, начальниками эшелонов назначали случайных лиц. Слабый контроль со стороны партийных и советских органов за процессом

репатриации на территории СССР, аморальное и преступное поведение части железнодорожников, наживавшихся на безвыходном положении репатриантов, усугубляли морально-психологическое состояние перемещенных лиц, задерживали их отправку к месту жительства.

Изученный опыт организации железнодорожных перевозок репатриантов в 1944–1945 гг. позволил определить следующие направления, сложившиеся в работе СНК, Управления Уполномоченного СНК СССР и подведомственных ему структур:

- постановка организационных задач Советом народных комиссаров Управлению Уполномоченного СНК СССР, его представителям, Военным советам фронтов и армий по репатриации советских граждан железнодорожным транспортом;

- создание в Управлении Уполномоченного СНК СССР транспортного отдела, отдела железнодорожных перевозок с целью повседневного руководства процессом перевозки репатриантов железнодорожным транспортом;

- отработка механизма перевозки репатриантов железнодорожным транспортом, подготовка учетных документов на репатриантов, перевозимых по железной дороге;

- осуществление мероприятий по материально-техническому оборудованию вагонов, предназначенных для перемещения репатриантов;

- организация питания и медицинского обслуживания репатрируемых людей в пути.

Опыт массовой перевозки людей в условиях военного и послевоенного времени, критически осмысленный и проанализированный, с учетом современных условий, может быть взят на вооружение структурами, в чью компетенцию входит перемещение соотечественников, мигрантов, пострадавших на родине в результате боевых действий или перевозимых в другие страны в качестве трудовых ресурсов и реэмигрантов.

Список литературы

1. Паникар М. М. Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны. Архангельск : Агентство СІР Архангельской ОНБ, 2010. 152 с.
2. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952 : сборник документов : в 2 т. / отв. ред. О. В. Лавинская, В. В. Захаров ; сост. К. М. Гринько, Е. В. Полтарацкая ; при участии С. Дальке, М. Уля. М. : Политическая энциклопедия, 2019. Т. 1. 877 с. ; Т. 2. 951 с.
3. Советские пленные в Норвегии в годы Великой Отечественной войны : документы и исследования / сост. М. В. Батшев. М. : Институт Наследия, 2021. 358 с.
4. Володарский Л. М. Возрождение районов СССР, пострадавших от немецкой оккупации. М. : Госпланиздат, 1946. 104 с.

5. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952 : сборник документов : в 2 т. / отв. ред. О. В. Лавинская, В. В. Захаров ; сост. К. М. Гринько, Е. В. Полтарацкая ; при участии С. Дальке, М. Уля. М. : Политическая энциклопедия, 2019, Т. 1. 877 с.
6. Приказ командующего войсками 43-й армии об организации содействия представителю Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации при Военном совете Первого Прибалтийского фронта № 0326. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=15080> (дата обращения: 25.10.2021).
7. Бичехвост А. Ф. Организация пеших переходов советских репатриантов к западной границе СССР (1944–1945) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 455–461. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-455-461>
8. Баяндин И. Т. Санитарно-эпидемиологическое обеспечение репатриированных и военнопленных // Военно-медицинский журнал. 1946. № 3. С. 44–47.
9. Гулин А. А. И не комиссар, и не еврей... Моя неволя // Новый мир. 2005. № 7. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2005_7/Content/Publication6_2665/Default.aspx (дата обращения: 10.10.2021).
10. Советская жизнь, 1945–1953 : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Фак. гос. упр. [и др.]; [Сост. : Е. Ю. Зубкова и др.]. М. : РОССПЭН, 2003. 719 с.
11. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 2863 (Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения исполкома Сталинградского облсовета депутатов трудящихся). Оп. 1. Д. 61.
12. Ковалёв И. В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М. : Наука, 1981. 480 с.

Поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 22.02.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 12.02.2022; approved after reviewing 22.02.2022; accepted for publication 12.04.2022

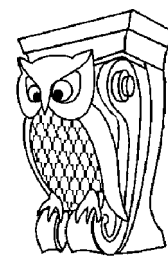

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 307–312
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 307–312
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-307-312>

Научная статья
УДК 355.72-054.65(47+57)|1945/1950|

Организация работы спецгоспиталей для военнопленных в Советском Союзе в 1945–1950 годы

С. Г. Сидоров

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100

Сидоров Сергей Григорьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, sergei.sidorov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>, Author ID: 434981

Аннотация. В статье анализируется организация работы специальных лечебных учреждений (спецгоспиталей) для тяжелобольных и раненых военнопленных в Советском Союзе в 1945–1950 гг. Прослежены изменения их количества, дислокации и функционирования в послевоенный период. Показаны результаты работы спецгоспиталей, ежегодная положительная динамика в лечении больных вследствие улучшения обеспеченности медицинскими кадрами, лечебными и диагностическими кабинетами, снабжения медикаментами и предметами ухода за больными. Сделан вывод о большой проделанной работе руководства СССР в послевоенные годы по сохранению жизни взятых в плен солдат армий противника.

Ключевые слова: военнопленные, спецгоспитали, медицинская помощь, Вторая мировая война, Советский Союз

Для цитирования: Сидоров С. Г. Организация работы спецгоспиталей для военнопленных в Советском Союзе в 1945–1950 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 307–312. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-307-312>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Organization of work of special hospitals for prisoners of war in the Soviet Union in 1945–1950

S. G. Sidorov

Volgograd State University, 100 Universitetsky Ave, Volgograd 400062, Russia

Sergey Gr. Sidorov, sergei.sidorov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>, Author ID: 434981

Abstract. The article analyzes the organization of the work of special medical institutions (special hospitals) for seriously ill and wounded prisoners of war in the Soviet Union in 1945–1950. Changes in their number, location and functioning in the post-war period are traced. The results of the work of special hospitals, the annual positive dynamics in the results of treatment of patients due to the improvement in the provision of medical personnel, treatment and diagnostic rooms, the supply of medicines and patient care items are shown. The conclusion is made about the great work done by the leadership of the USSR in the post-war years to save the lives of captured soldiers of the enemy armies.

Keywords: prisoners of war, special hospitals, medical care, World War II, Soviet Union

For citation: Sidorov S. G. Organization of work of special hospitals for prisoners of war in the Soviet Union in 1945–1950. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 307–312 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-307-312>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

После окончания Второй мировой войны в СССР находилось более 2 млн взятых в плен солдат германской, венгерской, румынской, итальянской и японской армий, значительная часть из которых нуждалась в лечении. Организация медицинской помощи осуществлялась в соответствии с «Положением о военнопленных», утвержденным Советским правительством 1 июля 1941 г. [1, с. 65–68]. Согласно этому документу военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживались на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной армии. Это соот-

ветствовало положениям Женевской конвенции 1929 г. «О содержании военнопленных» [1, с. 1012–1029].

Лечебную помощь военнопленным оказывали медицинские службы лагерей. Для обеспечения квалифицированной госпитальной помощью больных и раненых, высвобождения лагерей от тяжелобольных, требующих длительного и специального лечения, после Сталинградской битвы стала создаваться сеть специальных госпиталей (спецгоспиталей) для военнопленных, которые были выделены из действующей

госпитальной сети наркоматов здравоохранения и обороны СССР [2].

Спецгоспитали, преимущественно смешанного типа с количеством коек от 200 до 2000 закреплялись по областям за находящимися в них лагерями НКВД-МВД для военнопленных. Они работали по типовым штатам системы эвакогоспиталей наркоматов здравоохранения и обороны СССР. Наряду с этими штатами в каждом лечебном учреждении находился аппарат от НКВД-МВД СССР, возглавляемый заместителем начальника госпиталя по режиму и охране. Контроль над работой госпиталей осуществлял медицинский отдел Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР.

В 1946 г. спецгоспитали для японских военнопленных были переданы из системы министерства вооруженных сил в распоряжение МВД СССР. Закрепление за МВД произошло только в оперативном отношении, госпитали по-прежнему оставались в ведении министерства здравоохранения СССР, и руководство их деятельностью осуществляли соответствующие республиканские, краевые и областные здравотделы на общих основаниях с действующими эвакогоспиталями для советских военнослужащих [3, с. 428].

Порядок содержания раненых и больных военнопленных в госпиталях в послевоенный период определялся инструкцией, объявленной 6 марта 1943 г. и согласованной с Народным комиссариатом здравоохранения СССР и главным военно-санитарным управлением Красной армии [1, с. 443–444], а также Положением о госпиталях НКЗ, выделенных для обслуживания военнопленных, утвержденным наркомом здравоохранения СССР Г. А. Митеревым и заместителем наркома внутренних дел СССР С. Н. Кругловым в октябре того же года [1, с. 454].

В связи со значительным увеличением численности военнопленных в СССР госпитальная сеть после окончания войны, по сравнению с 1943 г., выросла в 3 раза. К началу 1946 г. в СССР находилось 162 спецгоспиталя на 84400 коек. 119 госпиталей на 63700 мест предназначались для военнопленных западных армий, 31 на 14700 мест – для японских военнопленных, 12 госпиталей на 6000 коек являлись фронтовыми [4, л. 130].

Темпы увеличения количества коек в спецгоспиталях далеко отставали от роста численности военнопленных в СССР. Если за 1945 г. численность военнопленных в СССР выросла в 3 раза – с 710 тыс. до 2150 тыс. чел., то число коек в спецгоспиталях лишь в 1,3 раза – с 65 тыс. до 84,4 тыс. [5, с. 445]. Количество лагерей для военнопленных за этот период увеличилось в 1,7 раза – со 156 до 267, а число

госпиталей только в 1,4 раза [1, с. 1038]. Это привело к тому, что в начале 1946 г. спецгоспитали могли принять лишь 3,9% всех военнопленных, что было в 2,3 раза меньше, чем в начале 1945 г.

Отставание с развертыванием сети специальных лечебных учреждений было связано в первую очередь с огромными организационными трудностями. Руководители предприятий, давая заявки на выделение военнопленных в качестве рабочей силы, создавая при этом минимальные условия для их размещения, затягивали решение вопроса о размещении госпиталей. Для лечебных учреждений требовались компактно расположенные, благоустроенные, хорошо освещенные помещения с налаженной системой отопления. Как правило, этим условиям отвечали здания учебных заведений, клубов, домов культуры и т. п. Если в военный период местные власти нередко отдавали под лечебные нужды помещения этих учреждений, то после окончания войны работа учебных и культурных учреждений стала восстанавливаться. Руководители территорий не только отказывались выделять новые помещения, но и требовали освободить ранее выделенные. Ходатайства с просьбой освободить занимаемые госпиталями здания все чаще стали поступать в правительство.

В этих условиях в конце лета 1945 г. МВД СССР поставило перед наркомаами внутренних дел союзных и автономных республик, начальниками УНКВД краев и областей задачу добиться от местных партийных и советских органов развертывания вновь открываемых специальных лечебных учреждений, необходимых для сохранения жизни и здоровья военнопленных, обеспечения нормальной работы производственных лагерей. В случае, если занимаемое госпиталем здание было крайне необходимо для области, вопрос о его перемещении предлагалось решать на месте путем выделения для лечебного учреждения другого помещения такой же вместимости и расположенного вблизи железнодорожной станции. Лишь при отсутствии таковых зданий предлагалось переводить госпиталь на базу одного из лагерей НКВД для военнопленных данной территории [1, с. 475–476]. Между тем давление со стороны руководителей территорий продолжало расти, и месяц спустя НКВД СССР издает директиву о размещении спецгоспиталей на территории лагерей для военнопленных. В тех областях, где этой возможности не было, руководителям НКВД-УНКВД на местах предлагалось добиться выделения взамен подлежащих освобождению помещений учебных и культурно-просветительских учреждений других зданий, отвечающих требованиям госпиталей [1, с. 476–477].

В целях снижения нагрузки на лечебные учреждения и избавления от военнопленных, не способных работать, руководство страны

проводит в 1945 г. освобождение из фронтовых и тыловых лагерей более миллиона взятых в плен солдат противника, большую часть которых составляли больные и нетрудоспособные немцы, венгры, австрийцы и румыны, которые могли перенести дорогу. Однако это лишь немного облегчило проблему. Коечный фонд специальных лечебных учреждений достиг своего максимума к 1 июня 1946 г., когда для лечения военнопленных действовало 166 спецгоспиталей на 89700 коек, развернутых на территории РСФСР (54), Украины (40), Белоруссии (70) и других союзных республик (15). Они не удовлетворяли потребности в госпитализации больных из лагерей. МВД СССР ничего не оставалось, как издать распоряжение о загрузке спецгоспиталей до 150% их коечной емкости [3, с. 431, 440].

Положение в спецгоспиталях несколько улучшилось только во втором полугодии 1946 г., когда произошла стабилизация контингента в лагерях, из которых было вывезено на родину более 200 тыс. больных, ослабленных и неспособных трудиться военнопленных [5, с. 245–246].

Принимаемые меры по организации деятельности спецгоспиталей дали положительные результаты. Так, в 1945 г. в госпитали поступили 243 622 военнопленных, после выздоровления выписаны 177 560 чел., или 72,9%. За это же время умерли 55 819 чел. [5, с. 188]. В 1946 г. картина существенно изменилась. Большинство госпиталей были оснащены рентгеновскими и физиотерапевтическими установками, диагностическими лабораториями и зубокабинетами. Несколько улучшилась обеспеченность медикаментами. МВД-УМВД республик и областей приняли меры по выделению спецгоспиталю необходимого имущества, материалов для оборудования помещений, тканей для изготовления постельных принадлежностей. Однако в целом материально-хозяйственное обеспечение спецгоспиталей оставалось неудовлетворительным.

За год в спецгоспитали поступили 268 675 чел., 60% которых составляли больные дистрофией, 10% – туберкулезом легких, 4% – травматические больные. За это же время после излечения были выписаны 244 537 чел. (91%). Смертность, начиная с апреля, постоянно снижалась и к концу года уменьшилась до 2% от числа проходивших лечение. По сравнению с 1945 г., число смертных случаев в 1946 г. уменьшилось более чем в 2 раза до 26290. Больше половины всех смертных случаев в спецгоспиталях для военнопленных германской армии пришлось на дистрофию (58,1%) и туберкулез легких (17,2%). Среди военнопленных японской армии удельный вес дистрофии в общей смертности был почти в 2 раза ниже – 32,6%, а вот от туберкулеза

легких существенно выше – 24,4% [3, с. 431]. Последнее было связано с размещением японцев в суровых климатических условиях Сибири и Дальнего Востока.

Наличие значительного числа больных туберкулезом привело к развертыванию в спецгоспиталях туберкулезных отделений или выделения для них специальных палат и изоляторов.

Очень серьезной проблемой в 1946 г. оставался острый недостаток медицинских кадров. Из-за невозможности их укомплектования за счет ресурсов органов здравоохранения обеспеченность спецгоспиталей врачами составляла не более 40%, а средним медперсоналом – 65–70%. Поэтому в течение года спецгоспитали доукомплектовывались за счет медперсонала из числа военнопленных, которые работали под контролем советских врачей. За счет их к концу года большинство спецгоспиталей решили проблему медицинских кадров. На 1 января 1947 г. в лагерях и специальных лечебных учреждениях для военнопленных работали 2495 советских врачей и 5331 чел. среднего медперсонала. Комплектование медицинскими работниками производилось по плановому распределению из числа окончивших медицинские вузы. Наряду с ними по специальности использовались 4713 врачей и 2071 чел. среднего медперсонала из числа бывших солдат армий противника [3, с. 441–442].

Система лечебных учреждений для военнопленных в послевоенный период не была постоянной. Уже в 1946 г. в ней по разным причинам происходят существенные изменения. В связи с необходимостью освобождения занимаемыми спецгоспиталями помещений МВД СССР было передислоцировано на базу лагерей 12 госпиталей. Сокращение численности военнопленных в Советском Союзе вызвало расформирование 41 спецгоспиталя и уменьшение количество коек в 28 госпиталях. На 1 января 1947 г. для лечения военнопленных осталось 125 спецгоспиталей на 67 тыс. коек [3, с. 440]. Это привело к некоторому снижению обеспеченности военнопленных госпитальной помощью с 3,9% до 3,7%.

Процесс изменения в системе спецгоспиталей продолжился и в 1947 г. За год из-за необходимости освобождения школьных помещений и по другим причинам было расформировано 19 и переведено на базу лагерей 11 госпиталей. Число коек в специальных лечебных учреждениях для военнопленных сократилось на 7500 [3, с. 451]. При этом лечение больных, по сравнению с 1946 г., улучшилось. Обеспеченность госпиталей диагностическими и лечебными установками, медицинскими кадрами, медикаментами была удовлетворительной. 75% спецгоспиталей имели рентгеноустановки, 97% – лаборатории, 80% – зубные кабинеты

и элементарные физиотерапевтические аппараты. Вместе с тем материально-бытовые условия оставались тяжелыми. Большинство спецгоспиталей требовало капитального ремонта. Многие из них не были обеспечены койками, и больные размещались на нарах. Обеспеченность бельем составляла 46%. Во всех госпиталях белье было ветхим, сильно изношенным. Случались перебои в снабжении остродефицитными медикаментами (глюкозой, пенициллином и пр.). Если терапевтические отделения имелись во всех спецгоспиталях, то хирургические только в 85%, инфекционные отделения и палаты – в 60%, туберкулезные отделения и палаты – в 50% [3, с. 454].

В целях повышения эффективности работы спецгоспиталей медицинский отдел ГУПВИ МВД СССР, МВД-УМВД союзных республик, краев и областей проводили обследование тех госпиталей, которые давали повышенную смертность для выявления и ликвидации причин, приведших к этому, держали на контроле качество лечебного процесса и ухода за больными, своевременность подготовки спецгоспиталей к зиме, материально-хозяйственное и продовольственное снабжение больных.

За 1947 г. обеспеченность военнопленных госпитальными койками выросла с 3,7% до 4,9%. Это произошло за счет репатриации на родину около 550 тыс. военнопленных, примерно половину из которых составляли больные и нетрудоспособные [5, с. 263, 449]. Перегрузка специальных лечебных учреждений почти исчезла. Впервые за все годы пребывания военнопленных в СССР число выписанных из госпиталей (220287 чел.) оказалось чуть больше, чем количество военнопленных, поступивших на излечение (220257 чел.) в том году. В госпитали, как и ранее, направлялись в основном больные с тяжелой формой дистрофии (62,2% – немцы, 10,7% – японцы), с активной формой туберкулеза (8,6% – немцы, 8,5% – японцы), воспалением легких (1,9% – немцы, 2,8% – японцы) и желудочно-кишечными заболеваниями (0,9% – немцы, 2,2% – японцы). Обращает на себя внимание тот факт, что доля больных туберкулезом среди японских военнопленных за счет вывоза на родину больных уменьшилась почти в 2 раза, а среди немецких выросла на 3,4%. Резко сократилось число смертных случаев. По сравнению с 1946 г., число прошедших лечение в спецгоспиталях уменьшилось только в 1,2 раза, однако количество умерших среди немецких военнопленных сократилось в 1,8 раза (до 14 744 случаев), среди японских военнопленных – в 2,3 раза (до 2727 случаев). Несмотря на это, как отмечает в своем отчете заместитель начальника Первого управления ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенант медицинской службы М. Я. Зетилов, смертность из-за тяжелого характера заболеваний, нередко

поздней госпитализации больных все еще оставалась несколько повышенной [3, с. 453].

В 1948 г. по решениям Советского правительства территорию СССР покинуло около 650 тыс. из 1,2 млн военнопленных, находившихся в стране на начало года [1, с. 1038; 5, с. 449]. В связи с этим количество спецгоспиталей сократилось до 64, количество коек в них – до 32 тыс. В целях высвобождения школьных зданий 5 госпиталей были переведены на базу лагерей для военнопленных [4, л. 137]. Госпитали в 1948 г. могли принять уже 5,6–5,8% численности контингента лагерей при норме 5%.

Все спецгоспитали имели терапевтические, хирургические и инфекционные отделения, 90% – клинические лаборатории и зубо-врачебные кабинеты, 80% – рентгеноустановки. По сравнению с предыдущим годом, улучшилось обеспечение медикаментами и предметами ухода за больными. Применялось лечебное питание. В практику лечения внедрялись современные медикаментозные средства, новейшие методы диагностики и лечения (дрожжевая и витаминная терапия, переливание крови и т. п.), индивидуальный уход за больными, привлечение для консультаций специалистов из местных гражданских медицинских учреждений. Лечебные учреждения уже не испытывали недостатка во врачебных кадрах, в оснащении медицинским оборудованием и могли полностью обеспечить больных квалифицированной медицинской помощью. В то же время качество лечебной помощи в отдельных спецгоспиталях (№ 1691 Саратовской, № 2929 Свердловской, № 5807 Днепропетровской, № 6047 Сталинской областях и др.) оставалось невысоким [3, с. 462].

В послевоенные годы физическое состояние военнопленных продолжало постепенно стабилизироваться. На это влияло улучшение условий их содержания, питания и трудового использования. Это подтверждается и сокращением количества бывших солдат противника, прошедших через спецгоспитали. Если в 1947 г. в госпиталях с учетом повторной госпитализации побывало 16,3% всего контингента лагерей, то в 1948 г. их доля уменьшилась до 14,6% [3, с. 463].

В 1948 г. медицинский отдел ГУПВИ МВД СССР стал больше внимания уделять проблеме борьбы с таким острозаразным заболеванием, как туберкулез легких. В июне вышло специальное распоряжение МВД СССР, посвященное этому вопросу. Всех выявленных в лагерях больных туберкулезом, не имеющих ограничений по оперативным соображениям и способным перенести дорогу, предлагалось репатриировать на родину, остальных направить в спецгоспитали, где для них выделялись изолированные от других больных палаты

и осуществлялось питание по нормам для больных дистрофией [6, л. 92–92 об.].

Выполнение этого решения привело к увеличению в спецгоспиталях доли больных туберкулезом легких за 1948 г., по сравнению с 1947 г., среди военнопленных немецкой армии с 8,6 до 13,1%, японской – с 8,5 до 9,3%. Удельный вес больных алиментарной дистрофией снизился среди немецких военнопленных до 34,8% и японских – до 2,7%. Таким образом, больные дистрофией и туберкулезом легких составляли почти половину всех больных германской армии, находящихся в госпиталях. Это объясняется тем, что в специальных лечебных учреждениях возрастал удельный вес военнопленных, находящихся на оперативном учете, репатриация которых была запрещена. Они составляли 55% от общего числа больных, находившихся в госпиталях [3, с. 463].

В связи с глубокими изменениями в физическом состоянии и характера заболеваемости военнопленных смертность в спецгоспиталях уменьшилась в 3 раза и составила в 1948 г. 5068 чел., или 0,62% общего контингента. При этом если смертность от дистрофии в лагерях и госпиталях уменьшилась с 31,3% до 9,3%, то от туберкулеза выросла с 20,3% до 36,9%. Особенно высокая смертность от этого заболевания наблюдалась в госпиталях, в которых и были сосредоточены тяжелобольные. Из 1800 умерших от туберкулеза легких в 1948 г. 1666 случаев приходилось на спецгоспитали [3, с. 464].

В 1949 г. массовая репатриация военнопленных завершилась. На родину убыло более полумиллиона иностранных граждан, в том числе и большинство из тех, кто находился на оперативном учете и на которых не были обнаружены компрометирующие материалы. По мере сокращения числа лагерей расформировывались и специальные лечебные учреждения. Всего за год прекратили свою деятельность 45 спецгоспиталей. МВД освободило здания 15 школ и трех других учебных заведений. Имущество расформированных госпиталей передавалось в ГУЛАГ или сдавалось на военные склады [7, л. 43].

Всего за 1949 г. в спецгоспиталях прошли лечение 47241 чел., или 14,2% всего контингента лагерей, в том числе с диагнозом дистрофия 10,1%, туберкулез легких – 24,1% [4, л. 140–142].

К началу 1950 г. на территории СССР оставалось более 51 тыс. взятых в плен солдат противника. В их числе были лица, находившиеся под следствием, обвиняемые в совершении зверств на оккупированной территории или оставленные в лагерях за принадлежность к СС, СА, полицейским и охранным частям, а также уже осужденные военные преступники. При

этом около 30 тыс. еще не осужденных военнопленных содержались в 10 производственных лагерях. Для их лечения было оставлено 6 специальных госпиталей, рассчитанных на 2000оек. Эти лечебные учреждения оказались недогруженными. В первые 4 мес. 1950 г. лечение в них проходили лишь 2,8–3% из находившихся в СССР пленных. Значительная часть из них лечилась от туберкулеза легких – 27%, хирургических заболеваний – 19,5%, дистрофии – 10,4% и заболеваний сердечно-сосудистой системы – 7% [4, л. 142, 143].

Организация лечебной помощи в спецгоспиталях, обеспеченных всем необходимым медицинским имуществом, бельем и постельными принадлежностями, в 1950 г. значительно улучшилась. За 11 мес. в госпитали поступило 3707 больных, из которых после выздоровления выписали 3332 чел. За то же время в лагерях для военнопленных лечение прошло значительно больше – 18367 больных. В связи с изменениями условий содержания военных преступников и сокращением сети спецгоспиталей ГУПВИ МВД СССР на 1951 г. планировало оказывать стационарную лечебную помощь в медицинских учреждениях лагерей [3, с. 470].

Таким образом, в послевоенные годы руководством СССР была проделана большая работа по налаживанию лечения взятых в плен тяжелобольных и раненых иностранных военнопленных, нуждавшихся в длительном лечении. Несмотря на наличие значительных материальных и финансовых трудностей, низкий уровень медицинского обслуживания собственного гражданского населения, делалось все возможное для сохранения жизни взятых в плен солдат противника. Об этом наглядно свидетельствуют директивные указания МВД СССР, материалы о ежегодном снижении смертности в спецгоспиталях, постоянном увеличении доли выписанных после лечения, улучшении материальной базы лечебных учреждений. Да и сами больные, прошедшие лечение, отмечали доброе, внимательное, хотя и строгое отношение к ним со стороны русских врачей и медицинских сестер [8, с. 139; 9, с. 90].

Список литературы

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская ; под ред. М. М. Загорулько. М. : Логос, 2000. 1120 с.
2. Сидоров С. Г. Организация госпитальной помощи иностранным военнопленным в СССР в годы Великой Отечественной войны // Путь к Великой Победе : история и современность : материалы Международной научно-практической конференции (Майкоп, 16–19 сентября 2020 г.) / под ред. Е. М. Малышевой. Майкоп : Издательство АГУ, 2020. С. 41–45.
3. Военнопленные с СССР. 1939–1956 : в 6 т. Т. 4 : Главное управление по делам военнопленных и интернированных

- НКВД–МВД СССР. 1941–1952. Отчетно-информационные документы и материалы / под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2004. 1111 с.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1 п. (Центральный аппарат ГУПВИ НКВД–МВД СССР). Оп. 23 а. Д. 13.
5. *Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР. 1939–1956. Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. 508 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. (Секретариат НКВД–МВД СССР). Оп. 1а. Д. 291.
7. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 336.
8. *Ерин М. Е., Баранова Н. В.* Немцы в советском плену (по архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история. 1995. № 6. С. 133–142.
9. *Karner Stefan.* Im Archipel GUPVI : Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Wien ; Munchen : Oldenbourg, 1995. 269 S.

Поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 01.04.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 21.03.2022; approved after reviewing 01.04.2022; accepted for publication 12.04.2022

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 313–318

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 313–318
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-313-318>

Научная статья
УДК 94(437.17-25)|653|

Ранняя история чешского города Пльзень по данным письменных источников и археологических исследований

А. Н. Галямичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 41012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, Author ID: 1131371

Аннотация. В статье рассматривается ранняя история одного из крупнейших и старейших городов Чехии – Пльзень. Показано, что город прошел в своем развитии две стадии: первоначально он представлял собой один из важнейших областных градов Чешского государства, а в 1295 г. в непосредственной близости от старого поселения был основан королевский город, наделенный правами самоуправления и другими привилегиями на основе городского права, который стал центром экономической жизни и пунктом концентрации населения. К концу XIV в. он стал третьим по величине городом Чехии и унаследовал название Пльзень, оставив за старым поселением название Старый Пльзенец.

Ключевые слова: Пльзень, система градской организации, средневековый город, городское право, немецкая колонизация, Вацлав II

Для цитирования: Галямичев А. Н. Ранняя история чешского города Пльзень по данным письменных источников и археологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 313–318. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-313-318>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The early history of the Czech city of Pilsen according to written sources and archaeological research

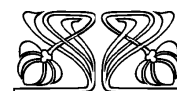
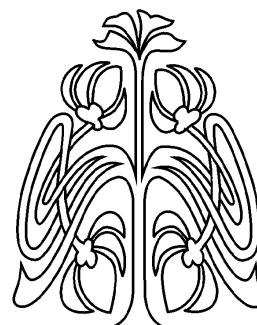
A. N. Galyamichev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

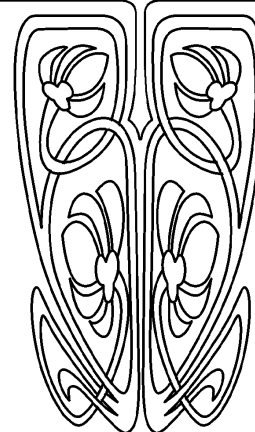
Alexander N. Galyamichev, Galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, Author ID: 1131371

Abstract. The article examines the early history of one of the largest historical cities of the Czech Republic – Pilsen. It is shown that the city went through two stages in its development: initially it was one of the most important regional towns of the medieval Bohemian state, and in 1295, in the immediate vicinity of the old settlement, a royal city was founded, endowed with self-government rights and other privileges on the basis of city law, which became the center of economic life and a point of concentration of the population. By the end of the XIV century, it became the third largest city in the Czech Republic and inherited the name Pilsen, leaving the old settlement with the name Old Pilsenets.

Keywords: Pilsen, city organization system, medieval city, urban law, German colonization, Wenceslaus II

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

For citation: Galyamichev A. N. The early history of the Czech city of Pilsen according to written sources and archaeological research. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 313–318 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-313-318>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Пльзень – четвертый по величине город современной Чешской Республики, один из важнейших центров экономической и культурной жизни страны, завоевавший всемирную славу благодаря высочайшему мастерству местных пивоваров.

Между тем история города, особенно ее начальные страницы, остается малоизвестной за пределами Чехии, в том числе и в нашей стране. Рассмотрение развития отдельных городов имеет, как представляется, большое значение для осмысления проблематики средневековой урбанистики в целом, позволяя выявить ведущие тенденции развития на конкретном, своеобразном материале отдельных городских центров. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть ранний период истории Пльзеня, истоки которой уходят в глубину столетий, во времена догосударственного развития чешских земель, когда на территории Пльзеньского края появились первые укрепленные городища (археологически их существование прослеживается с VIII в.), которые служили убежищем для окрестных жителей во время военной опасности.

После образования на пороге X в. Древнечешского государства Пльзень стал одним из важнейших областных градов. X в. датируются древнейшие археологические находки на его территории, к первой половине X столетия относится основание одного из древнейших сохранившихся до настоящего времени христианских храмов на территории Чехии – костела св. Петра [1, с. 319].

Областные грады представляли собой ключевой элемент структуры сложившейся в странах Центральной Европы в X–XI вв. самобытной системы организации общества и государства, получившей в литературе последних десятилетий название «система градской организации» [2, 3].

Областные грады являлись центрами управления подвластными им областями государства. Здесь находились наместники, окруженные дружиной, выступавшей в качестве государственного аппарата. Грады представляли собой также центры сбора налогов с населения области, главный из которых носил характерное название «дань с мира», поскольку жила за счет собираемых налогов дружина обеспечивала порядок и безопасность в прилегающей области, творила суд, занималась организацией общественных работ и т. д.

Важнейшей функцией областных градов была оборонительная. С ее выполнением связано первое упоминание о Пльзене в исторических источниках. Речь идет о сообщении хроника

Титмара Мерзебургского о военном конфликте между императором Священной Римской империи Оттоном II Рыжим и чешским князем Болеславом II Благочестивым в 976 г. Хронист писал: «В 976 г. от воплощения Господня Генрих, герцог Баварии, лишённый удела и церковного причастия, бежал в Чехию. Против него, пребывающего у князя Болеслава, с сильным войском выступил император; однако, действуя против них обоих, успеха не имел. Напротив, благодаря хитрости одного из воинов Болеслава был истреблен большой отряд баварцев, пришедший сюда на помощь Оттону и разбивший лагерь возле города Пльзень. С наступлением вечера баварцы, боясь, не выставили для своей безопасности никакой охраны. И вот, пришли вражеские латники и перебили их голых, бегущих им навстречу, в палатках и на зелёном лугу; после чего, весёлые и невредимые, с большой добычей, вернулись домой. Император же, когда узнал о потере стольких мужей и о том, что все дороги для отступления закрыты, прямым путём устремился к своему городу под названием Хам, только в следующем году добившись подчинения бежавшего в Пассау герцога» [4, с. 38].

Рассказ хрониста косвенно свидетельствует о прочности крепостных сооружений Пльзеня, возле которого немецкое войско разбило свой лагерь. О труднодоступности града говорит также пользующееся наибольшим признанием специалистов истолкование названия «Пльзень» как «оползень»: возникающие на отвесных склонах холмов оползни практически исключают возможность штурма крепости на соответствующем направлении.

Областные грады, расположенные в стратегически значимых точках страны, на пересечении важнейших водных и сухопутных путей, являясь пунктами концентрации военно-служилой знати и обслуживавшего ее потребностями ремесленного населения (первоначально несвободного, прикрепленного к тому или иному граду и получавшего часть собираемых с подвластной территории налогов для своего пропитания) естественным образом становились центрами рыночного обмена даже во времена его крайней ограниченности в условиях господства натурального хозяйства. Что касается Пльзеня, то до наших дней сохранилось любопытное свидетельство, содержащееся в житии святого Войтеха (Адальберта) (955–997) – пражского епископа в 982–989 гг. и в 993 г.

Святой Адальберт, происходивший из рода Славниковичей, соперничавших с княжеским родом Пржемысловичей за власть над чешскими землями, находился в сложных отношениях

с князем Болеславом II и в 989 г. добровольно сложил с себя сан епископа. Возвращаясь после вмешательства римской курии в 992 г. в Чехию, он был крайне возмущен оживленной торговлей, происходившей возле града Пльзень в воскресный день. Как сообщают жития св. Адальберта, после этого еженедельные торги в чешских землях были перенесены на субботные дни, оставив воскресенье для посещения храмов и молитвы [5, s. 325; 6, s. 281 – во втором случае название Пльзень не указано].

Расположенный близ западных рубежей страны в центре исключительно плодородной местности, на высоком обрывистом мысу на правом берегу р. Уславы, Пльзень играл видную роль в жизни чешского государства. Именно здесь расходились две главные дороги, которые вели из Праги в немецкие земли – на Регенбург и на Нюрнберг. В годы правления князя Яромира (1004–1012, 1033–1034) в Пльзене был основан княжеский монетный двор [7, s. 98–103]. В городе происходили важные события политической жизни страны. Пльзень упоминается, в частности, в хронике Козьмы Пражского в связи с событиями 1109 г. и действиями князя Владислава I (1109–1117, 1120–1125): «Ещё до этого князь Владислав решил праздновать рождество в упомянутом граде Градце. Но поскольку он должен был, по приглашению короля Генриха, присутствовать в отдание рождества на королевском сейме в Регенбурге, то он поручил комиту (правителю области. – А. Г.) Вацэку как можно старательнее подготовить пир для Оттона, поскольку он был приглашён на праздник. Сам Владислав, согласно распоряжению короля, поспешил в город Пльзень, где вместе с остальными комитами пробыл два дня праздников; на третий же день, когда стало известно, что происходило в Праге, он пренебрёг распоряжением короля и вместе с теми, кто был с ним при дворе, в день святого апостола и евангелиста Иоанна выехал в Прагу» [8, с. 206–207].

Подобно другим областным градам Пльзень постоянно развивался как центр товарного производства и обращения, что подтверждается данными археологических исследований о территориальном росте пльзеньского подградья и характере обнаруженных здесь памятников материальной культуры [9, s. 804–808].

Значение Пльзень как одного из главных центров Чешского государства особенно ярко проявилось в первые десятилетия XIII в. В 1213–1216 гг. город служил резиденцией Демольта III, представителя боковой ветви династии Пржемысловичей, боровшегося за верховную власть с королем Пржемыслом Оттокар I (1198–1230). О ходе этой борьбы сообщает Далимилова хроника [10, s. 163]. Отстаивая свои права на королевский престол, Пржемысл Оттокар I заплатил Демольту 7 тыс. марок отступных и признал

его маркграфом Моравии. В 1224–1228 гг. Пльзень служил местом постоянного пребывания будущего короля Чехии Вацлава I (1230–1253), управлявшего пльзеньской областью. Этот период занимает важное место на жизненном пути и в государственной деятельности Вацлава I: в 1224 г. он женился на Кунигунде Гогенштауфен, дочери Филиппа Швабского (младшего сына императора Фридриха I Барбароссы – в 1198–1208 гг. короля Германии), а 6 февраля 1228 г. был коронован королевской короной как соправитель отца.

Первые десятилетия XIII в. были ознаменованы и важными переменами в развитии средневековой Чехии. Страна вступила в период динамичного обновления общественного и государственного строя, который утратил многие черты былой самобытности и значительно приблизился к той модели развития, которая сложилась в предшествующие столетия в западноевропейском регионе. Это сближение имело объективную основу, а его сравнительно быстрому оформлению способствовали тесная близость Чехии с германскими землями и многообразные связи страны с западными соседями. Большую роль в этом процессе сыграла немецкая колонизация – массовое переселение больших групп колонистов, приносивших в Чехию свои традиции и правовые порядки (признание последних служило одним из условий переселения немецких колонистов в чешские земли).

Пожалуй, наиболее значительные и очевидные изменения произошли в XIII в. в судьбах городов Чехии [11]. Еще во второй половине XII столетия, когда начался процесс стремительного распада системы градской организации, областные грады Чешского государства стали утрачивать многие свои бывшие функции.

В основе процесса разложения системы градской организации лежал переход чешской военно-служилой знати от коллективных форм быта к индивидуальным. По примеру западноевропейского рыцарства, с которым чешская знать была связана многообразными контактами, укрепившимися в эпоху крестовых походов, ее представители разделили подвластные областным градам территории между собой и, покинув градские центры, обосновались в пределах собственных земельных владений.

Становление частновладельческого поместья проходило в Чехии своеобразным путем, без возникновения аллода и разложения общины, но имело принципиально тождественные последствия в политико-правовых отношениях: крупное землевладение обретало административную и судебную власть на основе иммунитетных грамот и *de facto*, все более сокращая сферу действия публичной власти, представители которой продолжали пребывать в областных градах.

Процесс разложения системы градской организации, сопровождавшийся массовым отъ-

ездом представителей военно-служилой знати из градов в пределы своих земельных владений, не нанеся существенного ущерба выросшим вокруг областных градов торгово-ремесленным поселениям – подградьям, хотя и лишил первоначального смысла и источника существования основной массы их населения – ремесленников и слуг, удовлетворявших разнообразную потребность военно-служилой знати. Секрет их жизнестойкости состоял в том, что уже к середине XII в. – времени начала процесса разложения системы градской организации – чешские подградья обрели хозяйственную самостоятельность, превратившись в очаги товарного производства и обращения, подобные средневековым городам Западной Европы, чему способствовало предоставление прикрепленным к градам ремесленникам и слугам свободы самостоятельно добывать средства существования (это облегчало первоначально – в условиях господства натурального хозяйства – трудноразрешимую задачу обеспечения их жизненными средствами).

Существенным препятствием на пути развития чешских городов была правовая незащищенность интересов их жителей. Эффективное средство решения этой проблемы принесла немецкая колонизация – переселение в чешские земли, в том числе в города, значительных масс немецкого населения, условием обустройства которых в Чехии было предоставление им возможности жить на основе правовых норм и обычаев, принесенных с родины. Совокупность последних получила на славянском Востоке Европы название «немецкое право». Немецкое городское право обеспечивало благоприятные условия для жизни и хозяйственных занятий горожан – личную свободу, права административного и судебного самоуправления, важные экономические привилегии – право рынка, милевое право (запрет ремесленных занятий в пределах мили вокруг города) и др.

Немецкие колонисты предпочитали селиться возле сложившихся в доколониционную эпоху подградских агломераций, поскольку здесь сложились оптимальные условия для торгово-ремесленной деятельности. При этом центр тяжести экономической жизни перемещался в ареал их поселений, ядром которых являлась рыночная площадь, выступавшая в качестве сердца хозяйственной жизни города.

Немецкая городская колонизация, как правило, не сопровождалась конфликтами со славянским населением. Колонисты прибывали в Чехию по приглашению правителей страны, с которыми организаторы колонизационных актов (так называемые локаторы) заключали предварительное соглашение. Немецкие колонисты-горожане представляли для правителей интерес в силу того, что в отличие от служилых людей – жителей старых подградий – они становились источником поступления налогов. Открывая доступ для

вступления в городскую общину представителям славянского населения (что было характерно для городской немецкой колонизации в Чехии), немецкие колонисты смягчали естественно возникавшие противоречия. Для славянских ремесленников и торговцев, в свою очередь, обретение надежных правовых гарантий личной свободы и хозяйственной деятельности было весьма привлекательным новшеством, соответствовавшим их коренным жизненным интересам.

В течение XIII в. городские общины, управлявшиеся на основе немецкого права, выросли вокруг всех областных градов Чешского государства. Не остался в стороне от колонизационного движения и Пльзень. По всей вероятности, община немецких колонистов в начале второй половины XIII в. обосновалась возле южной границы старого подградья на левом берегу р. Уславы, о чем свидетельствуют данные археологических исследований.

Более точно определить время колонизационного акта невозможно, поскольку в отличие от некоторых других городов не сохранилась учредительная грамота, в которой фиксировались условия обустройства немецких колонистов в чешских землях.

Одним из важных свидетельств обустройства в Пльзене общины немецких горожан-колонистов считается грамота короля Пржемысла Оттокара II от 1266 г., в которой он передает под управление Хотешовскому монастырю 8 церквей (со всем их имуществом и доходами), расположенных на территории города (употреблен термин *civitas*) или поблизости от него: указываются церкви св. Петра (и Павла), св. Лаврентия, св. Креста, Рождества Девы Марии, св. Иоанна Крестителя, св. Мартина, св. Вацлава и св. Блажея («... *ecclesiam sancti Laurentii apud Pilznam, ... ecclesiam sancte Marie in latere Pilznensis civitatis, ecclesiam sancti Iohannis Baptiste, ecclesiam sancti Wencezlai, ecclesiam sancti Martini in Pilznensi civitate, ecclesiam sancte Crucis, ecclesiam sancti Petri in monte castris predictae civitatis, ecclesiam sancti Blasii extra eandem civitatem ...*») [12, s. 703–705].

В грамоте короля Пржемысла Оттокара II, как и в подтверждавшей дарение короля грамоте римского папы Григория X от 1273 г. [13, s. 353–354], упоминается рынок (*forum*) как важный элемент структуры города. Тексты грамот позволяют сделать вывод о существовавшем предоставлении о территории города как особом административно-правовом округе, о чем свидетельствуют указания на местонахождения храмов либо внутри, либо вне нее.

Важным обстоятельством является также то, что название «Пльзень» в обеих грамотах употребляется по отношению к левобережному поселению, что свидетельствует о перемещении центра тяжести городской жизни из древнейшей,

правобережной части подградья, непосредственно примыкавшей к граду, на левый берег, где на рыночной площади находилось сердце хозяйственной жизни Пльзеньской области.

На существование в Пльзне общины, управляющейся на основе немецкого городского права, указывает важное косвенное свидетельство, содержащееся в грамоте дарения Хотешовскому монастырю от 1266 г. и его подтверждение римской курией: Пржемысл Оттокар II даровал монастырю ежегодные денежные выплаты от городов Пльзень, Стршибро и Домажлице («... *beneficium in Pilzna, in Misa ac in Domaslich civitatum* ...») [12, s. 705]. В грамоте Григория X, подтверждающей дарение, это сформулировано следующим образом: «... *Annuum redditum denariorum, quem percipitis in civitate Pilznensi, in Misa et in Domaslich et in foro civitatis eiusdem* ...» [13, s. 754]. Следует иметь в виду, что Стршибро и Домажлице, являясь важными пунктами на путях из Чехии в немецкие земли, незадолго до этого были наделены городским правом.

Однако основание на левом берегу Уславы поселения, наделенного немецким городским правом, оказалось далеко не самым удачным опытом немецкой городской колонизации в чешских землях. До конца 1280-х гг. здесь еще бился пульс городской жизни, о чем свидетельствует подтверждение дарения Хотешовскому монастырю Пржемысла Оттокара II его сыном Вацлавом II в 1288 г. [14, s. 619–620]. Но, по всей вероятности, в 1295 г. в судьбе Пльзеня произошло событие чрезвычайной важности: король Вацлав II повелел основать новый королевский город в 10 км от старого областного града, который должен был стать административным центром прилегающей к нему территории. Учредительная грамота и на этот раз не сохранилась, и поэтому обстоятельства основания города изучаются историками по грамотам короля Иоанна Люксембурга от 1320 и 1325 гг. В грамоте от 8 октября 1320 г. король подтверждал те привилегии, которые были даны городу Вацлавом II при его основании (*illa jura ipsius civitatis Pilzensis, que ipsi ciues sub d. Wenzelao — rege Boemie, priori tempore habuerunt, renouare et confirmare dignaremus*) [15, s. 262]. В грамоте от 29 апреля 1325 г. Иоанн Люксембург подтверждал дарение Хотешовскому монастырю с. Жеровицы в качестве компенсации за села Штяглавы и Седлец, вошедшие в территорию городского округа Нового Пльзеня при его основании [16, s. 16–17].

По-видимому, решение об основании нового города было обусловлено резкой активизацией торговых связей Чехии и Германии после открытия богатейших в Европе конца XIII в. серебряных месторождений чешской Кутной Горы. Место для строительства нового города было выбрано в точке слияния четырех рек — Угавы, Радбузы, Мже и Уславы, на развилке путей,

которые вели в Нюрнберг, Регенсбург, а также на север — в Саксонию.

Помимо выгодного расположения на трассах международной торговли, место основания нового города было удобным с градостроительной точки зрения в отличие от своего предшественника на левом берегу реки Уславы. Новый город располагался в равнинной местности, дававшей возможность застроить значительную территорию, остававшуюся свободной, и окружить ее кольцом прочных оборонительных сооружений. По подсчетам современных исследователей, кольцо городских стен окружило территорию площадью 20 га [17, s. 36]. Кроме того, городу были пожалованы прилежавшие к нему земли — 168 ланов (после проведенного в 1319 г. перемера число ланов увеличилось еще на 10). За эти земли горожане были обязаны вносить в королевскую казну на день св. Мартина ежегодный чинш в размере 89 марок серебра [15, s. 262].

По подсчетам чешских исследователей, при основании города сюда прибыло более 300 семей, а внутри городских стен располагалось 290 домов [17, s. 36]. Общее число жителей в новом городе составляло около 3 тыс. [18, s. 154].

Организацией обустройства горожан, в числе которых было немало жителей левобережного города на Уславе, занимался локатор Генрих. Его имя упоминается в качестве рихтаржа (судьи) в сохранившемся в одном из формуляриев писем, в котором он, члены городского совета и вся община бюргеров Нового Пльзеня (*Hainricus iudex et iurati ac universitas civium in Nova Pilzna*) обращались к одному из самых влиятельных придворных короля Вацлава II, пражскому бургграфу и коморнику (казначею) королевства Буркхардту Магдебургскому с просьбой оказать содействие пльзеньским бюргерам Вольфраму и Бертольду (*Wolframum et Bertoldum concives nostros*) в решении дел, связанных со строительством города (*pro hiis, que ad constructionem pertinent civitatis*) [19, s. 77].

Новый Пльзень строился по тщательно разработанному плану, в основу которого была положена регулярная прямоугольная система улиц, расходящихся от центральной площади (168 на 191 м), которая до настоящего времени является одной из крупнейших городских площадей в Европе. Вместе со строительством города на площади началось возведение готического собора св. Варфоломея с башней высотой в 102 м, что позволяет считать его самым высоким храмом Чехии и сегодня.

Вокруг города были сооружены мощные стены, окруженные системой рвов. К городским стенам по обыкновению эпохи примыкали монастырские комплексы — доминиканцев на севере и францисканцев на востоке.

Основание нового города оказалось удачным начинанием. Его расположение на перекрестке оживленных торговых путей позволяло успешно

развивать торговлю и ремесленное производство. К 1307 г. относится первое письменное свидетельство о пльзеньском пивоварении: 17 апреля этого года пльзеньский бюргер Вольфрам Цвинилингер (Wolframus Zwynillinger, cius Noue Pylzne) завещал собору св. Варфоломея пивоварню и солодовню (braxatorium et siccatorium) [16, s. 3].

К концу XIV в. новый город стал третьим по величине и значению городом Чехии после Праги и Кутной Горы. К нему перешло пришедшее из прошлого название Пльзень, а изначальный Пльзень, утратив былое значение, но тем не менее сохранившийся, стал именоваться, как и в наши дни, Старым Пльзеньцем.

Таким образом, в судьбах средневекового Пльзеня своеобразно преломились ведущие тенденции урбанистического развития Чехии. Два основных этапа развития средневековых городов Чехии, гранью между которыми было начало немецкой колонизации, оказались зримо и пространственно обособленными друг от друга: обосновавшаяся в 1295 г. на оживленном перекрестке торговых путей городская община, унаследовав от своего исторического предшественника основные экономические и политические функции, была свободна от сдерживающих городское развитие Старого Пльзеня факторов, как и от необходимости приспособления к сложившейся в доколонизационную эпоху структуры городской застройки. В этом, как представляется, заключалась одна из причин, обусловивших динамичное развитие Нового Пльзеня в начальный период его истории.

Список литературы

1. Frýda F. Archeologický výzkum v městě Plzni // *Archaeologia Historica*. Brno : Masarykova univerzita, 1979. Roč. 4. S. 319–322.
2. Тржещтик Д. Средневековая модель государства периода раннего феодализма // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей* / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М. : Наука, 1987. С. 124–133.
3. Жемличка Й., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)* / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М. : Наука, 1991. С. 167–180.
4. Мерзбургский Титмар. Хроника. М. : Русская панорама, 2009. 256 с.
5. Verše o utepení sv. Vojtěcha, biskupa a mučedníka // *Fontes rerum Bohemicarum*. Pragae : Nákladem musea království Českého, 1873. T. I. P. 313–334.
6. Brunonův život sv. Vojtěcha // *Fontes rerum Bohemicarum*. Pragae : Nákladem musea království Českého, 1873. T. I. P. 266–304.
7. Hašková J. K otázce plzeňské mincovny za knížete Jaromíra // *Numismatické listy*. Praha : Národní muzeum, 1964. Roč. XIX. S. 98–103.
8. Пражский Козьма. Чешская хроника. М. : Издательство АН СССР, 1962. 296 с.
9. Široký R., Nováček K., Kaiser L. Zapomenutá Plzeň Počátky města pod přemyslovským hradem // *Archeologické rozhledy*. Praha : Státní archeologický ústav, 2004. Roč. LVI. S. 798–827.
10. Rýmovaná kronika česká // *Fontes rerum Bohemicarum*. Pragae : Spolek historický, 1882. T. III. P. 3–228.
11. Галямичев А. Н. Города Чехии в эпоху немецкой колонизации. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2017. 152 с.
12. Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae / ed. J. Šebánek, S. Dušková. Pragae : Československá akademie věd, 1974. T. V. Č. 1. 718 p.
13. Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae / ed. J. Šebánek, S. Dušková. Pragae : Československá akademie věd, 1981. T. V. Č. 2. 621 p.
14. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae / ed. J. Emler. Pragae : Sumtibus regiae scientiarum societatis Bohemiae, 1882. T. II. 1488 p.
15. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae / Ed. J. Emler. Pragae : Sumtibus regiae scientiarum societatis Bohemiae, 1890. T. III. 954 p.
16. Listář královského města Plzně a druhdy poddaných osad. Vyd. J. Strnad. Plzeň : Nakladem městského historického musea, 1891. T. I. 479 p.
17. Dějiny Plzně. D. I : Od počátků do roku 1788 / red. M. Bělohávek. Plzeň : Západočeské nakladatelství, 1965. 354 s.
18. Malivánková-Wasková M. Dějiny města Plzně. Plzeň : Lidové noviny, 2014. D. I. 888 s.
19. Das St. Pauler Formular. Briefe und Urkunden aus der Zeit König Wenzels II / hrsg. von J. Loserth. Prag : im Selbstverlag des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen, 1896. 91 s.

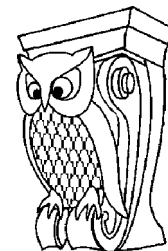
Поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 01.04.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 14.03.2022; approved after reviewing 01.04.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 319–328
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 319–328
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>

Научная статья
УДК 94(410-21)|1350/1370|

Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений

Л. Н. Чернова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, larisachernova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, Author ID: 472830

Аннотация. На материале оригинальных источников рассматриваются направления и формы социально-экономического взаимодействия Лондона и провинциальных городов Англии в 1350–1370 гг. Показано, что главной сферой в их взаимоотношениях была торговля, реализовывавшаяся в разных организационных формах, с широким использованием товарного и денежного кредитов. Также полем для взаимодействия был возврат беглых учеников, оставивших мастеров в Лондоне и нашедших убежище в некоторых городах Англии. Нередко мэрам Лондона приходилось отстаивать торговые и финансовые интересы своих горожан в условиях противодействия властей провинциальных городов. Автор приходит к выводу о том, что отношения между Лондоном и городской «периферией» Англии в XIV в. были сложными. Однако возникавшие противоречия разрешались в существовавшем правовом поле.

Ключевые слова: Англия, Лондон, XIV век, мэры, официальные письма, провинциальные города, торговля, нарушение торговых привилегий, долговые обязательства, бегство учеников

Для цитирования: Чернова Л. Н. Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

London and the towns of England in 1350–1370: Socio-economic aspect of their relations

L. N. Chernova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Larisa N. Chernova, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, Author ID: 472830

Abstract. The article examines the directions and forms of socio-economic interaction between London and provincial towns of England in 1350–1370 based on the material of the original sources. It is shown that the main sphere in their relationship was trade, which was implemented in various organizational forms, with extensive use of commodity and monetary credit. Also, the field for interaction was the return of runaway apprentices who left the masters in London and found refuge in different cities of England. Often the mayor of London had to defend the commercial and financial interests of his citizens in the face of opposition from the government of provincial towns. The author concludes that the relations between London and the town “periphery” of England in the XIV century were complicated. But the contradictions that arose were resolved in the existing justice field.

Keywords: England, London, XIV century, mayors, official letters, provincial towns, trade, violation of trade privileges, debt obligations, apprentices’ getaway

For citation: Chernova L. N. London and the towns of England in 1350–1370: Socio-economic aspect of their relations. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 319–328 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Известно, что средневековый Лондон, являясь самым крупным (в XIV столетии в нем проживало около 40 тыс. человек [1, р. 141]) и богатым городом Англии, не имел внутри страны сколько-нибудь серьезных конкурентов. К тому же с XIII в. он обладал практически все-

ми привилегиями, предоставляемыми монаршей властью, включая право беспошлинной торговли в пределах всего королевства, и сумел добиться высшей степени муниципальной независимости, которая была возможна в Англии того периода. Его положение считалось в сущности недостижи-

мым идеалом для остальных городов королевства [2, с. 56]. Особый статус английской столицы отразился и в терминологии, используемой в документах той эпохи: Лондон – это «City of London», его горожанин – «citizen», в то время как любой другой город обозначается термином «town», а его житель – «burgess» [3].

Но насколько безоговорочно принимали такое положение Лондона остальные (назовем их провинциальными) английские города? По каким направлениям и в каких формах осуществлялось их социально-экономическое взаимодействие? На эти вопросы постараемся ответить, используя опубликованные Р. Р. Шарпом еще в 1885 г., но до настоящего времени комплексно не изученные официальные письма глав муниципалитета Лондона, адресованные властям городов Англии в 1350–1370 гг. [3]. Это тем более важно, что ремесленный сектор в экономическом ландшафте английской столицы и внутренние торговые связи на Туманном Альбионе в средневековый период изучены недостаточно, в отличие от внешней торговли [4, р. 426].

Интересующие нас материалы хранились в городском архиве Лондона в Гилдхолле в виде двух свитков (rolls). Публикатор оставил такую структуру источника: в первой части представлены 280 писем за период 1350–1365 гг. (за исключением 1358–1362 гг.); во второй – 73 письма за 1366–1370 гг. Письма были написаны на французском языке и латыни, Р. Р. Шарп издал их на английском языке, сохранив отдельные термины и наименования некоторых городов на языках оригинала.

Название источника – «Письма мэров и корпорации города Лондона» – весьма условно, поскольку здесь представлены как собственно

письма в прямом смысле этого слова (letters), и их большинство, так и жалованные грамоты (letters patent), рекомендательные письма (letters testimonial) и письменные доверенности (letters of attorney). Все они являются официальными документами, скрепленными не только подписями, но и, как правило, городской печатью [5].

Письма составлены от имени мэров, олдерменов и общины Лондона и начинаются со следующей фразы: «The Mayor, Aldermen, and Commonalty of the City of London to...». Всего среди отправителей посланий значатся 12 мэров, занимавших высшую административную должность в городе в обозначенный период. Информация о них представлена в табл. 1, которая составлена на основании «Писем мэров и корпорации города Лондона» [3] и архивных материалов, опубликованных в начале XX в. А. Б. Бивеном [6].

Из табл. 1 видно, что лондонские мэры (а также, добавим, олдермены, из числа которых они избирались) принадлежали к так называемым «Двенадцати Большим ливрейным компаниям» («Twelve Great Livery companies»), купеческим по своей сути, которые в силу богатства и могущества определяли политику города, направления его экономического и социального развития. По этой причине «отцы города» были кровно заинтересованы в расширении сферы влияния Лондона, защите прав его фрименов (торговцев средней руки, купцов, ремесленных мастеров) на территории королевства, поскольку от этого зависели их собственное материальное благополучие, а также возможность и далее удерживаться на властном Олимпе.

В подтверждение сказанного приведем некоторые сведения, относящиеся к деятельности

Таблица 1

Мэры Лондона, 1349–1370 гг.

№ п/п	Имя, фамилия	Годы пребывания в должности мэра	Принадлежность к ливрейным компаниям	Количество писем
1	Уолтер Тарк	1349–1350	Торговец рыбой	3
2	Ричард де Кислбари	1350–1351	Торговец сукном	42
3	Эндрю Обри	1351–1352	Торговец пряностями	39
4	Адам Фрэнси	1352–1354	Торговец шелковыми и бархатными тканями	55
5	Томас Лэгги	1354–1355	Торговец мехом	19
6	Саймон Фрэнси	1355–1356	Торговец шелковыми и бархатными тканями	9
7	Генри Пикад	1356–1357	Торговец вином	39
8	Джон Нот	1363–1364	Торговец пряностями	34
9	Адам де Бари	1364–1365	Торговец мехом	25
10	Джон Лоувкин	1365–1366 1366–1367	Оптовый торговец рыбой	15 37
11	Саймон де Модон	1368–1369	Оптовый торговец рыбой	27
12	Джон де Чичестер	1369–1370	Ювелир	9

Адама Фрэнси, торговца шелковыми и бархатными тканями, мэра Лондона 1352–1354 гг. Основу его торговли составлял экспорт шерсти, которую он (совместно со своим компаньоном и другом Джоном Пайелом) закупал в аббатстве Салби в Нортхемптоншире. Тесные контакты связывали Адама Фрэнси с фландрскими городами. Начиная с 1339 г., в течение нескольких лет он находился в Брюгге по торговым делам, в 1365–1366 гг. экспортировал туда крупную партию шерсти общей стоимостью более 1217 фунтов стерлингов. Торговый корабль «Ла Лоуренс», принадлежавший Адаму и его кузену Саймону Фрэнси, тоже торговцу шелковыми и бархатными тканями и мэру Лондона 1355–1356 гг., регулярно курсировал между фландрским Слейсом и Ньюкаслем, Слейсом и Лондоном, перевозя сельдь, вайду и, возможно, шерсть. Торговал Адам также с Ганзейскими городами и Италией, откуда импортировал самые разнообразные товары [2, с. 140–141; 7, р. 6–8]. Кроме того, Фрэнси располагал значительными комплексами недвижимости в столице: ему принадлежали дома, включая один каменный, многочисленные торговые лавки и склады, пивоварни, участки набережной с причалами, сады и земля [8].

Изучение писем, прежде всего, подтверждает значение Лондона как важнейшего торгового и производящего центра средневековой Англии. В них упомянуты представители далеко не всех торгово-купеческих компаний и ремесленных специальностей, но даже той информации, что имеется, достаточно для понимания разнообразия и многофункциональности экономического и социального ландшафта города. Торговый сектор в письмах представлен оптовыми торговцами и просто торговцами рыбой, вином, пряностями (специями), бакалейными товарами, сыром, шелковыми и бархатными тканями, сукном, мехом, кожей, невыделанными шкурами, лошадьми, галантерейными и скобяными изделиями, ювелирами, поставлявшими на рынок продукцию золотых дел мастеров. Среди ремесленников встречаются портные, скорняки, дубильщики, кожевники, оружейники, шорники, изготовители головных уборов (грубых ворсистых шапок), пояски, ковровщики, изготовители (они же – продавцы) сальных и восковых свечей, медной посуды, каменщики, плотники, пекари, мясники [3]. Таким образом, в Лондоне и его ближайшей округе процветали ремесла, связанные со строительством, выделкой кожи и меха и изготовлением самых разнообразных изделий из них, пошивом, отделкой и украшением одежды, развивались дерево- и металлообработка, ювелирное дело, производство тканей, изготавливался чрезвычайно широкий ассортимент потребительских товаров – продуктов питания, мебели, посуды, прочей утвари и предметов домашнего обихода, столь необходимых жителям города [4, р. 65–75, 218–223]. Среди представителей сферы услуг –

гуртовщики (погонщики), трактирщики. Постоянные упоминания о городских интеллектуалах – поверенных в делах, имевших знания в области права. Не забудем также о владельцах кораблей и моряхах [3].

Понятно, что отношения с английскими городами имели для Лондона важное значение, что подтверждается, в частности, следующими данными: из 353 имеющихся в нашем распоряжении посланий 182 адресованы властям 92 провинциальных городов [3]. Информация об этом, почерпнутая из «Писем мэров и корпорации города Лондона» [3], систематизирована в табл. 2.

Представленные в табл. 2 сведения позволяют заключить, что больше всего обращений мэры адресовали в Саутгемптон – 12, Бристоль – 10, Ярмут, Сэндвич и Оксфорд – по 9, Ньюкасл-на-Тайне и Колчестер – по 7, Бартон-на-Хамбере, Кентербери, Линн и Уинчестер – по 6. Очевидно, что в сферу интересов как властей Лондона, так и торгово-купеческой части городской общины, входили портовые города. Саутгемптон – один из ведущих морских портов на южном побережье королевства, через который вывозили шерсть и кожу, а взамен ввозили вино из Аквитании. Бристоль – второй после Лондона по величине и богатству портовый город в Юго-Западной Англии [9, с. 28], через который английская шерсть направлялась в Испанию и Португалию, откуда торговые корабли возвращались с грузом хереса и портвейна. Сукно доставлялось в Гасконь и Ирландию: в 1355–1360 гг. доля Бристоля в ежегодном экспорте сукна составляла 30%, а в 1365–1370 гг. выросла до 40% [9, с. 61–62]. Кроме того, большое внимание уделялось закупкам в Италии, Франции и Испании красителей (вайды, марены и др.), квасцов, мыла и масла, необходимых бристольтцам при изготовлении сукна [9, с. 54–55]. Ярмут являлся портом на берегу Северного моря, на востоке страны (графство Норфолк). Линн – также морской порт и торговый город в Восточной Англии (графство Норфолк), тесно связанный не только с Лондоном, но и с Питерборо, Кембриджем и Норичем. Ньюкасл-на-Тайне представлял собой порт на р. Тайн, чуть выше ее впадения в Северное море, на северо-восточном побережье Англии (графство Нортумберленд). Особое место занимал Сэндвич – крупный морской порт на юго-востоке Англии (графство Кент), входивший в Конфедерацию Пяти портов, образованную, видимо, в правление Эдуарда Исповедника [10] и объединявшую множество городов и местечек Кента, Сассекса и Эссекса. Состав Конфедерации со временем менялся, в основном за счет включения новых членов. Всего в ней насчитывалось порядка 50 участников. При этом ядро Конфедерации составляли 5 главных портов (Гастингс, Сэндвич, Дувр, Ромни и Хит) и 2 старинных порта (Рай и Уинчелси) [11]. В Дувр, Гастингс

Таблица 2

Провинциальные города Англии – адресаты писем мэров Лондона, 1350–1370 гг.

Название города	Кол-во упоминаний в письмах	Название города	Кол-во упоминаний в письмах	Название города	Кол-во упоминаний в письмах
Бари-Сент-Эдмундс	2	Костоун	1	Солсбери	3
Барквей	1	Кройдон	2	Стейнинг	1
Бартон-на-Хамбере	6	Кэкстон	2	Стемфорд	1
Барфорд	1	Лестер	1	Струд	1
Бедфорд	1	Линкольн	3	Суотлинг	1
Бирмингем	1	Линн	6	Сьюэл	1
Бостон	1	Лоустофт	1	Сэндвич	9
Бранкастер	1	Лутон	1	Тейм	1
Брембр	1	Льюис	1	Тетфорд	1
Бристоль	10	Лэнгли	1	Торкси	2
Бэдфорд	1	Мейденхид	1	Уилгрип	1
Вар	2	Мейдстоун	2	Уинчелси	4
Врангл	1	Мейнсток	1	Уинчестер	6
Гастингс	1	Мелвик	1	Уобернчапел	1
Гилдфорд	1	Мелдон	1	Уорбалтон	1
Глостер	5	Молинг	1	Уорчестер	1
Гримсби	1	Норич	1	Уотерфорд	1
Данстебл	1	Нортхемптон	3	Фавершем	5
Дартмут	1	Ноттингем	1	Флюэл	1
Донкастер	1	Ньюкасл-на-Тайне	7	Хантингдон	3
Доркинг	1	Оксфорд	9	Хитчин	2
Дувр	3	Пенрит	1	Хошем	1
Ипсвич	4	Перкстед	1	Хэнли	1
Карлайл	1	Певенси	1	Честер	2
Кембридж	5	Питерборо	1	Чипстоун	1
Кентербери	6	Рединг	3	Чичестер	2
Кингстон	1	Рочестер	2	Шенли	1
Киркли	2	Саут Уилд	1	Эксетер	2
Ковентри	3	Саутгемптон	12	Элтон	1
Колинборн	1	Сент-Олбанс	5	Ярмут	9
Колчестер	7	Слифорд	1		

и Уинчелси мэры Лондона на протяжении 50–60-х гг. XIV в. обращались в общей сложности 10 раз. Таким образом, сам являясь крупнейшим портовым городом в устье Темзы, вблизи Северного моря, Лондон был связан с портами, находившимися на южном, юго-западном, юго-восточном, восточном и северо-восточном побережьях Англии.

Что касается таких упомянутых выше городов, как Оксфорд, Кентербери, Колчестер, Уинчестер, Бартон-на-Хамбере, то все они располагались на юго-востоке и востоке Англии (графства Оксфордшир, Эссекс, Кент, Хемпшир, Линкольншир), с которыми у Лондона исторически и в силу географического фактора существо-

вали очень устойчивые контакты. Особо выделим Уинчестер, издавна славившийся выделкой шерсти и одной из крупнейших в Англии ярмарок и располагавшийся менее чем в 20 км от побережья Ла-Манша и порта Саутгемптон.

В целом география адресатов посланий мэров Лондона охватывала Юго-Восточную (графства Беркшир, Кент, Оксфордшир, Сарри, Сассекс, Хемпшир), Восточную (графства Бедфордшир, Кембриджшир, Линкольншир, Норфолк, Саффолк, Хартфордшир, Эссекс), Центральную (графства Нортхемптоншир и Ноттингемшир), Юго-Западную (графства Глостершир, Девоншир, Дорсет, Уилтшир) и Северо-Восточную Англию (графство Нортумберленд). Отсутству-

ют письма в города Севера и Запада Англии, что можно объяснить доминированием в этих регионах соответственно Йорка и Бристоля.

Главная тема подавляющего большинства писем – это торговля, ее ассортимент и организация, возникающие в связи с этим сложности, что закономерно, учитывая положение Лондона на внутриэкономическом пространстве.

Многие послания мэров (около 15) подтверждают прибытие в порт Лондона торговых судов из разных городов Англии: Ярмута, Врангла, Бостона, Бартон-на-Хамбере, Ньюкасла-на-Тайне, Саутгемптона, Киркли, Уилгрипа. Чтобы выяснить, какие товары доставляли эти корабли, обратимся к источнику. В письме мэра Ричарда де Кислбари бейлифам города Врангла сообщается, что судно «La Gerlaund», хозяином (master) которого является некий Элейн де Ред, «груженное 10 квартерами (1 квартал равен $\frac{1}{4}$ центнера. – Л. Ч.) зерна, 40 квартерами хвороста и 60 квартерами сена, которые были приобретены в Линкольншире Эдмондом Оливером, горожанином Лондона, прибыло в порт Лондона и разгружено» [3, р. 13]. Зерно в количестве 60 кварталов и 80 кварталов солода доставили 2 судна из Бостона [3, р. 75–76]. Владелец корабля «La Blithe» Джон де Гримсби из города Бартон-на-Хамбере привез в Лондон 134 квартера очищенного ячменя [3, р. 29]. Из Уилгрипа в Лондон пришло судно, груженное 1300 штуками соленой рыбы [3, р. 152]. Из Ярмута сюда доставили 260 кварталов зерна [3, р. 9–10, 95], 8 ластов (ласт – мера корабельного груза, равная приблизительно 2 тыс. кг) красной сельди [3, р. 112–113] и другие разнообразные товары (diverse merchandise) [3, р. 85, 158–159], из Ньюкасла-на-Тайне – 44 квартера овса, 2 квартера зерна, 2 квартера сена, 8 баррелей других товаров [3, р. 42], «морской», или каменный уголь [3, р. 94]. Следовательно, Лондон был потребителем зерна, которое обеспечивало работу мельников и пекарей, снабжавших жителей столицы хлебом, рыбой, широко использовавшейся в рационе питания, солода, необходимого в пивоварении, составлявшего важную отрасль городской экономики, сена и угля для хозяйственных нужд. Что скрывалось за «разнообразными товарами», можно только догадываться.

Лондонцы либо были собственниками торговых судов, либо совладельцами на паях. Известно, что хозяином корабля «la Weselere» был Джон Лоувкин, оптовый торговец рыбой, горожанин и мэр столицы в 1365–1367 гг. Именно он доставил в Лондонский порт каменный уголь и другие товары в феврале 1358 г. [3, р. 94]. Судно под названием «Элис из Лондона», на котором в июне 1367 г. привезли 1300 шт. соленой рыбы из Уилгрипа, принадлежало горожанину Лондона Джону Хьюру [3, р. 152]. А свечной торговец и горожанин Лондона Джон де Хетфилд владел кораблем под названием «Crauege» совместно

с Николасом Дагом из Фавершема. Любопытно, что 19 апреля 1353 г. Джон подал мэру и олдерменам столицы жалобу на то, что с 1 ноября 1349 г., когда был заключен договор между ним и Николасом Дагом на совладение судном, он так и не получил свою часть прибыли (his moiety of the profits) [3, р. 48]. Так что вопрос о честном ведении дел оставался весьма актуальным. В своем стремлении к прибыли купцы подчас не стеснялись в выборе средств обогащения, включая обман, мошенничество, недобросовестность. Тем не менее, как убедительно показала М. М. Яброва применительно к Лондону XV в., товарные отношения непременно должны были содержать и элементы честности, порядочности, без которых регулярные торговые сделки невозможны [12, с. 78].

Столичные купцы доставляли разнообразные товары по всему королевству. В частности, из Лондона вывозили зерно в Сэндвич [3, р. 47], шерсть и изысканные товары (fine goods) – в Бристоль [3, р. 3, 54], ткани, серебряные ложки и кубки – в Оксфорд [3, р. 40–41], древесину – в Ньюкасл [3, р. 158]. В обратном направлении шли зерно из Бранкастера (графство Норфолк) [3, р. 12–13] и пшеница из Кембриджа [3, р. 60], быки и другие животные из Хошема (графство Сассекс) [3, р. 31–32], «быки разных мастей» [3, р. 43], льняные и шерстяные ткани, шерсть и утварь (котелки, горшки, кастрюли, плошки, ведра и пр.) из Сент-Олбанса [3, р. 21], покрывала, простыни, капюшоны, льняная одежда и обувь из Гилдфорда [3, р. 131], кубки, золотые кольца и другие ювелирные изделия из Колинборна (графство Уилтшир) [3, р. 23–24], шерсть из Глостера [3, р. 17], корзины для рыбы из Гастингса [3, р. 63–64], вино из Кембриджа [3, р. 68], Уинчелси [3, р. 88] и Нортхемптона [3, р. 114–115]. В Солсбери лондонцы закупали шерсть для последующей реализации в Рединге [3, р. 45–46].

Анализируя документы, можно заметить, что, несмотря на принадлежность к какой-либо компании, лондонцы не ограничивали себя разновидностями товаров, привозимых на рынок, что свидетельствует о преобладании в этих корпорациях именно купеческой, аккумулирующей капиталы, составляющей. При этом приоритет в торговле горожане столицы отдавали шерсти и сукну – ими, как видно, торговали практически все, независимо от профессиональной принадлежности. Это понятно, если вспомнить об экономической политике Эдуарда III (1327–1377), направленной на поощрение производства английского сукна на родине [13, р. 138].

Зачастую купцы из Лондона действовали не в одиночку, а объединяя свои усилия и, что важно, средства. Приведем лишь отдельные примеры торговых ассоциаций. Саймон Фрэнси и Эндрю Обри в середине XIV в. реализовывали

разные товары, в том числе шерсть, в Бристолле [3, р. 3]. В это же время в городе торговлю осуществляло объединение, состоявшее из лондонских купцов Томаса Фрэнси, Джона Мокинга и Роберта Халла [3, р. 3]. В 1360-х гг. совместно вели торговлю в Солсбери Роджер Поув, торговец шелковыми и бархатными тканями, и некий горожанин Лондона Ричард Бург [3, р. 103–104].

Довольно часто столичные купцы действовали через своих агентов и слуг. В частности, Томас Фрэнси был агентом (agent) Саймона Фрэнси в Бристолле [3, р. 3]. Томас де Брендон, горожанин и торговец шелковыми и бархатными тканями, в середине XIV в. покупал шерсть в Глостере через своего агента [3, р. 126]. Джон де Матфорд, горожанин Лондона, в 1352 г. использовал своего слугу (servant) Ричарда для доставки товаров (овса, пшеницы, сена и других) в Лондон на корабле из Ньюкасла [3, р. 42]. А Джон Рейли, горожанин Лондона, в середине 1360-х гг. закупал необходимые ему товары (покрывала, простыни, капюшоны, льняные салфетки и обувь) в Гилдфорде при помощи своего слуги Джилберта Уолфорда [3, р. 131].

Во множестве писем мэров и олдерменов Лондона речь идет о денежных долгах, долговых обязательствах, выданных лондонцами жителям английских городов. Все они составлены однотипно: меняются только города, имена и суммы задолженности. Это позволяет говорить о широком распространении кредита во взаимоотношениях лондонских и провинциальных торговцев, что связано с увеличением потребности в деньгах как средстве платежа и обмена самых разных слоев общества по мере товаризации их личного потребления, а также вызвано необходимостью развития производства и самой торговли.

Оформлялись кредиты при помощи долговых обязательств (bonds), которые упоминаются в целом ряде писем. В послании мэра Уолтера Тарка и олдерменов Лондона, адресованном бейлифам Колчестера, речь идет о 20 фунтах стерлингов, которые Джон Оливер, горожанин Колчестера, должен Саймону Чемберлену, лондонскому виноторговцу, «как явствует из долгового обязательства Джона, скрепленного его печатью...» [3, р. 2]. Мэр Ричард де Кислбари и олдермены Лондона 18 сентября 1351 г. сообщают мэру и бейлифам города Бристоля о том, что «Роджер Тател, горожанин Бристоля, должен Джону де Уэстону, торговцу сукном и горожанину Лондона, 52 фунта стерлингов и 13 бочек вина или их эквивалент, как следует из двух облигаций, скрепленных печатью упомянутого Роджера (as appears from two bonds sealed with the seal of the said Roger)» [3, р. 22].

Величина задолженности разная: 39 шиллингов 2 пенса, 41 шиллинг, 9 фунтов 10 шиллингов, 13, 20, 25, 27, 30, 31, 52, 100, 134 фунта стерлингов [3, р. 74, 84, 59–60, 76, 82, 2, 31, 80–81,

100–101, 22, 57, 103–104]. Среди должников лондонских торговцев – горожане Бристоля, Глостера, Кентербери, Ковентри, Колчестера, Мелвика, Оксфорда, Сэндвича, Солсбери, Уинчелси, Чичестера и т. д.

Различались и виды кредита. В большинстве случаев речь идет о товарном кредите, когда товары продавались, а оплата их предполагалась в течение более или менее длительного срока. В этом смысле содержание писем однозначно и не допускает никаких разночтений. Мэр Адам Фрэнси и олдермены Лондона 6 марта 1353 г. сообщили бейлифам города Ковентри, что «Роджер де Бойдон, горожанин Ковентри, должен Джону де Гонуодби, горожанину Лондона, 9 фунтов 10 шиллингов за товары, ранее приобретенные в Лондоне» [3, р. 59–60]. В письме от 16 августа 1358 г. читаем, что «Адам Фавершем из Сэндвича должен Джону де Хетфилду, горожанину Лондона, 13 фунтов стерлингов за товары, ранее приобретенные им в Лондоне» [3, р. 82].

Лондонцы тоже брали кредиты у провинциальных горожан, но свидетельств этого крайне мало. Из источника известно лишь, что в 1350 г. Николас Добсон и Томас Рестли, горожане Бристоля, ссудили 100 золотых крон лондонским горожанам Томасу Фрэнси, Джону Мокингу и Роберту Халлу [3, р. 3]. А в июле 1359 г. «Адам де Шипстед, горожанин Лондона, выплатил Джону Финчу, Генри Финчу и Саймону Солерну, горожанам Уинчелси, суммы в 60 и 30 фунтов стерлингов за вино» [3, р. 88].

Имело место и авансирование под товары, или фактически денежный кредит. В этом отношении интересно письмо мэра Джона Нота от 1 марта 1364 г.: «Роджер Поув, торговец шелковыми и бархатными тканями, и Ричард Бург выдали долговое обязательство Уильяму Уичфорду из Солсбери на сумму 134 фунтов стерлингов для приобретения товаров на ярмарке в Уинчестере» [3, р. 103–104].

Нередко властям Лондона приходилось предпринимать меры для возврата долгов своим горожанам. Так, мэр Лондона 1353–1354 гг. Адам Фрэнси в письме бейлифам Глостера просит оказать содействие лондонскому торговцу пряностями и олдермену Эндрю Обри в возврате долга за товары в 100 фунтов [3, р. 57]. Такой же долг он просит взыскать с купцов Саутгемптона Джордана де Пэриса и Джайлза де Комбри: они приобрели у горожанина и торговца шелковыми и бархатными тканями Адама де Уимондхема «изысканные товары и изделия» на сумму 100 фунтов стерлингов и покинули Лондон, не вернув деньги [3, р. 54]. С аналогичной просьбой обратился мэр 1355–1356 гг. Томас Легги в Оксфорд: заставить Уильяма атте Шата, горожанина Оксфорда, заплатить 40 марок (около 27 фунтов стерлингов) за товары Джону Стоди, виноторговцу и олдермену Лондона [3, р. 76].

Отдельного внимания заслуживает письмо мэра Эндрю Обри, адресованное мэру и бейлифам Чичестера в 1352 г., из содержания которого следует, что Филпот Сомборн, горожанин Чичестера, должен Роджеру Ротуру, горожанину Лондона, 25 фунтов стерлингов за товары, ранее купленные на ярмарке в Уинчестере. Власти Лондона просят заставить Филпота вернуть долг, так как «ни одного пенса из этой суммы еще не возвращено» [3, р. 31]. Упоминание ярмарки в Уинчестере, одной из крупнейших в Англии, весьма показательно. С последней трети XIII в. оплата долгов чаще всего приурочивалась именно к ярмаркам, что вполне объяснимо и, как показала М. М. Яброва, имело свои преимущества [14, с. 44]. Подчас долг выплачивался в течение одного сезона по частям на разных ярмарках – в Бостоне, Стемфорде, Нортхемптоне, Сент-Айвесе, Уинчестере и Ярмуте, что служит показателем высокой мобильности купечества [15, с. 25].

Подобные обращения городских властей Лондона чаще всего находили положительный отклик. В ряде писем мэр и олдермены столицы информируют своих коллег из других городов Англии о погашении задолженности. В частности, в послании мэра Генри Пикада от 18 ноября 1359 г. сообщается, что «Джон Спайсер, горожанин Уинчелси, заплатил Адаму Стеблу, горожанину Лондона, 30 фунтов стерлингов за товары, которые он ранее приобрел» [3, р. 80–81]. Погасили свои долги перед лондонскими горожанами Джон Сент-Олбанс из Кентербери (в июле 1358 г. он выплатил Уолтеру Уадрю 41 шиллинг «за различные товары») [3, р. 84] и Джон Джерардсон из Мелвика (в мае 1364 г. он вернул Роберту Ремси 31 фунт стерлингов за товары) [3, р. 100–101].

Но так было не всегда. Например, мэрам Лондона пришлось не раз направлять бейлифам Колчестера послания, касающиеся 20 фунтов стерлингов, которые горожанин этого города Джон Оливер был должен лондонскому виноторговцу Саймону Чемберлену [3, р. 2]. Не получив никакого ответа на первое письмо, мэр Ричард де Кислбари и олдермены 6 ноября 1350 г. вынуждены были обратиться вновь и выразить «удивление в связи с тем, что вы (имеются в виду бейлифы Колчестера. – Л. Ч.) еще ничего не сделали, и снова попросить вас, чтобы справедливость восторжествовала, чтобы не было повода снова писать на эту тему или досаждать вашим людям в Лондоне из-за невыполнения наших пожеланий» [3, р. 4]. Аналогичные послания еще дважды направлялись в Колчестер – последнее датировано 24 мая 1351 г. [3, р. 16]. Видимо, после этого вопрос все же был решен в пользу Саймона Чемберлена.

Чтобы погасить долги перед лондонцами, жители провинциальных городов изыскивали разные способы, в том числе прибегали к практике дарения (grant). В письме, датированном

11 декабря 1354 г., читаем: «Томас де Торнкоумб из Саутгемптона подарил (had granted) Филипу Мандевилю, купцу и горожанину Лондона, ежегодную ренту в 20 фунтов стерлингов от всех своих земель и строений в районе Комптон в Уинчестере и в местечке «La Chaumbre» в графстве Сарри» [3, р. 68]. Скорее всего, ни о каком добровольном дарении в этом случае речь не идет. Очевидно, что, передавая Филипу Мандевилю столь крупную ренту, Томас де Торнкоумб расплачивался за свой весьма внушительный долг.

В редких случаях кредиторы, чтобы вернуть свои средства, вынуждены были обращаться в королевские инстанции. В частности, в апреле 1352 г. «товары Николаса Чапмена и Джона де Стоука, горожан Бристоля, были изъяты бейлифами этого города на основании королевского предписания по иску Элиса Фрэнси, горожанина Лондона» [3, р. 61]. А немногим ранее, в ноябре 1350 г., напротив, товары и движимое имущество Саймона Фрэнси и шерсть Эндрю Обри, горожан Лондона, «были изъяты по иску (has been seized at the suit) Николаса Добсона и Томаса Рестли, горожан Бристоля, в возмещение 100 золотых крон, которые они ссудили (they had lent)...» [3, р. 3]. Мэр и олдермены столицы в общей сложности трижды обращались к городским властям Бристоля с подтверждением доброго нрава Саймона и Эндрю и просьбой вернуть товары и имущество [3, р. 7–8]. И, видимо, в конечном счете, им все же удалось получить желаемый результат. Показательно, с какой настойчивостью и упорством городская власть Лондона отстаивала интересы своих торговцев. И это касалось не только возвращения долгов.

Нередко лондонцы, прибывавшие со своими товарами в провинциальные города Англии, сталкивались с серьезными проблемами, нашедшими отражение в источнике. Весьма представительная группа писем (более 30) – это обращения мэров и олдерменов Лондона к властям разных городов с требованием не нарушать обычай (custom), свободы (liberties) и привилегии (franchises) Лондона, под защитой которых находились столичные торговцы. Фактически «отцы города» апеллировали к хартии Генриха I (1100–1135), предоставившей лондонцам право беспрепятственно, без уплаты торговых пошлин и каких-либо сборов, перемещаться по территории Англии со своими товарами [16, р. 3]. Более того, если некий город все же принуждал лондонского купца уплатить местный побор, торговец имел право получить с него денежную компенсацию, соответствующую внесенной сумме [16, р. 4]. Все это создавало столичным торговцам преференции во внутренней торговле, что вызывало естественное недовольство в других городах, с завидным постоянством пытавшихся нарушать установленные правила. В контексте сказанного понятно содержание жалованной грамоты мэра Ричарда де Кислбари и олдерменов

Лондона, датированной 1351 г. «Свидетельствуем, что Роджер де ла Пэйнтри является горожанином Лондона и должен пользоваться свободами упомянутого города, где бы он ни путешествовал в пределах владений короля. И просим всех, кто увидит это письмо, позволить упомянутому Роджеру и его купцам, посещающим любую часть страны с их товарами, приходить и уходить без взимания пошлины или любых сборов» [3, р. 5].

Лондонцы не были застрахованы от подобного рода неприятностей и на ярмарках. В частности, известно, что на ярмарке в Колчестере были захвачены товары у Уильяма Дайкмена, Роджера Стрейта, Уильяма Фромонда и Генри Лаутона. Столичные власти в письме от 8 июня 1364 г. требуют от аббата, бейлифов и «добрых людей» Колчестера вернуть товар и впредь не нарушать обычаи горожан Лондона [3, р. 105].

Аналогичные по содержанию обращения были направлены властям Бирмингема, Бристоль, Ипсвича, Кентербери, Колчестера, Ньюкасла, Оксфорда, Рединга, Саутгемптона, Уинчестера, Хантингдона, Честера, Эксетера и других городов. И, как выясняется, «бейлифы и добрые люди» («Bailiffs and Good Folk») этих городов вовсе не спешили реагировать на настойчивые послания из лондонского Гилдхолла. Не редкостью является послание, по своему содержанию тождественное тому, что мэр Адам Фрэнси 18 февраля 1352 г. адресовал бейлифам Хантингдона: «Выражаю удивление в связи с тем, что ничего не было сделано в отношении предыдущего письма, в котором мы просили возместить Роберту Бирду, мастеру по изготовлению медной посуды и горожанину Лондона, все страдания, которые были ему причинены из-за нарушения обычая, касающегося его торговли в вашем городе. Еще раз прошу восстановить обычай, поскольку упомянутый Роберт и все, кто пользуется привилегиями города Лондона, должны торговать всеми своими товарами согласно обычаю в пределах владений короля. Да хранит вас Господь» [3, р. 46].

Упорство, с которым власти провинциальных городов пытались пренебрегать введенным еще в XII в. правилом, связано не столько со стремлением восстановить попорченную, с их точки зрения, справедливость, сколько с необходимостью пополнить городскую казну, средства из которой шли, среди прочего, и на общественные нужды. В Саутгемптоне, например, с лондонцев, как и со всех других торговцев, пытались взимать пошлину за проезд через город груженых повозок и лошадей. Этот сбор назывался «murage» и использовался для строительства и ремонта городских стен [3, р. 74].

Столь же часто (31 обращение) мэрам Лондона приходилось решать проблему захвата товаров и имущества лондонских горожан властями провинциальных городов, как правило,

под надуманными предлогами. Главы столичного муниципалитета, с одной стороны, вынуждены были подтверждать добрый нрав того или иного своего купца и законность его прав на владение товарами, с другой, требовали вернуть конфискованное в полном объеме, грозя аналогичными ответными мерами. Так, например, мэр Уолтер Тарк и олдермены Лондона в своем послании бейлифам Дувра от 21 октября 1350 г. сообщают о жалобе, поступившей им от Джона де Эгментона, горожанина Лондона, из которой известно следующее. Во время последнего посещения Дувра, а в этом портовом городе Джон бывал неоднократно, его лошадь, товары и другое имущество были конфискованы бейлифами на основании подозрения в том, что «он человек злого нрава и прибыл к тому же с незаконно приобретенным имуществом» [3, р. 2]. Представители городской власти Лондона вынуждены подтвердить, что «Джон – хороший человек, верный и на законных основаниях владеет лошадью, товарами и другим имуществом, которые просим вернуть и доставить ему в полном объеме» [3, р. 2]. Аналогичные послания были направлены в Бартон-на-Хамбере, Бристоль, Гилфорд, Глостер, Гримсби, Кембридж, Кентербери, Ковентри, Линн, Оксфорд, Сэндвич, Сент-Олбанс и прочие города Англии. А власти Уинчестера в 1353 г. вообще арестовали и отправили в тюрьму Роджера де Девоншира, слугу горожанина Лондона Джона де Трипла, который находился в этом городе по торговым делам своего хозяина. Мэр и олдермены столицы вынуждены были направить мэру и бейлифам Уинчестера обращение, в котором подтверждали добрый нрав Роджера, «молясь о его освобождении» [3, р. 51].

Отстаивая права и торговые интересы своих горожан, власти Лондона такими мерами не ограничивались. В этом отношении показательны два письма: первое адресовано властям Сент-Олбанса, второе – Сэндвича.

Обращаясь к бейлифам и добрым людям Сент-Олбанса в 1351 г., мэр Ричард де Кислбари и олдермены сообщают, что Джон де Уарф, горожанин Лондона, подал им жалобу на действия властей этого города, забравших принадлежавшие ему льняные и шерстяные ткани, шерсть, котелки, ведра, сосуды для воды и другие товары на крупную сумму денег, которой он располагал, покидая Лондон. Джон «искал эти товары, переходя из города в город, с места на место, пока не нашел их в городе Сент-Олбансе, где и купил» [3, р. 21]. Власти Лондона призывают бейлифов и добрых людей Сент-Олбанса вернуть товары лондонскому торговцу, «чтобы не было повода еще раз писать на эту же тему и не допустить репрессий» [3, р. 21].

К сожалению, нам ничего не известно об ответной реакции бейлифов Дувра и Сент-Олбанса. Скорее всего, запросы лондонских мэра и олдерменов были удовлетворены, чтобы не навлекать

неприятности на горожан этих городов. Действовавшее право репрессалий позволяло столичным властям предпринимать по отношению к ним аналогичные меры в случае, если кто-либо из горожан Дувра или Сент-Олбанса окажется в Лондоне. Видимо, это имеют в виду столичные муниципалитеты, когда пишут о возможных репрессалиях.

Данное предположение подтверждает письмо мэра Лондона Эндрю Обри, адресованное мэру, бейлифам и общине Сэндвича в 1351 г., в котором прямо упоминаются репрессалии. Процедура применения права репрессалий, судя по тексту этого послания, была такова. Джон Торнголд, горожанин Лондона, подал жалобу мэру и олдерменам своего города на захват его товаров в Сэндвиче, после чего властям этого города были направлены 3 письма с просьбой «исправить допущенную несправедливость и все вернуть» [3, р. 24]. Однако никакого ответа в Лондоне не получили. В результате Джон Торнголд вновь обратился к мэру и олдерменам своего города, но теперь уже с просьбой конфисковать в его пользу товары пришедших в столицу из Сэндвича Томаса Гибона и других купцов в соответствии со свободами и обычаями (according to the liberties and customs) Лондона. Здесь прямо употребляется термин «репрессалия» («reprisal»). Письмо заканчивается следующей фразой: «Мы вновь рекомендуем добиться удовлетворения (т. е. возврата захваченных товаров. – Л. Ч.), поскольку дальнейшая задержка правосудия не будет допущена (as no further delay of justice would be allowed)» [3, р. 24]. Надо понимать, что в случае бездействия властей Сэндвича следующим шагом столичных мэра и олдерменов станет применение на практике права репрессалий в отношении сэндвичских торговцев.

Еще одна часто встречающаяся в письмах тема (более 35 обращений) – это возврат беглых учеников, до окончания установленного срока обучения ушедших от своих мастеров и нашедших убежище в стенах того или иного города. Сроки ученичества обозначены не всегда, так же как не во всех посланиях указывается профессиональная принадлежность мастера, разыскиваемого беглеца. Из того, что имеется, можно сказать, что упоминаются зафиксированные в договорах 6, 7, 8, 10 и 12 лет обучения мастерству [3, р. 22, 28, 65, 124, 133, 153]. При этом шорникам, торговцам пряностями и торговцам шелковыми и бархатными тканями требовалось 7 лет [3, р. 11–12, 28, 65, 124], чтобы подготовить мастера своего дела, портным – 8 лет [3, р. 133], ювелирам – 10 [3, р. 123], а торговцам сукном – 12 лет [3, р. 153].

Бежали ученики из Лондона в самые разные города – большие и малые, портовые и внутренние, близлежащие и довольно далеко отстоящие

от столицы: Бари-Сент-Эдмундс, Бристоль, Глостер, Донкатер, Дувр, Кембридж, Кентерберри, Колчестер, Кройдон, Лестер, Лутон, Норхемптон, Ньюкасл, Оксфорд, Рочестер, Саутгемптон, Солсбери, Фавершем, Хитчин, Шенли, Эксетер и пр.

Форма и содержание писем по поводу беглых учеников очень похожи. Приведем лишь один конкретный пример. В 1350 г. мэр Лондона Ричард де Кислбари и олдермены обращаются к мэру и бейлифам города Эксета: «Джон Кросс, горожанин Лондона, подал жалобу на то, что Мартин де Хелскомб, сын Уильяма де Хелскомба, его ученик (apprentice), неожиданно оставил свою службу (had suddenly left his service) и был обнаружен проживающим в вашем городе. Поэтому вы в силу ваших полномочий должны помочь упомянутому Джону вернуть своего ученика, чтобы он мог служить ему в соответствии с обычаями города Лондона (to serve him according to the custom of the said City of London)» [3, р. 25].

Многочисленность такого рода обращений столичных властей может свидетельствовать о массовом характере такого явления, как бегство учеников. В условиях начинавшего «замыкания» цеха, когда удлинялись сроки обучения, а перспектива обретения звания мастера становилась все более неопределенной, ученики, уже получившие определенные знания и навыки, стремились разорвать зависимость от мастера и обрести свободу.

Таким образом, в письмах мэров за 1350–1370 гг. Лондон предстает как важнейший торговый и производящий центр и ведущий актер на социально-экономическом пространстве средневековой Англии. Он взаимодействовал с самыми разными городами почти во всех частях королевства, за исключением Севера и Запада страны, где доминировали Йорк и Бристоль.

Главной сферой во взаимоотношениях Лондона и провинциальных английских городов была торговля самыми разными товарами: от предметов обихода и продовольствия до ювелирных и прочих роскошных изделий и сырья для ремесленного производства. Формы организации торговли включали в себя владение и совладение кораблями, создание небольших торговых ассоциаций с целью объединения средств и усилий, использование агентов и слуг для реализации и приобретения товаров, ярмарочную торговлю.

Важнейшим инструментом в торговых взаимоотношениях лондонских и провинциальных горожан являлся кредит, получивший широкое распространение в условиях развития мелкотоварного производства и обмена. Имели место товарный и денежный кредиты, оформлявшиеся при помощи долговых обязательств. При этом, как правило, провинциальные горожане являлись должниками лондонцев, очевидно располагавших большими средствами, сконцентрированными в столице.

Еще одно поле для взаимодействия Лондона и провинциальных городов – это возврат беглых учеников, нашедших убежище в самых разных городских центрах Англии. Видимо, в этом вопросе недопонимания не возникало, поскольку не зафиксировано ни одного случая повторного обращения мэров столицы к властям других городов с просьбой оказать содействие в возврате беглеца.

Тем не менее нередко мэрам и олдерменам Лондона приходилось отстаивать интересы своих горожан на фоне того, как власти провинциальных городов пытались им противодействовать. Противоречия возникали по нескольким линиям: проблемы с возвратом долгов, нарушение права лондонцев на беспопышную и свободную от каких-либо иных сборов торговлю в пределах королевства, захват товаров, иногда сопряженный с арестом столичных торговцев или их слуг, действовавших по поручению своих хозяев. Упорство властей провинциальных городов, их явное нежелание как можно быстрее реагировать на настойчивые просьбы из Гилдхолла, иногда перераставшие в ответные шаги по принципу репрессалий, служат доказательством того, что отношения между Лондоном и городской «периферией» Англии в XIV в. были сложными, подчас конфликтными. Но возникавшие противоречия разрешались в существовавшем правовом поле, предполагавшем апеллирование к обычаям, свободам и привилегиям, установленным королевскими хартиями, а также обращение к судебным инстанциям короля.

Список литературы

1. Gray R. A History of London. London : Hutchinson, 1987. 356 p.
2. Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.
3. Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London, A.D. 1350–1370, enrolled and preserved among the Archives of the Corporation at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. London : Printed by John C. Francis, Took's Court, E.C., 1885. 223 p.
4. Barron C. M. London in the Later Middle Ages : Government and People 1200–1500. Oxford : Oxford University Press, 2004. 472 p.
5. Чернова Л. Н. «Письма мэров Лондона 1350–1370 гг.» : возможности реконструкции места и роли города в социальном и политическом пространстве Британии и континентальной Европы // Историческая память в теории и социокультурной практике : грани трансформаций и потенциал осмысления : материалы IX Международной научной конференции (г. Саратов, 23 апреля 2021 г.) / под общ. ред. А. В. Баранова и Е. Н. Многолетней. Саратов : Саратовский источник, 2021. С. 225–232.
6. The Aldermen of the City of London. Temp. Henry III – 1912 with notes on the parliamentary representation of the city, the Aldermen and the Livery companies, the aldermanic veto, aldermanic baronets and knights, etc. : in 2 vols. / by the rev. A. V. Beaven. London : Eden Fisher and Co., 1913. Vol. 2. 374 p.
7. O'Connor S. J. Biographical background : Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / ed. by S. J. O'Connor. London : University College London, 1993. P. 3–22.
8. Чернова Л. Н. Права на недвижимость в купеческом социуме Лондона конца 1340-х гг. – второй половины XIV в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8, вып. 8 (62). URL: <https://doi.org/10.18254/S0001897-5-1> (дата обращения: 15.12.2022). <https://doi.org/10.18254/S0001897-5-1>
9. Мосолкина Т. В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.
10. Анисимова А. А. Кодификация обычаев Пяти Портов : попытка унификации? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 4 (78). URL: <https://history.jes.su/s207987840004904-3-1/> (дата обращения: 19.03.2022). <https://doi.org/10.18254/S207987840004904-3>
11. Анисимова А. А. Иммуниет Пяти Портов : территориальное право или личное? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 9 (107). URL: <https://history.jes.su/s207987840017156-0-1/> (дата обращения: 19.03.2022). <https://doi.org/10.18254/S207987840017156-0>
12. Яброва М. М. Торговля и этика (на материалах Англии XV века) // Средневековый город : межвузовский научный сборник / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Научная книга, 1997. Вып. 11. С. 77–84.
13. Statutes of the Realm of England : in 11 vols. London : Mackie and Co., 1810. Vol. 2 : 1377–1509. 782 p.
14. Яброва М. М. Развитие коммерческого кредита в Англии XIV–XV вв. // Средневековый город : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. Вып. 5. С. 39–50.
15. Баранов Ю. В. К вопросу о коммерческом кредите в Англии (конец XIII – начало XIV в.) // Средневековый город : межвузовский научный сборник / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Научная книга, 1997. Вып. 11. С. 23–35.
16. The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / ed. by W. G. Birch. London : Whiting and Co., 1887. 401 p.

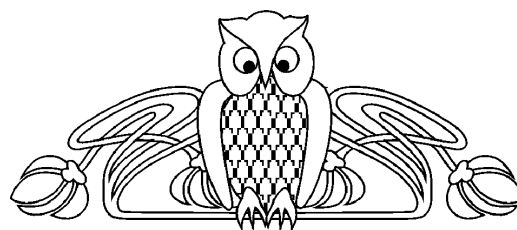
Поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 01.04.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 20.03.2022; approved after reviewing 01.04.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 329–336
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 329–336
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-329-336>

Научная статья
УДК [821.111.09+273.4(410)]|17/18|+929Саути

Роберт Саути – защитник Церкви Англии

Е. А. Языкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 41012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Языкова Екатерина Андреевна, лаборант-исследователь НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи»; аспирант кафедры всеобщей истории, yazykova64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8909-6314>, Author ID: 1142155

Аннотация. Статья посвящена изучению положения Церкви Англии рубежа XVIII–XIX вв., а также анализу дискуссий, вызванных необходимостью католической эмансипации. Видное место в данных дискуссиях занял известный мыслитель и публицист того времени – Роберт Саути. Дискуссии о католической эмансипации раскрыли проблемные противоречия в политическом, религиозном и культурном дискурсе эпохи романтизма в Англии.

Ключевые слова: Роберт Саути, Церковь Англии, Великобритания, католики, католическая эмансипация

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 20-18-00113 «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи».

Для цитирования: Языкова Е. А. Роберт Саути – защитник Церкви Англии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 329–336. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-329-336>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Robert Southey – Protector of the Church of England

Е. А. Yazykova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina A. Yazykova, yazykova64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8909-6314>, Author ID: 1142155

Abstract. This article is devoted to the study of the position of the Church of England at the turn of the XVIII–XIX centuries, as well as the analysis of the discussions caused by the need for Catholic emancipation. A prominent thinker and publicist of that time, Robert Southey, took a prominent place in these discussions. Discussions about Catholic emancipation revealed problematic contradictions in the political, religious and cultural discourse of the Romantic era in England.

Keywords: Robert Southey, Church of England, Great Britain, catholics, catholic emancipation

Acknowledgments. The study was financially supported by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 20-18-00113 “Man at War: Anthropology of the Military History of the Napoleonic Era”

For citation: Yazykova E. A. Robert Southey – Protector of the Church of England. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 329–336 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-329-336>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Британское общество, пережив десятилетие опасений наполеоновского вторжения, вышло победителем из более чем двадцатилетней «войны на смерть» против Франции. Но если внешняя удача Британии была несомненна, то внутренняя ситуация оставалась чреватой опасностью. Британская общественная жизнь начала XIX в. была насыщена дискуссиями о преобразованиях различных институтов, в том числе и по вопросу о Церкви.

Англоязычная историография, посвященная истории Церкви Англии в целом и церковной реформе в частности, достаточно обширна. Среди основных работ по данному вопросу стоит выделить труды Дж. Г. Перри [1], Ф. У. Корниша [2]. Заметное место среди исследований, посвященных английской церковной реформе, занимают монографии У. Л. Мэтьюсона [3] и Н. Сайкса [4]. Представляют интерес работы таких исследователей, как С. К. Глойн [5], Дж. Ф. А. Бест [6],

Н. Гэш [7, 10], Р. А. Солоуэй [8], А. Хейг [9], Ф. Найт [11] и С. Дж. Браун [12]. В отечественной историографии рассматриваемый период истории Церкви Англии изучен недостаточно. Тем не менее можно выделить таких исследователей, как Е. Ю. Полякова [13], Г. С. Остапенко [14], Т. С. Соловьёва [15], И. А. Фадеев [16].

Церковь Англии воспринимала себя как равноправного партнера государства, принимающего активное участие в жизни общества на всех этапах истории, господствовала в важнейших сферах общественной жизни [17]. Весь жизненный путь англичан проходил под контролем Церкви Англии, начиная от крещения и заканчивая похоронами. Ее даже иногда называют «самым национальным и естественным институтом» Англии [18, р. 356]. На рубеже XVIII–XIX вв. религия была не личным делом каждого, а делом общественным. Отсюда многочисленные дискуссии и конфликты: причина состояла не только в конфессиональных или внутриконфессиональных разногласиях, не в самой религиозной мотивации у противоборствующих сторон, а в том, что религиозные и социально-политические вопросы были взаимосвязаны. Религиозное измерение политических дискуссий того времени столь же необходимо, как и социально-политическое измерение религиозных конфликтов. Чисто догматические или канонические споры были уделом теологов, общество жило комплексом разнородных, но взаимосвязанных идей. Даже война с Францией преподносилась в определенных кругах как борьба с католицизмом.

Церковь Англии в начале XIX в. переживала непростые времена. Иногда исследователи говорят об отмеченном на рубеже веков общем спаде у европейцев религиозных настроений. Конечно, многие священники (например, вернувшиеся после 1815 г. во Францию) сетовали, что народ потерял интерес к религии: четверть века интенсивной политизации сознания не прошла бесследно. Да и само духовенство стало уже другим. По мнению австралийского историка А. Гилберта, к началу XIX в. многие священнослужители в Англии заботились больше не о своей пастве, а о личном обогащении. В этот период наблюдался резкий рост власти духовенства как класса землевладельцев. Союз сквайра и священника стал в некоторых местах воплощением нового явления – «squarson» [19, р. 80].

Однако легкомысленный стиль общества XVIII в., достигший в Англии пика в эпоху Регентства (1811–1820 гг.), медленно уступал новым нормам респектабельности, широко известным как «викторианство». Так что, если мы не говорим о «полусвете», «бомонде», либеральных публицистах или демократических эмансипаторах, то степень секуляризации общества не стоит преувеличивать. «Берлинская стена», маркируемая 1815 г. и отделявшая английских историков «долгого XVIII в.» от историков

XIX в., разрушена. Современные исследователи, когда речь заходит об интеллектуальной истории, предпочитают подчеркивать континуитет и преемственность. Однако начавшаяся еще в середине XVIII в. волна «великого религиозного пробуждения» во главе с евангельскими протестантскими служителями, пытавшимися сделать религию глубоко личным делом, создавала новые зоны напряжения в обществе. Внутри Церкви Англии развиваются различные течения, растет число неконформистских общин (речь идет о баптистах, конгрегационалистах, пресвитерианах, квакерах и других течениях, не принадлежавших к государственной Церкви Англии. Все вместе они обычно именовались «диссентерами» (от англ. dissent – несогласие), или «неконформистами». Англикано-диссентерский конфликт дополнялся протестантско-католическим. Главной конфессиональной проблемой Великобритании был вопрос об эмансипации католиков.

По мнению российского историка М. С. Стецкевича, со второй половины XVIII в. в отличие от большинства европейских стран в Англии имела место достаточно широкая по меркам своего времени веротерпимость, прежде всего, по отношению к католической общине [20, с. 16].

В католической среде, как и в англиканской, не было гетерогенности. Католическая община также пыталась разрешить внутренние противоречия, вызванные спорами о цене, которую британские католики готовы были заплатить за свою эмансипацию. В 1791 г. английские католики получили свободу вероисповедания и надеялись на дальнейшую эмансипацию, которая дала бы им возможность получить доступ к государственным должностям, обрести социальное и политическое влияние. С этого времени разгорелась полемика между католиком, юристом и писателем Ч. Батлером и английским римско-католическим епископом Дж. Милнером. Ч. Батлер и некоторые католические миряне, желая получить эмансипацию и доказать, что их церковь не несет в себе опасности для Англии, были готовы предоставить правительству право вето на назначение своих епископов. Дж. Милнер выступал против этой идеи, она представлялась ему как неподобающее вмешательство государства в дела церкви, как вмешательство мирян в дела духовенства.

Существовавшие в стране политико-административные и социальные ограничения для католиков объективно служили поддержкой англиканской церкви, которая, естественно, не была заинтересована в эмансипации католиков. Однако, помимо церковных, есть и государственные интересы, политическая необходимость требует как можно скорее решить эту насущную проблему значительной части британского общества.

Свое решение предложили романтики. По их мнению, Церковь Англии должна была стать

воплощением высших духовных достижений нации, хранительницей ее цивилизации и культуры и, следовательно, гарантом ее свобод. Именно с этих позиций и обратился к истории Англии и англиканской церкви известный поэт и публицист того времени Роберт Саути. Церковному вопросу посвящены один из самых значимых трудов Р. Саути – «Книга Церкви», а также ряд статей в «Quarterly Review». На страницах британского ежеквартального литературно-критического журнала «The Quarterly Review» освещались многие значимые социально-политические, экономические, религиозные и военные события XIX в. [цит. по: 21].

Кроме того, многочисленные пассажи о религии и Церкви были разбросаны по другим сочинениям Р. Саути. Это свидетельствует об особом его внимании к церковному вопросу, о том, что он реагировал на запросы общества как публицист.

Несмотря на то, что в молодости Р. Саути относился к религии достаточно скептически и отвергал предложение дяди Г. Хилла стать священником, его семья находилась в лоне англиканской церкви. Позже, когда Р. Саути завел собственную семью, англиканство также прочно вошло и в нее: его сын стал священником, дочь вышла замуж за двоюродного брата-священника, еще одна дочь стала женой преподобного Дж. Вуда Уортера.

Роберт Саути в юные годы идеализировал Французскую революцию и, исходя из тезиса о принципиальной возможности совершенствования человечества, задумывал создать пантисократию – утопическое общество с приверженностью к благотворительности и заботе о правах и гражданских свободах человека. Со временем, встав на путь консерватизма, Р. Саути не только отказался от своих прежних революционных и утопических идей, но и активно начал поддерживать англиканство. Эволюция взглядов Р. Саути происходила постепенно: до того, как он пришел к выводам о пользе и благотворном влиянии на общество Церкви Англии, ему было необходимо больше узнать и о других христианских конфессиях.

Знакомство Р. Саути с католическими странами произошло во время его двух путешествий по Пиренейскому полуострову в 1795–1796 гг. и в 1800–1801 гг. Изучая страны Пиренейского полуострова и их жителей, Р. Саути укрепился в своей неприязни к католицизму. В 1796 г. из Португалии он пишет своему другу британскому политику Ч. Винну, что нашел причину «благодарить Бога за то, что я англичанин» [22]. Изучение истории Португалии и работа над историей Бразилии усиливали антипатию Р. Саути к папству как источнику суеверий и все больше обращали его взгляды в сторону Церкви Англии – как ему казалось – источнику просвещения и свободы [цит. по: 23].

Во время своего первого путешествия на Пиренейский полуостров во францисканском монастыре в Испании Р. Саути увидел серию картин, изображавших историю святого Франциска: «Неужели они верят во все это, сэр?» – спросил я своего спутника; «Да, и во многое другое в том же роде», – последовал ответ» [24, р. 8]. Ему было сложно понять, как можно поклоняться изображениям святых.

В другом письме к Ч. Винну от 21 февраля 1801 г. Р. Саути сравнивает распространение папства с чумой и пожаром и признается в ненависти к католицизму, объясняя свои чувства боязнью разрушения только что заключенного государственного союза Великобритании и Ирландии (уния вступила в силу 1 января 1801 г.) [25].

Одной из причин для волнения по поводу распространения католицизма стала Французская революция: введение присяги для священников во Франции в 1790 г. способствовало росту эмиграции священников в Англию (около 5 000 чел.). Как отмечает английский историк Д. Мэтью, после принятия Закона о помощи в 1791 г. «произошел большой приток священников (из Франции) в Англию»: Французская революция изменила не только историю Франции, но и повлияла на судьбу всей Европы и, как ни странно, укрепила английский католицизм и его институты [26, р. 160–163].

Последствия эмиграции французских католических священников в Великобританию Р. Саути описывает в книге «Письма из Англии, написанные доном Мануэлем Эсприеллой», вышедшей в 1807 г.: «Английское духовенство, трепеща за свои собственные блага, приветствовало священников-эмигрантов как братьев и, забыв прежние бредни об Антихристе, Вавилоне и Блуднице в пурпуре, посетовало на падение религии во Франции» [27, р. 326]. Распространение католицизма на территории Англии подтверждается восстановлением монашеских орденов, ростом числа монастырей и католических школ, свободной публикацией католического Священного Писания. Р. Саути, говоря от имени католика Эсприеллы, констатирует, что Французская революция оказала существенную помощь истинной религии, т. е. католицизму. Об этом писал в начале XIX в. Р. Саути, об этом же писал в середине XX в. и Д. Мэтью. Конечно, речь идет о католицизме в Англии.

В 1811 г. в «Quarterly Review» была опубликована статья Р. Саути об истории инквизиции [28, р. 313–357]. В начале статьи он сравнивает Французскую революцию со Всемирным потопом, чьи бушующие воды затронули и Испанию, и Португалию. Обращаясь к истории стран Пиренейского полуострова, автор неоднократно указывает на нетерпимость, фанатичность и деспотичность католической религии, которая отчасти стала фактором разрушения двух королевств полуострова. Р. Саути предостерегает

своих соотечественников. Если от деспотизма Англия защищена законом, то опасность нетерпимости ей все же угрожает: «Нетерпимость тесно связана с теми религиозными взглядами, которые в последние годы набирают силу среди нас с пугающей прогрессией...» [28, р. 314]. Он полагал, что Англия, принимая религиозных беженцев из Франции, может оказаться в опасности.

Р. Саути хотел обезопасить свою страну от «другого», представляющего угрозу – от католицизма. Католицизм вызывал опасения не только у Р. Саути: изучив парламентские дебаты первой четверти XIX в. можно сказать, что католический вопрос поднимался достаточно часто [29]. Р. Саути был далеко не единственным мыслителем, которого волновала церковная проблематика в целом и эмансипация католиков в частности. Католицизм и его роль в истории Англии вызывал интерес и у других поэтов «Озерной школы» – С. Кольриджа и У. Вордсворта, а также В. Скотта, Байрона, Э. Рэдклифф, С. Роджерса, С. Оуэнсона, супругов Шелли и многих других.

Однако католицизм по ту сторону Ла-Манша хоть и представлял интерес, но все же большее опасение он вызывал в Ирландии. Р. Саути открыто выражал свою тревогу касательно агрессивной и разрушительной природы ирландского католицизма и его возможного негативного влияния на Церковь Англии: «Ирландские католики, будь то дома или за границей, по-прежнему превосходят всех остальных в суевериях. И они ни на йоту не ослабили ярости своей нетерпимости...» [30, р. 284].

Помимо укрепления в Британии католицизма, Р. Саути беспокоили вышеуказанные разногласия внутри Церкви Англии. Со второй половины XVIII в. наметился рост неконформистских общин. Он стал особенно ощутим после того, как от Церкви в 1790-х гг. откололись методисты. Количество членов в методистских общинах стремительно росло, что и побудило Р. Саути взяться за перо. В 1820 г. он опубликовал «Жизнь Уэсли», посвященную этому отцу методистского движения XVIII в. Как и многие другие его работы, «Жизнь Уэсли» нашла и своих критиков, и своих почитателей. Сам Р. Саути понимал, что биография Джона Уэсли привлечет внимание широкого круга читателей: «...Она написана слишком честно, чтобы удовлетворить какую-то конкретную группу людей. Для «религиозной общественности» это будет слишком снисходительно и слишком философично; для либералов это будет слишком благочестиво; методисты не потерпят никакого порицания своего основателя и своих институтов; «высокоцерковники» также мало смогут позволить себе какую-либо похвалу в ее адрес. Некоторые будут жаловаться на то, что это тяжело и скучно; другие

не сочтут это серьезным...» [31]. Впрочем, Р. Саути не оставлял надежд, что его труд все же будет оценен по достоинству: «Но есть люди, которые сочтут эту работу глубоко интересной из-за тем, которые она затрагивает, множества любопытных психологических случаев, которые она содержит, и нового мира, с которым она их познакомит» [31].

Один из основных тезисов работы Р. Саути состоял в том, что методизм ослабляет Церковь Англии: «Широко распространяющийся раскол», к которому привело методистское движение, бросил вызов благосостоянию страны, которое было «жизненно связано с Церковью Англии» [32, р. 564].

К 1820-м гг. Р. Саути уже в роли бескомпромиссного защитника Церкви Англии неоднократно обращал внимание читающей публики на важность сохранения протестантизма и его взаимосвязь с политической и социальной стабильностью. Угроза инакомыслия, порожденная Французской революцией, с одной стороны, и угроза политических претензий католицизма, с другой – беспокоили мыслителя.

Р. Саути довольно часто обращается к теме уникальности английской свободы, которая зиждется на религии и английском представлении о себе как о великом народе. Ярким примером является «Книга Церкви», опубликованная в 1824 г. В этой работе Р. Саути писал о Церкви Англии следующее: «Она спасла нас сначала от язычества, затем от папского идолопоклонства и суеверий; она спасла нас как от мирского, так и от духовного деспотизма. Этому мы обязаны нашему моральному и интеллектуальному облику как нации; большей частью нашего личного счастья, большей частью нашей общественной силы. Что бы ни ослабило ее, в той же степени повредило бы общему благу; что бы ни свергло ее, в верном и немедленном последствии разрушило бы прекрасную структуру этой Конституции, составной и необходимой частью которой она является...» [33, р. 523]. Англиканство, по мнению Р. Саути, – столп, краеугольный камень государственности и национально-культурной идентичности англичан.

В «Книге Церкви» Р. Саути проявляет порой провиденциалистское понимание истории своей страны. Законы, Конституция и свободы Великобритании были дарами свыше, благословением англиканской религии. Торизм, национализм и англиканство – набор, без которого Р. Саути теперь не представлял своего существования.

Англии удалось сохранить баланс между церковью и государством, в котором ни одна из сторон не пыталась доминировать над другой. Католичество – вот, что может нарушить этот баланс. В «Книге Церкви» Р. Саути пишет о римско-католическом христианстве, с одной стороны, как о религии, наделенной многими добродетелями,

а с другой – постоянно указывает на ее ужасы и суеверия. Он отдает должное католицизму в прошлом, но не видит для него перспектив для Англии в настоящем.

Большинство англикан не хотели лишать католиков свободы вероисповедания, предоставленной им в 1791 г. Но католическая эмансипация угрожала священному временем союзу церкви и государства, а также центральной роли Церкви Англии в жизни страны. Не желая предоставлять католикам политические права и опасаясь их вмешательства в дела Церкви Англии, Р. Саути пишет следующее: «Наша Конституция состоит из Церкви и государства, и в политике абсурдно давать власть в государстве тем лицам, чей долг – разрушать Церковь. Этот аргумент неопровержим» [34, р. 137]. Католики могли сохранить гражданские права, но не получить конституционные свободы.

Полемика вокруг работы Р. Саути не утихала еще долгое время.

Конечно, «Книга Церкви» не могла быть проигнорирована католиками: труд содержал много поводов для острой полемики. Так, одним из первых откликнулись Ч. Батлер в «Книге Римско-католической церкви» [35], а также Дж. Милнер в труде «Суждения о “Книге Церкви”» [36]. Р. Саути, в свою очередь, на их критические издания выпустил «Оправдание англиканской церкви» [24]. Английский римско-католический священник и историк преподобный Дж. Лингард (1771–1851) указывал на то, что «Книга Церкви» наносит католикам большой вред: «Это явно было написано с определенной целью – угодить высокоцерковникам» [цит. по: 37, р. 204].

Критика Дж. Лингарда основана не на пустом месте. Действительно, епископы Лондона – (У. Хоули – епископ Лондона с 1813 г. по 1828 г. принадлежал к числу приверженцев Высокой церкви) и Дарема (Шут Баррингтон – епископ Дарема с 1791 г. по 1826 г., поддерживал евангелическое течение Церкви Англии) – хвалили Р. Саути и благодарили его за проделанную работу [34, р. 165–166, р. 171–172].

Р. Саути состоял в переписке с Мортимером О’Салливаном, ирландским священником и писателем, который, выступая против католической эмансипации, помогал Р. Саути советами касательно возможных ошибок в суждениях Дж. Милнера [38, р. 278–279].

В продолжение дискуссии, вызванной «Книгой Церкви», в 1826 г. вышел труд «Защита англиканской церкви: письма Чарльзу Батлеру, эсквайру, содержащие эссе о римской религии и подтверждающие “Книгу Церкви”» [24]. За год до публикации книги Р. Саути в письме к дяде – Г. Хиллу выражал свою радость: его новый труд выйдет как раз к заседанию парламента, что может оказать влияние на принимаемые торрешения [38, р. 291]. «Защита англиканской

церкви...» оказалась объемным трудом, еще более пристально рассматривающим католическую веру, нежели «Книга Церкви».

Р. Саути неоднократно указывал на то, что католическая церковь нетерпима, а каждый католик стремится обратить всех в свою веру: «Это религиозный и священный долг каждого католика; и именно этот принцип сделал Революцию 1688 г. необходимой для сохранения нашей гражданской и религиозной свободы. Благодаря этому событию была создана и закреплена наша Конституция, состоящая из Церкви и государства, в том виде, в каком она существует сейчас. Поэтому было бы ошибочным политическим решением, если бы мы доверили власть в государстве тем лицам, которые по совести обязаны использовать ее для подрыва Церкви Англии, <...> для уничтожения работы Реформации и Революции, <...> для того, чтобы снова привести нас в духовное рабство и восстановить ту систему суеверий, идолопоклонства и преследований, от которой страдания наших мучеников и мудрость наших предков, по Божьему благословению, избавили нас» [24, р. XV].

Р. Саути повторяется: суеверным и нетерпимым к другим вероисповеданиям католикам не место в английском правительстве. Дискуссии по религиозным вопросам не утихали, издавались новые труды, расширялся круг участников [39, 40]. Казалось, что конец полемики невозможен.

Первый призыв остановиться и прекратить обвинять друг друга прозвучал от Ч. Батлера: «Не пора ли положить конец всем обвинениям и взаимным претензиям такого рода? Разве не все джентльмены желают этого?» [41, р. 23]. К сожалению, призыв Ч. Батлера не был услышан.

К концу 1820-х гг., по мнению английского историка Дж. Ф. А. Беста, и миряне, и духовенство понимали необходимость разрешения «социального кризиса» [6, р. 144]. Начинается третье «движение за церковную реформу» [6, р. 144].

Церкви Англии нужно было меняться. Пришло время еще одной революции – так называемой «конституционной революции» [42, р. 226–234], которая представляла собой совокупность трех реформ: в 1828 г. диссентеры были допущены к государственным должностям, в 1829 г. католики получили доступ в парламента, в 1832 г. было расширено парламентаское представительство среднего класса, среди которого было немало диссентеров. Тем самым «конституционная революция» превратила «аристократическое полуконфессиональное государство в полудемократическое либеральное государство, стремящееся в своем развитии к демократии» [42, р. 229].

Статус Церкви Англии все еще продолжал быть государственным, но уступки общественному мнению повлияли на снижение политиче-

ского веса англиканского духовенства. Уступки правительства католикам в дальнейшем лишь осложнили ситуацию и обострили отношения протестантов и католиков. По мнению английского историка Н. Гэша, «антиримско-католические настроения в Англии неуклонно возрастали в течение двадцати лет после дарования эмансипации в 1829 году» [7, р. 92]. Эмансипация католиков вызвала многочисленные протесты, но их уже нельзя было сравнить с «мятежом лорда Гордона» 1780 г. М. С. Стецкевич объясняет «мягкость» протестов 1829 г. возрастающей веротерпимостью [43, с. 52]. Мы бы сказали: выросшей политической культурой, ибо вопрос касался не веры как таковой. Чартисты тоже не устраивали погромов, не грабили винокурен и не жгли, как в 1780 г., часовни, тюрьмы и дома католиков, больше споря о «пределах силы».

В 1829 г. был опубликован еще один объемный труд Р. Саути «Сэр Томас Мор, или Беседы о прогрессе и перспективах общества». «Беседы...», построенные в форме диалога, – явление для английской литературы первой трети XIX в. нечастое. Выход такой необычной книги во время напряженной ситуации, связанной с эмансипацией католиков, был замечен в узких кругах. Многие читатели задавались вопросом: кто из двух персонажей – Томас Мор или поэт Монтесинос – выражает авторскую позицию? Р. Саути дискусирует сам с собой, вкладывая в речи поэта свои убеждения и аргументы и отвечая на них же сомнениями и предчувствиями Т. Мора [цит. по: 44, р. 191]. Одна из «Бесед...» посвящена католической эмансипации – вопросу, волновавшему умы Великобритании того времени [45, р. 237].

Почему же Р. Саути для обсуждения этого вопроса выбрал себе в собеседники первого социального реформатора, утописта-социалиста и католика? Российский историк К. М. Андерсон достаточно подробно освещает этот вопрос: «Саути, пожалуй, первым из современных ему английских авторов обратился к Томасу Морю. Саути даже заявляет о близости своих убеждений к идеям Мора. «Беседуя с вами, – говорит Саути словами своего героя, – я чувствую себя учеником, внимающим учителю, к которому он питает полное доверие» [45, р. 52]. Более того, дух Мора является именно к Саути, поскольку якобы испытывает к нему симпатию и видит свое с ним сходство» [цит. по: 46, с. 159–177].

По мнению Р. Саути, разрушалась нравственная основа гражданского общества – религия [47, р. 47]. Задаваясь вопросом о причинах падения популярности англиканства, Р. Саути приходит к выводу, согласно которому и диссентеры, и католики умеют привлекать людей и влиять на их умы [цит. по: 46, с. 170–171]. Еще одной причиной падения религиозности, как это бы странно не звучало, стала Реформация [46,

с. 171]: «Реформация уменьшила преданность вере и влияние религии не только среди бедных и невежественных, но среди всех классов» [45, р. 154].

Р. Саути пытался предложить свой план решения проблем, связанных с защитой авторитета Церкви Англии и роли англиканства в жизни британского общества. Необычным в этих решениях является то, что они предполагают использование сильных сторон опыта соперников англиканства [цит. по: 46, с. 171–172].

«Евангелическое пробуждение» XVIII в. способствовало возникновению и популяризации методистских конгрегаций. В отличие от служителей Церкви Англии методисты активно занимались миссионерством, что в условиях безудержного роста городов вследствие промышленной революции помогало им формировать и увеличивать свои общины [19, р. 53–68].

Население страны росло темпами, невиданными ни в одном из прежних обществ. В частности, английские промышленные города превращались в грязные, пропитанные болезнями и пропахшие джином адские дыры, в свою очередь провоцируя фантазмагорию общества безумных, плохих и опасных людей [48, р. 580–581]. Методисты не испытывали и значительных финансовых трудностей при основании новых конгрегаций [19, р. 53–68]. Р. Саути и ранее писал об этой внутренней конкуренции, теперь в связи с ростом политической активности рабочих и борьбой за влияние на них он прямо пишет о необходимости вернуть методистов в лоно Церкви Англии, что будет способствовать ее внутреннему укреплению [47, р. 82–83].

Несмотря на резкую критику католицизма, Р. Саути находит в нем то, что можно использовать с пользой для Церкви Англии. По его мнению, необходимо возродить в англиканстве институт святых, дабы они могли служить нравоучительным примером, а также задуматься над созданием приютов наподобие уничтоженных Реформацией монастырей, но без их мракобесных суеверий [47, р. 36–38].

В 1832 г. переработав свои ранние статьи из «Quarterly Review» и существенно их дополнив, Р. Саути издает «Эссе, моральные и политические». В этой работе он повторяет свои ранние суждения об опасности католицизма и снова предостерегает читателей: «не следует забывать, что религиозное безумие заразно...» [30, р. 282].

В «Эссе...» Р. Саути не боялся говорить то, что он думал о ситуации в стране, к каким бы отчаянным спорам это не привело. А ситуация вызывала у него опасения: «В Англии в высших эшелонах власти царит великий религиозный дух, но основная масса народа мало заботится о национальной церкви, и ее легко переманить на другую сторону» [49, р. 110].

Р. Саути готов признать, что в Англии каждый может исповедовать любую религию:

«Мы слышим много рассуждений об абстрактном праве каждого человека поклоняться Богу так, как ему заблагорассудится; и, во имя Бога, кто, кроме римских католиков, оспаривает это? Это право, которым издавна пользуются все конфессии <...> Действительно, в последние дни этим признанным правом злоупотребляли до такой степени, что каждый из нас практически свободен не только поклоняться Богу, как ему заблагорассудится, но и хулить Его святое имя, отрицать Его существование и идти своим путем к гибели, и публично пытаться убедить как можно больше людей следовать за ним...» [цит. по: 50, р. 555].

Однако когда речь заходит об интересах нации и национальной политике, Р. Саути бескомпромиссен. По его мнению, допустить католиков в парламент – большая ошибка. Мыслитель считал, что уступки и реформы по отношению к католикам со стороны Церкви Англии и правительства только подрывают основы и ослабляют влияние этих двух важнейших институтов страны.

Р. Саути не был религиозным мыслителем. Вызывает сомнения даже его личная религиозность. Возможно, он был склонен к деизму и унитаризму, некоторые его взгляды перекликаются со взглядами социниан [51, р. 215–220]. Рассуждая о церкви и конфессиях, он выступает как пропагандист определенных политических идей. Этому способствует его известность и популярность как поэта-лауреата (с 1813 г.). Его не интересовали вопросы догматики, внимание Р. Саути было сосредоточено на политической роли Церкви в деле укрепления государственности и национальной самоидентификации [16, с. 166]. Когда Церковь Англии переживала сложные времена, а правительство колебалось под давлением общественного мнения, он заботился об основах британской идентичности, стабильности и процветания общества в целом.

Последовательно, на протяжении более четверти века, Р. Саути пытался показать, что значит быть британцем, какие опасности таит в себе католицизм, каким образом можно решить возникшие противоречия и как важно выбрать верную программу социальных преобразований.

Список литературы

1. *Perry G. G.* A History of the English Church : in 3 vols. London : John Murray, 1887. Vol. 3. 566 p.
2. *Cornish F. W.* The English Church in the 19th century : in 2 vols. London : Macmillan, 1910. Vol. 1. 453 p.
3. *Mathieson W. L.* English Church Reform, 1815–1840. London : Longmans, Green and Company, 1923. 180 p.
4. *Sykes N.* Church and State in England in the XVIIIth Century. Cambridge : The Birkbeck lectures, 1934. 455 p.
5. *Gloyn C.* The Church in the Social Order. A Study of Anglican Social Theory from Coleridge to Maurice. Forest Grove. Oregon, Pacific University, 1942. 201 p.
6. *Best G. F. A.* Temporal Pillars. Queen Anne's Bounty, the Ecclesiastical Commissioners and the Church of England. Cambridge : University Press, 1964. 582 p.
7. *Gash N.* Reaction and Reconstruction in English Politics, 1832–1852. The Ford Lectures Delivered in The University of Oxford in the Hilary Term 1964. Oxford : Oxford Clarendon Press, 1965. 227 p.
8. *Soloway R. A.* Prelates and People : Ecclesiastical Social Thought in England, 1783–1852. London : R. Routledge & K. Paul ; Toronto : University of Toronto P., 1969. 464 p.
9. *Haig A.* The Victorian Clergy. London : Croom Helm, 1984. 376 p.
10. *Gash N.* The Crisis of the Anglican Establishment in the Early Nineteenth Century // Pillars of the Government and Other Essays on State and Society c. 1770–c. 1880. Baltimore, Md. : Edward Arnold, 1986. P. 16–25.
11. *Knight F.* The Nineteenth-Century Church and English Society. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 230 p.
12. *Brown S. J.* The National Churches of England, Ireland and Scotland, 1801–1846. Oxford : OUP Oxford, 2001. 459 p.
13. *Полякова Е. Ю.* Государственная Церковь Англии // Очерки истории западного протестантизма / отв. ред. А. А. Кислова. М. : Институт всеобщей истории, 1995. С. 117–129.
14. *Остапенко Г. С.* Церковь и монархия в Великобритании // Религии мира. История и современность / под. ред. А. А. Кисловой. М. : Вестком, 1999. С. 104–109.
15. *Соловьёва Т. С.* Религиозная политика либеральной тори в Англии (20-е гг. XIX в.). М. : Издательство Московского университета, 2000. 222 с.
16. *Фадеев И. А.* Церковь Англии : проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе : дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 393 с.
17. *Carpenter S. C.* Church and People, 1789–1889 : A History of the Church of England from William Wilberforce to // Lux Mundi. London : Society for promoting Christian knowledge, 1933. 598 p.
18. *Arnold M.* The Works of Matthew Arnold : in 15 vols. London : Macmillan, 1904. Vol. 2. 326 p.
19. *Gilbert A.* Religion and society in industrial England : church, chapel, and social change, 1740–1914. London : Longmans, 1976. 251 p.
20. *Стецкевич М. С.* Церковь Англии и английское общество в середине XVIII – первой трети XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. : Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2009. Вып. 1. С. 16–25.
21. *Еремин В. С.* Русская армия глазами британских публицистов «The Quarterly Review» в годы наполеоновских войн // История и историческая память : межвузовский сборник научных трудов / под ред. А. В. Гладышева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2020. Вып. 21. С. 25–46.
22. Robert Southey to Charles Watkin Williams Wynn, 29 January 1796. URL: https://romanticcircles.org/editions/southey_letters/Part_One/HTML/letterEEEd.26.146.html (дата обращения: 09.01.2022).
23. *Языкова Е. А.* Наполеоновские войны на Пиренейском полуострове в представлении Р. Саути // Феномен

- границ в истории и исторической памяти : материалы Международной научной конференции (Ставрополь, 14–17 октября 2021 г.) / под ред. Л. Н. Величко, Л. Гарбулевой [и др.]. Ставрополь : Издательство СКФУ, 2021. С. 49–58.
24. *Southey R.* *Vindiciae ecclesiae anglicanae* : letters to Charles Butler, Esp., comprising essays on the Romish religion and vindicating the Book of the Church. London : Murray, 1826. 526 p.
25. Robert Southey to Charles Watkin Williams Wynn, 21 February 1801. URL: https://romantic-circles.org/editions/southey_letters/Part_Two/HTML/letterEEEd.26.569.html#2 (дата обращения: 09.01.2022).
26. *Mathew D.* *Catholicism in England : The Portrait of a Minority : Its Culture and Tradition.* London : Eyre & Spottiswoode, 1955. 295 p.
27. *Southey R.* *Letters from England* : By Don Manuel Alvarez Espriella. Translated from the Spanish : in 3 vols. London : Longman, Hurst, Rees and Orme, 1814. Vol. I. 365 p. ; vol. 2. 369 p. ; vol. 3. 365 p.
28. *Southey R.* *The History of the Inquisitions ; Including the Secret Transactions of Those Horrific Tribunals. Illustrated with Twelve Plates.* 4to. Stockdale // *The Quarterly Review.* 1811. Vol. VI. P. 313–357.
29. Официальная статистика обо всех парламентских дебатах первой четверти XIX в., касающихся Католического вопроса. URL: <https://hansard.parliament.uk/search/Debates?startDate=1800-01-01&endDate=1826-01-01&searchTerm=Roman%20Catholic%20Petition&partial=False> (дата обращения: 11.01.2022).
30. *Southey R.* *Essays, Moral and Political* : in 2 vols. London : J. Murray, 1832. Vol. 2. 459 p.
31. Robert Southey to Grosvenor Charles Bedford, 26 March 1820. URL: https://romantic-circles.org/editions/southey_letters/Part_Six/HTML/letterEEEd.26.3457.html (дата обращения: 12.01.2022).
32. *Southey R.* *The Life of Wesley ; and the rise and progress of Methodism.* In 2 vols. Vol. 2. London : Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1820. 622 p.
33. *Southey R.* *The Book of the Church* : in 2 vols. Boston : Wells and Lilly, Court-Street, and Bliss and White, New York, 1825. Vol. 2. 527 p.
34. *The life and correspondence of Robert Southey* : in 6 vols. / ed. by C. C. Southey. London : Longman, Brown, Green, and Longmans, 1850. Vol. V. 368 p.
35. *Butler Ch.* *The book of the Roman Catholic Church.* London : J. Murray, 1825. 347 p.
36. *Milner J.* *Strictures on the poet laureate's Book of the Church.* London : Printed by and for Keating and Brown, 1825. 93 p.
37. *Haile M., Bonney E.* *Life and letters of John Lingard, 1771–1851.* London : Herbert & Daniel, 1911. 397 p.
38. *Southey R.* *New letters of Robert Southey* : in 2 vols. New York : Columbia University Press, 1965. Vol. 2. 566 p.
39. *Todd H.* *A vindication of the most Reverend Thomas Cranmer, Lord Archbishop of Canterbury : and therewith of the Reformation in England, against some of the allegations which have been recently made by the Rev. Dr. Lingard, the Rev. Dr. Milner, and Charles Butler.* London : Printed for Baldwin, Cradock, and Joy, 1826. 148 p.
40. *Wordsworth C.* *King Charles the first, the author of Icónbasilikè, further proved in a letter.* Cambridge : Printed by J. Smith, Printer to the University, 1828. 256 p.
41. *Butler Ch.* *Reply to the Article [by Robert Southey] in the Quarterly Review for March 1826 on the Revelations of La Sœur Nativité.* London : J. Murray, 1826. 23 p.
42. *Best G. F. A.* *The Constitutional Revolution, 1828–32 and its Consequences for the Established Church* // *Theology.* 1959. Vol. 62. P. 226–234.
43. *Стецкевич М. С.* *Между протестантизмом и католицизмом : проблема религиозного выбора в ранневикторианской Англии* // *Человек перед выбором в современном мире : проблемы, возможности, решения : материалы Всероссийской научной конференции (27–28 октября 2015 г., ИФ РАН (Москва))* : в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. М. С. Киселева. М. : Научная мысль, 2015. С. 51–60.
44. *Tomko M.* *British Romanticism and the Catholic Question : Religion, History and National Identity, 1778–1829.* London : Palgrave Macmillan, 2011. 224 p.
45. *Southey R.* *Sir Thomas More : or, Colloquies on the Progress and Prospects of Society* : in 2 vols. London : J. Murray, 1829. Vol. 1. 418 p.
46. *Андерсон К. М.* «Беседы» Роберта Саути // *История социалистических учений : сборник статей.* М. : Наука, 1981. С. 159–177.
47. *Southey R.* *Sir Thomas More : or, Colloquies on the Progress and Prospects of Society.* London : J. Murray, 1829. Vol. 2. 460 p.
48. *Hilton B.* *A mad, bad, and dangerous people? : England 1783–1846.* Oxford University Press, 2008. 784 p.
49. *Southey R.* *Essays, Moral and Political.* London : J. Murray, 1832. Vol. 1. 422 p.
50. *Southey R.* *The Roman Catholic Question – Ireland* // *The Quarterly Review.* London, 1828. Vol. XXXVIII. P. 535–598.
51. *Carnall G.* *Robert Southey and his Age the Development of a Conservative Mind.* Oxford : Clarendon, 1960. 233 p.

Поступила в редакцию 18.03.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 18.03.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 337–343
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 337–343
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-337-343>

Научная статья
УДК [[94+327](100+410:460)+341.462.1(410)]|1940/1944|+929Хор

Испанская миссия Сэмюэля Хора (1940–1944)

В. А. Крылов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 41012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Крылов Владимир Алексеевич, аспирант кафедры всеобщей истории, krylovvladimir12@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3880-4827>, Author ID: 1140935

Аннотация. На материалах воспоминаний участников событий и деловой переписки посольства с Британским правительством рассматривается деятельность посла Англии в Испании Сэмюэля Хора, который занимал должность с 1940 по 1944 гг. Констатируется, что эффективность его действий росла не только одновременно с успехами союзников в войне, но и благодаря укреплению экономического сотрудничества двух стран. Формулируется вывод, согласно которому успех большинства крупных дипломатических договоров Англии с Испанией в этот период зависел именно от поставок необходимых ресурсов.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великобритания, Испания, Германия, британская дипломатия, международные отношения, геополитика, военные конфликты XX в.

Для цитирования: Крылов В. А. Испанская миссия Сэмюэля Хора (1940–1944) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 337–343. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-337-343>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Spanish mission of Samuel Hoare (1940–1944)

V. A. Krylov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Krylov, krylovvladimir12@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3880-4827>, Author ID:1140935

Abstract. Based on the materials of the memoirs of the participants of the events and the business correspondence of the embassy with the British government, the activities of the British ambassador to Spain, Samuel Hoare, who held the post from 1940 to 1944, are considered. It is shown that the effectiveness of his actions grew not only in simultaneously with the success of the allies in the war, but also due to the strengthening of economic cooperation between the two countries. The author comes to the conclusion that the success of most of the major diplomatic treaties between England and Spain during this period depended precisely on the supply of the necessary resources.

Keywords: World War II, Great Britain, Spain, Germany, British diplomacy, international relations, geopolitics, military conflicts of the XX century

For citation: Krylov V. A. The Spanish mission of Samuel Hoare (1940–1944). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 337–343 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-337-343>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вторая мировая война стала борьбой сторонников традиционного мирового устройства и «нового порядка». Посткризисный мир стоял перед проблемой выбора пути дальнейшего развития. В государствах, подобных нацистской Германии, отсутствовали излишки ресурсов для проведения политики «мягкой силы», поэтому многие представители истеблишмента видели решение внутренних проблем в расширении зон влияния и переделе рынков сбыта в ходе открытого конфликта. Для Великобритании и ее партнеров, которые пострадали в прошлой войне, но вышли из нее победителями, залогом выжи-

вания стало удержание своих позиций в мире [1, с. 20].

Германские нацисты были уверены в том, что ослабленные мировым кризисом Великобритания и Франция не смогут дать достойного отпора в случае открытого конфликта, потому необходимо было нанести стремительный удар до того, как «демократии» восстановят силы. После успеха быстрой военной кампании Германия была намерена отнять у побежденных Англии и Франции максимум ресурсов, а затем принудить ограбленных и униженных к признанию очередного статус-кво.

В этой битве как никогда ранее важным являлось завоевание сердец и умов людей из стран, сохранявших нейтралитет. Чем ближе к Европе и кратчайшим морским путям находилась оспариваемая территория, тем больше сил и ресурсов противники готовы были потратить в борьбе за обретение влияния в той или иной нейтральной стране. Наиболее ожесточенное противостояние между Британской империей и странами «оси» (Рим – Берлин – Токио) происходило на берегах Средиземного моря [2, р. 533]. Европейцы придавали особое значение Средиземноморскому региону на протяжении многих веков. Держава, контролировавшая проходы в Средиземноморье, была способна диктовать свою волю Европе и большинству стран Восточного полушария.

В связи с этим противники уделяли большое внимание влиянию на Пиренейском полуострове, в частности в Испании. Узкий пролив между Европой и Африкой позволял стране, контролировавшей иберийский регион, организовать блокаду морских путей, а также открывать дорогу на африканский континент [3, р. 115].

Технические изобретения, появившиеся в первой половине XX в., давали возможность собирать разведывательные данные о текущих процессах в Северо-Западной Африке, Западном Средиземноморье и Центральной Атлантике, находясь на южном побережье Пиренейского полуострова, что осложняло осуществление скрытных маневров любых акторов.

Руководству противостоящих стран необходимо было подчинить пиренейский регион своему контролю из-за выгодного стратегического положения Пиренейского полуострова и «нейтрального» статуса Испании. Влияние на испанское государство и общество стало тем фактором, который был малозаметен для неисключенного большинства, но чрезвычайно важен для военных профессионалов. Вступление испанцев в войну на стороне «оси» создавало новую угрозу для контроля Англией кратчайшего морского пути из Азии в Европу, пролегающего через Средиземное море.

Британские острова зависели от поставок ресурсов из колоний. Без проходов в Средиземное море Великобритания рисковала утратить влияние на свою периферию. Одной из основных целей войны для руководства Британии стало сохранение территориальной целостности империи. В связи с этим Британская империя обязывалась всеми средствами вмешаться в пиренейскую политику. Ослабленная гражданской войной и разрухой, Испания была особенно опасна для англичан, так как победившая элита и часть испанского общества благоволили нацистам [4, р. 171–184]. Угроза вступления испанской армии в войну и захват Гибралтара в тяжелый для Англии час требовали от английского руководства вмешательства в политику

правительства генерала Франко. Груз ответственности за англо-испанские отношения ложился на плечи посла Британии в Испании.

Помимо оттягивания вступления испанских войск в войну перед британским послом стоял ряд других проблем. В сложившихся к началу войны англо-испанских отношениях появилась потребность в пересмотре условий экономических договоров. Необходимо было уделить внимание поддержке той части испанского населения, которая симпатизировала политике англичан. Беженцы, пробравшиеся на территорию Пиренейского полуострова, среди которых были подданные британской короны и сочувствующие делу союзников, также требовали к себе внимания. Стратегически важной задачей являлось ослабление разведывательной машины стран «оси» на территории испанского государства. Необходимо было понять, на какие силы Британия может рассчитывать в Испании при проведении своей внешней политики, а также подробно ознакомиться с обстановкой в испанских правительственных кругах. Все эти проблемы нужно было проработать преимущественно классическими инструментами дипломатии. Руководство посольством в Испании и представление интересов Великобритании перед правительством Франко были вверены опытному дипломату и разведчику Сэмюэлю Джону Хору [5, р. 7].

Изучению деятельности Сэмюэля Хора на посту посла Великобритании в Испании посвящена данная статья. Основными источниками для исследования являются его мемуары, а также ряд соглашений, посвященных различным проблемам англо-испанских отношений [5]. Кроме того, задействованы письма из дипломатической и личной почты английского посла.

После возвращения из посольства в Испании в 1944 г. Хор занимался написанием мемуаров, которые были изданы в 1946 г. Несмотря на достаточно красочное описание жизни посольства и тех событий, что произошли за годы его работы, автор воздержался от характеристики методов, применяемых в его работе. Большинство писем было посвящено различным международным проблемам, связанным с Испанией. Некоторые из них подтверждают реальность угрозы вступления в войну испанской армии, тем самым показывая важность деятельности английской миссии в Испании.

Сэмюэль Хор происходил из англо-ирландской семьи банкиров. Обучался в одной из престижнейших школ – Харроу, выпускниками которой были несколько премьер-министров – Дж. Гамильтон-Гордон, П. Спенсер, Ф. Д. Робинсон, Р. Пил, Г. Д. Темпл, С. Болдуин, У. Черчилль и глава правительства независимой Индии Джавахарлал Неру [6, р. 20], и Нового колледжа Оксфордского университета. Политическая карьера будущего посла прослеживается на протяжении

всего XX в. Она началась в 1903 г., когда молодой выпускник Оксфорда поступил секретарем на службу к министру колоний А. Литтелтону. Позже С. Хор был избран в палату общин английского парламента. Во время Первой мировой войны молодой политик вступил в армию в качестве офицера-рекрутера. Летом 1916 г. дипломат получил звание временного подполковника и был направлен Британской службой разведки в Россию на должность английского представителя при Генеральном штабе Русской армии [7, р. 56]. В феврале 1917 г. командирован в Италию, где ему удалось завербовать молодого журналиста Бенито Муссолини [8, р. 321].

По окончании Первой мировой войны будущий посол занимал различные посты в правительстве Великобритании. В середине 20-х гг. XX в. С. Хор провел ряд успешных реформ в министерстве авиации, которые имели целью наладить воздушное сообщение между имперскими колониями и метрополией. Под его протекцией в 1935 г. через парламент был проведен Закон об управлении Индией, предусматривавший образование Индийской федерации, состоящей из провинций Британской Индии и индийских княжеств. Позднее Хор занимался реализацией реформы пенитенциарной системы в Англии, которая была свернута из-за начала войны [7, р. 112]. В правительстве Чемберлена он считался приближенным к премьер-министру человеком. В кабинете министров Черчилля достойного места С. Хору не нашлось, но его таланты дипломата и разведчика были использованы в Испании, где перед ним встал целый спектр задач.

При вступлении в должность посла Сэмюэль Хор осознал, что фронт работ является сложным. В 1940 г. многие испанцы были уверены в непобедимости военной машины вермахта, поэтому доказывать необходимость сотрудничества Испании и Великобритании было затруднительно [9, р. 34]. Тем не менее С. Хор нашел точки соприкосновения интересов двух стран. Он обратил внимание на наличие крупного дефицита продовольствия в Испании [5, р. 33–34]. Посол понимал, что нарушения в системе распределения ресурсов делают любой государственный режим неустойчивым. Испания не была исключением, и перспективы действующего режима фалангистов были весьма туманны. Государственный переворот способствовал непредсказуемому развитию ситуации. Существовала угроза прихода к власти лояльных рейху сил.

Расчет посла был в том, чтобы сделать Испанию зависимой от поставок английского провианта. Несмотря на некоторое сопротивление со стороны представителей прогерманской партии, было ясно, что Германия в отличие от Великобритании не способна обеспечить страну необходимыми товарами. С. Хор начал развивать переговоры, которые касались экономических взаимоотношений двух стран.

Испанские лидеры понимали серьезность своего положения. Рассчитывая на скорый успех нацистов, испанцы стремились выиграть время в ходе переговоров. Франко было важно выждать удобного момента для вступления в конфликт. Он учитывал, что Испания после гражданской войны не готова к длительному противостоянию и потому намеревался нанести удар на заключительном этапе военного конфликта, когда судьба Англии будет предрешена. В противном случае испанцам необходимо было минимизировать политические последствия поставок английских товаров в Испанию, получая максимальную выгоду [10, р. 88].

Однако выход сил вермахта к Ла-Маншу не убедил каудильо в ближайших перспективах победы над Великобританией. Испанский лидер высказал свои сомнения на встрече 23 октября 1940 г. в Андае. В результате переговоры Германии и Испании о поставках военных и промышленных товаров зашли в тупик. Последующее приостановление операции «Морской лев» свидетельствовало о том, что Англия способна гарантировать обеспечение стран Пиренейского полуострова необходимыми ресурсами в ближайшие месяцы. По итогу переговоров действующие между Великобританией, Испанией и Португалией соглашения были подтверждены 2 декабря 1940 г. К соглашению прилагался протокол, по которому Англия обязалась организовать поставки кукурузы и пшеницы. В свою очередь Испания гарантировала не реэкспортировать полученные грузы в Германию и Италию, а также отказаться от экспорта в страны «оси» некоторых видов сырья [11]. Испанским дипломатам удалось выиграть для себя достаточно выгодный объем поставок, однако становилось понятно, что в долгосрочной перспективе их экономика будет зависеть от Англии.

Заключенный между государствами торговый договор стал важным достижением в англо-испанских отношениях, который позволил британскому послу развивать обсуждение других важных вопросов. Понимая, что для усиления английского влияния необходимо время, С. Хор обратил внимание на проблемы, которые в наименьшей степени затрагивали интересы испанцев. В частности, его волновала судьба английской диаспоры, а также солдат Великобритании, бежавших из оккупированной Франции и заключенных в тюрьму Фигерас за нарушение франко-испанской границы. Пленники ожидали своей участи, не имея связи с внешним миром, а их местонахождение утаивалось от британского посольства в Испании [5, р. 78–80]. В течение нескольких месяцев послу удалось добиться освобождения заключенных.

Проблема интернирования стояла перед британским посольством на протяжении всего периода работы С. Хора. В большинстве случаев

послу приходилось ввязываться в многомесячные дебаты с руководством Испании. Испанские элиты были намерены удерживать арестованных, так как это давало преимущества на переговорах и возможность для получения различных преференций. Поэтому процесс освобождения заложников всерьез затягивался. Однако большой опыт разведывательной деятельности посла Англии благотворно пал на почву полуголодной Испании. Британская дипломатическая миссия успешно и своевременно собирала информацию о заключенных беженцах и добивалась улучшения условий их содержания и дальнейшего освобождения [9, р. 88]. Позднее английским дипломатам удалось добиться сосредоточения большинства иностранных беженцев в лагере Миранда-дель-Эбро. Испанское правительство одобрило интернирование офицеров в гостиницах. Английский посол с помощью Британского Красного креста организовал улучшенное содержание заключенных. Обсуждение проблем эмиграции и содержания иностранных заключенных продолжилось и после организации отдельного лагеря для иностранцев. После захвата немецкими войсками южного побережья Франции в 1942 г. поток беженцев усилился [5, р. 232]. Испанские тюрьмы были переполнены иностранными заключенными. Проведенные союзниками военные операции во Франции не решили проблему. В условиях сложившейся военной обстановки немецкие войска в основном покинули территорию юга Франции под угрозой окружения. Союзные войска не успевали организовать полноценное руководство на захваченных территориях. В связи с этим С. Хор начал получать сообщения о многочисленных пленных – подданных Великобритании, которые были брошены немцами. В долгих и кропотливых переговорах от испанского руководства получилось добиться сотрудничества в организации лагерей для беженцев и их перемещении на территории, подконтрольные союзникам. Таким образом, английскому посольству под руководством Самюэля Хора удалось наладить путь эвакуации для беженцев и репатриантов.

После гражданской войны в Испании остались несколько сотен подданных Великобритании. Большинство из них было рассредоточено по всей стране и занималось предпринимательством. Представители британской диаспоры играли определенную роль в региональной политике Испании. В Мадриде в английской диаспоре видели угрозу для своей власти в провинциях. Несмотря на лояльную администрацию, в регионах страны остались довольно влиятельные оппоненты фалангистской политики. Укрепление связей региональных оппонентов режима Франко и британской диаспоры могло стать серьезной проблемой для Мадрида. Поэтому в испанских правящих кругах поддерживали политику депортации подданных Великобритании. В первую

очередь испанские специальные службы обратили внимание на зажиточных британцев, имевших в Испании собственное дело. Посольству Англии пришлось упорно бороться. Деятельность английских дипломатов сопровождалась переменным успехом. Порой в ходе долгих переговоров послу Великобритании удавалось отсрочить депортацию, однако испанская полиция также не раз доводила свое дело до конца [5, р. 80]. Но по мере развития экономического партнерства между двумя странами кризисные явления возникали все реже.

Представляя объем административного ресурса региональных элит, С. Хор посвящал много времени поездкам по стране. Из мемуаров известно, что особое внимание в ходе вояжей он уделял установлению контактов с католической церковью. Вероятно, усердие посла было связано с поиском поддержки дипломатической миссии среди католических иерархов. Местные представители церкви, разочаровавшиеся в религиозной политике режима Франко, становились потенциальными союзниками британской линии на обеспечении испанского нейтралитета [12, с. 539–545]. Политика каудильо делала церковь не сильным союзником режима, а его слабым политическим оппонентом. Таким образом, католическая церковь в Испании могла стать ценным инструментом для получения разведывательных данных.

С. Хор также рассмотрел союзную силу в провинции Наварра, расположенной у французской границы. Среди официальных представителей власти провинции находилось немало серьезных оппонентов Фаланги [5, р. 176]. Английскому дипломату удалось завоевать уважение среди местной элиты. Впоследствии посол Великобритании периодически выезжал на массовые празднества в этой и других провинциях, что позволяет говорить об успешности его предприятия по поиску людей, сочувствующих союзникам.

Таким образом, укрепление экономического взаимодействия постепенно вынуждало испанское правительство идти на уступки. В процессе поддержки английской диаспоры Хору удалось заручиться поддержкой региональных оппонентов Фаланги.

На протяжении первых этапов Второй мировой войны основной целью британского посольства оставалось препятствование вступлению Испании в войну. В случае неосуществимости подобного развития событий необходимо было оттянуть столкновение до момента усиления Англии. Прибыв в Испанию, С. Хор понял что, несмотря на сочувствие немцам части испанского населения, в целом народ был морально не готов вести войну. В памяти еще были свежи потери прошлых битв. Разрушенные промышленность и инфраструктура снижали военные

возможности страны. Ведущая часть руководства Испании отдавала себе в этом отчет. После разгрома Германией Франции немецкие ресурсы были сосредоточены на войне с Англией. Одновременно с этим Великобритания сконцентрировала серьезные силы в районе Ла-Манша. Как итог, в районе Пиренейского полуострова возник дисбаланс сил. Англия не имела в регионе многочисленных войск, способных предотвратить испанский удар. Сложившаяся обстановка позволяла испанцам усилить свое положение и требовать необходимые ресурсы от обеих сторон. У Германии отсутствовали излишки ресурсов для укрепления испанской экономики. Поэтому для Испании было важно найти точки соприкосновения в вопросах, касающихся ресурсного обмена с другими странами. Великобритания, защищавшая Средиземноморский морской путь, была готова идти на сотрудничество.

Развитию англо-испанских отношений также способствовало столкновение интересов в Африке между Германией и Испанией [13, с. 270–272]. Существовавшее недопонимание означало, что испанцы, скорее всего, не получают необходимые территории, а значит, смысл во вступлении в конфликт отсутствовал. Тем не менее переговоры между руководством Третьего рейха и лидерами режима Франко велись, но все больше заходили в тупик. Вероятность вступления в войну была достаточно мала, и задачей посольства было не допустить полного разрыва англо-испанских отношений, тем самым показывая каудильо путь отхода от сотрудничества с Германией [5, р. 51].

Новый министр иностранных дел Испании Рамон Серрано Суньер, вступивший в должность осенью 1940 г., в начале войны делал ставку на нацистскую Германию, что осложнило работу британского посольства [14, с. 193]. Помимо морального давления на дипломатов Англии через СМИ, испанцы организовали провокацию летом 1941 г. Во время митинга в поддержку войны протестующие атаковали посольство Британии в России. Однако даже в таких опасных условиях С. Хор считал, что необходимо игнорировать провокации и отказаться от разрыва отношений с Испанией.

Приостановление операции «Морской лев» и усиленное внимание США, выраженное европейской миссией полковника Донована в январе 1941 г., показали, что вступать в войну все рискованнее, а выгоды для Испании становятся иллюзорными [15, р. 50–52]. Поэтому подготовка и заключение новых выгодных договоров стало той стратегией, которую избрал Мадрид.

Весной 1941 г. главный фронт Второй мировой был перенесен с Западного направления на Восток, и потребность во влиянии на Испанию снизилась для всех конкурентов. Единственный эпизод, когда режим Франко мог по-настоящему

на что-то повлиять, стала операция союзников в Северной Африке – «Факел» [5, р. 88]. Однако кадровые перестановки в правительстве Испании позволили оставить военную операцию лишь в рамках абстрактных политических дискуссий.

За 2 года Великобритания и Испания сблизилась на платформе ресурсного обмена, от которого испанцы стали зависеть. Мадрид более не видел реальных причин для открытого противостояния с Великобританией и США. Тем не менее на протяжении почти всей войны сохранялась другая угроза. Если вступление Испании в войну являлось ходом вероятным, но опасным для режима Франко, то появление войск рейха на Пиренейском полуострове было опасностью осязаемой и крепнущей по мере развития конфликта. Нацисты хорошо представляли ценность Испании как плацдарма для распространения немецкого влияния на Африканский континент. Вступление германских войск на Пиренейский полуостров позволило бы немцам наладить короткий путь в Северную Африку в обход Италии, стремившейся расширить свою зону влияния в этом регионе. Для Германии также остро стоял вопрос об удешевлении поставок некоторых ресурсов, имеющихся на Пиренейском полуострове. В целом для нацистов вступление в Испанию, на первый взгляд, являлось достаточно выгодным экономическим ходом. Однако немецкое командование, оценив обстановку, не решилось на проведение операции. Разрушенные промышленность и инфраструктура не позволяли быстро захватить Испанию. Кроме того, в Берлине понимали, что вступление на испанскую территорию под любым предлогом развязало бы руки британским политикам и оправдало высадку союзников в Португалии [11]. В свою очередь каудильо стремился избежать полной потери суверенитета испанского государства, поэтому сопротивлялся вступлению вермахта [16, с. 97–99]. Английскому посольству оставалось лишь символизировать альтернативный путь ведения внешней политики, избегая провокаций и полного разрыва дипломатических и торговых соглашений. Таким образом, налаживание своего пути в Африку из Западной Европы для немцев затянулось. Весной 1941 г. силы вермахта, обгоняя своих союзников, двигались к восточному пути в Африку, который находился в Греции. Угроза вторжения на Пиренейский полуостров снизилась, но не исчезла полностью, несмотря на то, что значительная часть немецких войск была растянута через всю Европу.

Посол Великобритании собрал достаточно данных о положении на Пиренейском полуострове. Информация была весьма полезна для командования союзных войск, которое готовило высадку во Французском Марокко. Союзники приложили немало усилий и им удалось скрыть готовившуюся операцию. Лишь за несколько

часов до ее начала британский посол официально уведомил об этом руководство Испании, стремясь в ходе встречи убедить испанцев в отсутствии угрозы для Пиренеев. В результате испанские власти не успели организовать срыв высадки [5, р. 87]. Однако на территории Испании все еще присутствовали внушительные силы разведывательных организаций «оси», которые могли раскрыть маневры союзных войск. Решение данной проблемы также выпало на долю С. Хора.

Еще одной серьезной проблемой в ходе подготовки операции «Факел» стала немецкая пропаганда в Испании. Немцы стремились вызвать панические настроения в стране, угрожая высадкой союзников за Пиренеями. Распространение такого рода информации позволяло говорить о серьезности намерений Германии вступить на Пиренейский полуостров с целью пресечь создание плацдарма союзников в Средиземноморье.

На этом фоне перед посольством в Испании встала задача контрпропаганды в стране. Целями британских дипломатов стали ликвидация панических настроений и недопущение немецких войск на Пиренейский полуостров. Одним из немногих способов продвижения английской позиции среди испанского общества оставалось распространение английской печатной продукции, которая пользовалась спросом среди жителей Испании [5, р. 144]. Повторные переговоры между послом Великобритании и каудильо о разведывательной деятельности «оси» на южном побережье Пиренейского полуострова также имели некоторый успех. У разведчиков Абвера появились первые осложнения [15, р. 67–69].

Учитывая исходные позиции и цель удара союзных сил, для успешного проведения операции союзникам хватило незначительного снижения активности немецких агентов. Сложно предсказать, как развернулись бы события, если бы Франко не отстранил от власти одного из главных сторонников Германии – Рамона Серрано Суньера. Скорее всего, вероятность вступления Испании в войну и срыв операции «Факел» была бы как никогда высокой.

Таким образом, С. Хору удалось внести посильную лепту в успех операции «Факел», с которой началось вторжение союзников. Налаженное экономическое партнерство уже принесло плоды. Франко все еще делал вид, что его режим устойчив и независим. Однако английским политикам становилось понятно, что Испания зависима от британских поставок гораздо больше, чем Великобритания от Испании [16, с. 97–99]. Такой своевременно созданный инструмент позволил воздействовать на испанские элиты.

В 1943 г. надежды испанцев на победу рейха практически иссякли. Союзники уже разбили

Роммеля в Африке. Шла подготовка к высадке на Сицилии, гарантировавшая конец режиму Муссолини в кратчайшие сроки. Каудильо осознал выигрешность стратегии нейтралитета и надеялся на стечение обстоятельств, при которых он станет посредником в переговорах, поэтому продолжал контактировать как со странами «оси», так и с западными союзниками [17, с. 90–95].

В сложившейся ситуации С. Хор начал свое маленькое дипломатическое наступление. За годы его работы у британского правительства накопилось изрядное количество претензий, с которыми посол неоднократно обращался к руководству Испании. Франко фактически игнорировал большинство из них. В связи с этим английский посол сделал жесткое заявление, суть которого сводилась к необходимости снижения немецкого влияния в стране и устранению нацистских «глаз и ушей» с побережья Средиземноморья. Кроме того, посольство требовало непредвзятого подхода к обеим сторонам войны. В данный комплекс требований был включен вопрос «Голубой Дивизии», что говорит о том, что С. Хор был уверен в своих силах как никогда ранее [5, р. 198–205]. Такой жесткий дипломатический демарш должен был расширить возможности союзников на Западном Средиземноморье.

С этих пор испанскому руководству действительно пришлось сильно урезать свободы «оси» в своей стране. Список претензий стал новым триумфом британского дипломата и очередным шагом по ослаблению влияния Германии за Пиренеями. Многие требования были выполнены в силу не только английского жеста, но и по совокупности других обстоятельств. Например, вопрос с «Голубой Дивизией» был решен осенью 1943 г. переводом оставшихся добровольцев в состав воинских частей Германии [17, с. 90–95]. После переговоров посла Великобритании с каудильо немецкая резидентура, работавшая на южных берегах Испании, перешла на нелегальное положение. Некоторое время у агентов Абвера получалось скрываться при покровительстве местных фалангистов, но постепенно Мадриду удалось свести эффективность их деятельности к минимуму. На урегулирование других вопросов ушло более полугода, и в выполнении требований зачастую уже не было смысла, так как Германия была изгнана из Франции, и Испания оказалась отрезанной.

Однако до высадки во Франции все еще имелось время и потому необходимо было остановить поставки сырьевых ресурсов в Германию. В частности, воюющие стороны стал интересоваться вольфрам [18, р. 93–117]. В Восточном Средиземноморье союзники организовали прерывание линий снабжения, пролегающих через оккупированные Балканы, с целью лишения Германии ресурсов. Однако на западном направлении требовался более гибкий подход. Необ-

ходимо было убедить правительство Испании прекратить поставки вольфрама в Германию. Зимой 1944 г. удалось задержать вольфрамовые поставки для рейха, а вскоре после высадки союзников вопрос был закрыт окончательно.

После освобождения Франции в Лондоне посчитали, что дальнейшее присутствие С. Хора нецелесообразно и его миссия выполнена. Позднее он занимал различные посты в парламенте, так и не приблизившись к посту главы правительства Англии [7, р. 388].

Таким образом, работу Сэмюэля Хора на посту посла в Испании можно оценить как весьма эффективную в решении многих вопросов. Безусловно, многое зависело от успехов союзников на фронте. Однако благодаря деятельности Хора удалось заключить экономические договоры, которые были важны и в политическом плане. Испания получила необходимые поставки продовольственных ресурсов и попала в зависимость от союзников. Помимо этого, присутствие английского посольства в Испании оставляло Франко пространство для маневра и различные варианты решения внутренних проблем. Предоставленная альтернатива позволила избежать полной зависимости от Германии. Сэмюэль Хор оказался оптимальной кандидатурой, способной пройти по лезвию ножа и выполнить стратегически важную для своей страны миссию.

Список литературы

1. Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 3 : Вторая мировая война. Исторический очерк / науч. рук. Л. В. Поздеева ; отв. ред. Е. Н. Кульков. М. : Наука, 2005. 595 с.
2. *Abulafia D.* The Great Sea : A Human History of the Mediterranean. London : Allen Lane, 2011. 783 p.
3. *Bradford E.* Gibraltar : The History of a Fortress. London : Rupert Hart-Davis, 1971. 212 p.
4. *Marquina A.* The Spanish Neutrality during the Second World War // *American University International Law Review*. 1998. Vol. 14. P. 171–184.
5. *Hoare S. J.* Ambassador on Special Mission. London : Collins, 1946. 315 p.
6. *Gascoigne B.* Encyclopedia of Britain. London : Macmillan Press Ltd, 1993. 720 p.
7. *Cross J. A.* Sir Samuel Hoare A Political Biography. London : William Heinemann Ltd, 1997. 414 p.
8. *Andrew C. M.* The defense of the Realm : The Authorized History of MI5. London : Allen Lane, 2009. 1032 p.
9. *Hayes C. J. H.* Wartime mission in Spain, 1942–1945. London : Macmillan, 1945. 313 p.
10. *Payne S. G.* The Franco Regime, 1936–1975. Wisconsin : University of Wisconsin Press, 1987. 677 p.
11. *Тененбаум Б.* Испанская партия // Семь искусств. URL: <https://litbook.ru/article/2916/> (дата обращения : 07.12.2021).
12. Испания // Католическая энциклопедия : в 5 т. Т. 2 / под ред. Г. Цёроха, В. Л. Задворного, И. В. Баранова, И. В. Лупандина, А. В. Юдина, А. С. Горелова. М. : Изд. Францисканцев, 2005. С. 539–556.
13. *Шмидт П.* Переводчик Гитлера / пер. с англ. Т. В. Шестопал. Смоленск : Русич, 2001. 619 с.
14. *Престон П.* Франко / пер. с англ. Ю. В. Бехтина. М. : Центрполиграф, 1999. 702 с.
15. *Hastings M.* The Secret War : Spies, Codes and Guerrillas 1939–1945. London : William Collins, 2015. 612 p.
16. *Дамс Х. Г.* Франсиско Франко. Солдат и глава государства / пер. с нем. И. Жаровой. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 352 с.
17. *Крюкова Е. В. Ф.* Франко. Политика лавирования (1943–1945 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 90–95. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-1-90-95>
18. *Buchanan A. N.* Washington’s “silent ally” in World War II? United States policy towards Spain, 1939–1945 // *Journal of Transatlantic Studies*. 2009. Vol 7. P 93–117.

Поступила в редакцию 08.03.2022; одобрена после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 08.03.2022; approved after reviewing 20.03.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 344–349

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 344–349

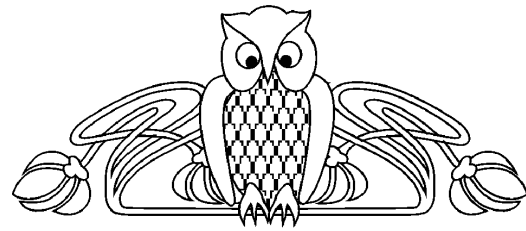
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-344-349>

Научная статья

УДК 94(55)|1962|+929Хомейни

«Это мой религиозный долг»: политический дебют аятоллы Хомейни в 1962 году

А. В. Баранов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, руководитель НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока», baranovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>; Author ID: 248735

Аннотация. В статье рассматриваются события октября – декабря 1962 г. в Иране, связанные с дискуссиями, шедшими в иранском обществе по вопросу законопроекта о выборах в рамках подготовки реформ «Белой революции шаха и народа». На основе анализа выступлений и обращений аятоллы Хомейни характеризуются его взгляды на предлагаемый законопроект. Делается вывод о подходе аятоллы Хомейни к инициативе шаха как антиконституционной и антиисламской. Отказ шаха от ратификации законопроекта означал признание Хомейни как лидера антишахского движения в Иране.

Ключевые слова: Иран, Хомейни, Мохаммад Реза Шах, Белая революция, ислам, улама, шиизм

Для цитирования: Баранов А. В. «Это мой религиозный долг»: политический дебют аятоллы Хомейни в 1962 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 344–349. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-344-349>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“This is my religious duty”: Ayatollah Khomeini’s political debut in 1962

A. V. Baranov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksey V. Baranov, baranovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>, Author ID: 248735

Abstract. The article examines the events of October – December 1962 in Iran, related to the discussions that took place in Iranian society on the issue of the election bill, as part of the preparation of the reforms of the “White Revolution of the Shah and the People”. Based on the analysis of Ayatollah Khomeini’s speeches and appeals, his views and approaches to the proposed bill are characterized. Based on the results of the analysis, it is concluded that Ayatollah Khomeini’s approach to the Shah’s initiative is unconstitutional and anti-Islamic. The Shah’s refusal to ratify the bill meant recognition of Khomeini as the leader of the anti-Shah movement in Iran.

Keywords: Iran, Khomeini, Mohammad Reza Shah, White Revolution, Islam, Ulama, Shiism

For citation: Baranov A. V. “This is my religious duty”: Ayatollah Khomeini’s political debut in 1962. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 344–349 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-344-349>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Иран в период существования биполярного мира «Холодной войны», как и остальные страны афро-азиатского региона второй половины XX в., столкнулся с серьезным вызовом своему традиционному развитию, вызванному планами шахиншаха Мохаммада Реза Шаха модернизировать страну по рецептам своего главного покровителя в лице Соединенных Штатов. Шах стремился убедить окружающих в том, что

он выступает за создание современного, сильного и независимого Ирана, борющегося с «черными и красными реакционерами». Не случайно в качестве своего главного оппонента шах ставит не коммунистов, ориентированных на опыт Советского Союза, а шиитское духовенство – улама, сыгравшее главную роль в последующем свержении шахской монархии в ходе Исламской революции 1978–1979 гг.

Что касается трактовки улама как реакционной и консервативной силы иранского общества, то она прочно закрепилась еще в советской историографии. Начиная с работы А. Б. Резникова, шиитское духовенство характеризовалось как «консервативная социальная прослойка» [1, с. 136], которая была вынуждена защищать традиционный образ жизни, так как реализация шахских проектов грозила ему полным устранением из общественной жизни Ирана. Подобная характеристика присутствует и в первом научном исследовании, посвященном шиитскому духовенству в отечественной иранистике. Речь идет о классической работе Е. А. Дорошенко, в которой она, характеризуя исход Исламской революции в Иране, пишет об одержанной победе «наиболее консервативным сословием – шиитским духовенством, которое заставило Иран повернуть вспять и жить по средневековым мусльманским канонам» [2, с. 9].

Западная историография не столь однозначно оценивает роль улама в антишахском движении. Один из первых биографов имама Хомейни Эдди Стоун категорично утверждает, что шахские реформы шли в русле реализации исламских принципов, тогда как действия имама – это антиисламская позиция [3, р. 128]! Эрванд Абрахамян отвергает обвинения в отношении имама Хомейни в категориях фанатизма, радикализма или религиозного фундаментализма. По его мнению, более корректно говорить об имаме Хомейни как о популисте [4, р. 1]. Никки Кедди рассматривает деятельность Хомейни как ответную реакцию в русле национально-освободительного движения в Иране, направленного против проамериканского и просионистского шахского режима внутри страны, против империализма и неокониализма на внешнеполитической арене [5, р. 192].

В мировой историографии устоялась точка зрения, согласно которой активизация и радикализация шиитского духовенства, во главе которой оказался аятолла Рухолла Мусави Хомейни, произошла после кровавых событий 15 хордада 1342 г. хиджры (5 июня 1963 г.). И иранская официальная историография начинает отсчет Исламской революции также с событий 15 хордада. Однако ознакомление с источниками, в первую очередь с трудами самого имама Хомейни, такими как «Каутар» [6] и «Сахифи-йе имам» [7], дают возможность откорректировать данную точку зрения, так как события 5 июня 1963 г. нельзя рассматривать без анализа событий октября – декабря 1962 г., когда шахские власти инициировали разработку законопроекта о местных выборах, вызвавших жесткую критику со стороны аятоллы Хомейни, выведя его на передний план антишахской оппозиции со стороны шиитских улама.

Причины событий, которые произошли в 1962–1963 гг., необходимо искать, как ми-

нимум, в последствиях военного переворота 19 августа 1953 г., когда при поддержке США было свергнуто национальное правительство Мохаммада Мосаддыка, идеолога и лидера светского Национального фронта (НФ). До 1957 г. в Иране действовало военное положение, которое давало шахским властям безнаказанно расправляться с любой оппозицией. Лидер ведущей оппозиционной партии М. Мосаддык находился под домашним арестом, тогда как большинство членов НФ преследовались властями. Но наиболее жестко преследовались коммунисты из партии Туде как среди гражданских, так и среди военных кругов. В середине 1955 г. в армии была раскрыта военная ячейка Туде, арестовано около 600 офицеров армии, что привело к разгрому и упадку Туде как политической силы. Лидер военного крыла Хосров Рузбех подвергся пыткам и был казнен [8, р. 63].

Опираясь на генералитет и армию, шах фактически до 1957 г. управлял страной посредством военных кабинетов. В частности, до 1955 г. функции премьер-министра выполнял непосредственный исполнитель августовского переворота генерал Фазлолла Захеда. Успешное осуществление переворота окончательно переориентировало Иран с Великобритании на США, которые становятся «кураторами» укрепляющегося у власти шахиншаха Мохаммада Реза Шаха. В 1959 г. между США и Ираном было заключено двустороннее соглашение по вопросам обороны, направленное против СССР. На модернизацию иранской армии США выделили 500 млн долл., что позволило шаху увеличить расходы и довести численность армии до 200 000 чел. В 1955 г. Иран, подчеркивая верность выбранному внешнеполитическому курсу, присоединяется к Багдадскому пакту, а после его роспуска, в 1958 г. – к СЕНТО – Организации Центрального договора [9, р. 115].

Умиротворив к 1957 г. страну, военные были выведены из правительства, которое возглавил Манучехр Икбал, декан Тегеранского университета, личный друг шахиншаха и слывший при этом «либералом». Именно Икбал отменил военное положение в стране и начал осуществлять меры по введению демократических свобод – свободы прессы и свободы слова. По аналогии с американской партийной системой Икбал инициировал процесс создания двух партий – Меллион (Национальная партия) и Мардом (Народная партия). Правда, в народе все эти новшества воспринимали с юмором, называли, например, две партии – партия «Да» и партия «Да, сэр» [10, р. 240]. К тому же Меллион возглавлялась самим премьером, а «оппозиционная» Мардом – Асадоллой Аламом, придворным чиновником и доверенным лицом шахиншаха.

На фоне прихода в 1960 г. в США к власти демократического кандидата в лице Джона

Кеннеди, ставшего 35-м президентом, в Иране активно стали обсуждать дальнейшие демократические преобразования и расширение гражданских свобод. Вышедший из подполья НФ начал выступать за свободные выборы, критикуя власть, обвиняя ее в инфляции, коррупции и неэффективном управлении.

В июне 1960 г. в стране прошли очередные парламентские выборы в 20-й маджлис. Итоги голосования вызвали бурю негодования со стороны оппонентов власти, так как премьер-министр Икбал, заключив соглашение с партией Мардом, фактически заблокировал избрание независимых кандидатов, не являвшихся членами двух парламентских партий. При этом все это делалось открыто, не скрывались факты явных подтасовок при подсчете голосов. Разразившийся скандал даже заставил шаха дистанцироваться от выборов и их результатов и пойти на беспрецедентный шаг – посоветовать «избранным» депутатам самим подать добровольно в отставку [11, р. 140]. Это стало причиной и отставки Икбала с поста премьера в сентябре 1960 г. Однако сменивший его Джафар Шариф-Эмами также «провалил» парламентские выборы в январе 1961 г., активно используя административный ресурс на провинциальном уровне, блокируя избрание негодных кандидатов. «Избранный» таким образом маджлис был распущен в мае того же года решением шаха. Как итог, Эмами также потерял свой пост в апреле 1961 г. Новым премьер-министром стал Али Амини, «знаковая» фигура, демонстрировавшая сближение с американской стратегией, направленной на реформирование стран-союзников США в регионе Ближнего Востока. Сам Амини имел большие связи в окружении президентской администрации Дж. Кеннеди и демократической партии еще в бытность свою послом Ирана в Вашингтоне. В правительство Амини были включены «либеральные» министры, ставшие апологетами «Белой революции шаха и народа»: Хасан Арсанджани (сельское хозяйство), Мохаммад Дарахшиш (образование) и Нур ад-Дин Аламути (юриспруденция) [11, р. 423]. Именно первому, кстати говоря, принадлежит идея названия разрабатываемых реформ.

Новый премьер-министр начал с провозглашения аграрной реформы, борьбы с коррупцией, стабилизации экономики, ограничения власти шаха и уменьшения влияния военных. В январе 1962 г. правительство Амини представило проект аграрной реформы, вызвавший резкую критику за его «радикализм» со стороны крупных земельных собственников. Но после того, как кабинет предложил сократить расходы на армию, это стало причиной для отставки Амини в июле 1962 г. Его сменил уже упомянутый Асадолла Алам, придворный чиновник и близкий друг шаха. В связи с отсутствием действующего маджлиса у властей страны возникли

серьезные сложности с легализацией законопроектов заявленных реформ. Это вынуждало шаха опубликовать указ о наделении Алама особыми полномочиями на 6 месяцев, которые далее были продлены. Власти страны и шах были заинтересованы в реформировании избирательной системы страны, чтобы в будущем избежать тех казусов, которые сопровождали парламентские выборы в 20-й маджлис. Этому и призван был способствовать внесенный 8 октября 1962 г. на общественное обсуждение законопроект «Закона о выборах в провинциальные и районные советы», широко освещавшийся в прессе, вышедший под заголовком «Женщинам предоставлено право голоса» [6, р. 44].

Ознакомление с текстом законопроекта вызвало негодование и критику со стороны ряда улама, самым активным из которых оказался аятолла Хомейни, живший и преподававший в почитаемом шиитами г. Кум с мавзолеем Фагимы Масуме – родной сестры восьмого шиитского имама Али ар-Риды (Резы), чья могила находится в г. Мешхед. По инициативе аятоллы Хомейни вечером 8 октября состоялась встреча ведущих аятолл г. Кум, на которой присутствовали аятоллы Гольпаегани, Наджафи-Мараши, Шариатмадари, Занджани, Дамад, Амоли и Хаири [6, р. 45]. В результате было принято решение о начале кампании протеста против законопроекта, что должно выражаться в отправке на имя шаха телеграмм, обращений и писем.

Сам аятолла Хомейни в личном послании шаху от 9 октября 1962 г. «выразил глубокую озабоченность» видных улама по поводу отсутствия обязательного условия «быть мусульманином» для выдвижения кандидатур и голосования за такого кандидата, а также предоставления избирательного права женщинам. По словам Хомейни это может нарушить «душевное спокойствие людей» [7, р. 73].

Не получив ответа, аятолла Хомейни 20 октября отправляет телеграмму на имя премьер-министра Алама. В ней он указывает на длительный срок отсутствия действующего маджлиса в стране, что дает возможность правительству предпринимать шаги, «противоречащие самым священным законам ислама и противоречащим основному закону государства». В своей телеграмме Хомейни впервые обращает внимание на вопиющий факт нарушения Конституции предлагаемым законопроектом о предоставлении избирательного права женщинам и утверждает, что ст. VII и IX «Закона о выборах в провинциальные и районные советы» противоречат статье II Дополнения к Конституции от 1907 г. Поэтому администрация Алама несет прямую ответственность и должна предпринять «срочные меры для исправления этой ошибки, следуя установленным законам ислама и национальным законам, чтобы подобное не повторялось в будущем» [7, р. 75].

Инициатива с организацией общественного протеста против предложенного законопроекта получила широкую поддержку от улама и верующих по всей стране. В Кум стали прибывать делегации верующих для встреч и консультаций с аятоллой Хомейни. Так, 28 октября состоялась встреча с делегацией от тегеранского базара, на которой аятолла заявил, что «религиозный долг» всех верующих состоит в том, чтобы призвать власти не приводить в действие законопроект о предоставлении избирательных прав женщинам. В случае его принятия обязательно последуют и другие подобные вещи. Правда, он не уточнил, какие именно последуют «вещи», но подчеркнул обязанность верующих продемонстрировать свое неприятие подобными инициативам власти и обратиться к шаху и правительству с очередными петициями и телеграммами, в которых следует выразить свои опасения и предупреждения. Хомейни посоветовал базари не проводить каких-либо массовых акций протеста и тем более забастовок [7, р. 76]. Нет необходимости в таких акциях, народ и так в массовом порядке высказывает свое осуждение к действиям шаха и правительству [7, р. 77].

Аятолла Хомейни был уверен в развитии массового национального движения по всей стране и во всех слоях общества. В письме на имя аятоллы Мохаммада Таги Фальсафи от 31 октября 1962 г. он раскритиковал инициативу аятоллы Ахмада Мусави Хонсари, предложившего провести встречу шиитских богословов в столичной мечети Сейида Азизуллы. Поддержав, так скажем, повестку встречи, Хомейни осудил ее по сути кулуарный характер, так как вместимость мечети не превышает 4 тыс. мест. «Нельзя проводить данное мероприятие в таком маленьком помещении, которое напоминает шкаф, в котором можно спрятаться» [7, р. 80]. По словам аятоллы, не надо замыкаться в кругу улама, а необходимо проводить подобные мероприятия так, чтобы на них могли присутствовать как можно больше простого народа и в особенности молодежи в целом и студентов в частности. Самым лучшим местом может стать открытое пространство, как в городе, так и в пригороде. Акция должна быть мирной, она продемонстрирует волю народа и его неприятие действий властей, которые не посмеют прибегнуть к насилию, уверен Хомейни [7, р. 81].

Отсутствие со стороны властей требуемых шагов по отмене законопроекта, попытка шаха убедить Хомейни в его «заботе о соблюдении религиозных обычаев» [6, р. 51] заставили аятоллу вновь обратиться с посланием на имя шаха 6 ноября. По словам Хомейни, народ именно ждет от шаха того, о чем тот заявляет [7, р. 83]. Однако действия и слова премьер-министра А. Алама заставляют в этом усомниться. Господин Алам пренебрегает бесчисленными письмами

и обращениями на его имя со всей страны, в которых содержится призыв придерживаться норм ислама, и не подменять «клятву на Коране», которую должны приносить все избранные депутаты маджлиса, «клятвой на Священной книге». Хомейни призывает шаха «не доверять тем людям, которые хотят дискредитировать Конституцию, являющуюся главной гарантией государственности и монархии» [7, р. 84].

Попытка затягивания и замалчивания существующей проблемы контрпродуктивна, так как власти страны не смогут успокоить ситуацию, делая вид, что ничего серьезного не происходит. Наоборот, обращаясь к верующим Кума, 11 ноября, Хомейни особо подчеркивает: «Мы говорим о том, что ислам в опасности. Улама не могут молчать» [6, р. 49]. У власти есть возможность все решить мирно и исправить ситуацию, так как в противном случае, «настанет день, когда с вашей помощью мы решим принять меры против правительства» [7, р. 87]. Но пока, по мнению Хомейни, необходимо набраться терпения и дать время правительству принять необходимые меры.

Меры, необходимые для принятия правительством, Хомейни попытался донести в обращении на имя премьер-министра А. Алама от 23 ноября. Аятолла предостерегает Алама в том, что ждет и не намерен сдаваться, отказавшись от требования отмены законопроекта о выборах. Молчание и бездействие власти заставляет народ начать подозревать правительство в стремлении «оставить нас на милость кучки евреев, переодетых бежаитами» [7, р. 90]. Народ еще пока мирно высказывает свое мнение, но открытое пренебрежение им, предостерегает Хомейни, может привести к тому, что «они могут сделать все, что сочтут нужным» [7, р. 90].

После инициированных Хомейни акций по закрытию базаров в столице и городах по всей стране, начавшихся 23 ноября, правительство А. Алама заявило сначала о согласии пересмотреть отдельные положения закона о выборах, а 29 ноября на фоне не прекращающихся протестов сообщило об отзыве законопроекта. Данное решение в телеобращении 30 ноября был вынужден лично подтвердить сам премьер-министр А. Алам. После такого заявления часть улама Кума во главе с аятоллами Наджафи-Мараши и Гольпаегани в совместном обращении выразили свою благодарность шаху, правительству, а также народу за сотрудничество. Этот шаг вызвал возмущение у аятоллы Хомейни, так как непонятно, за что благодарить власти страны, которые стали главными виновниками данного инцидента.

Внезапное решение правительства на фоне длительного затягивания вопроса заставило Хомейни усомниться в самостоятельности действий властей. Он высказал предположение, что премьер-министр А. Алам в данном случае дей-

ствовал под внешним нажимом либо со стороны США, Британии, либо даже Советского Союза. Эта мысль прослеживается у него в его большой проповеди от 2 декабря, посвященной поздравлению верующих с их победой в «религиозном восстании», которым они преподали иностранным державам соответствующий урок [7, р. 107]. Именно решимость улама стоять до конца, уверен Хомейни, заставило иностранные силы и шаха отказаться от законопроекта и в спешке, в полночь 30 ноября отправить телеграммы с известием об отзыве законопроекта.

В своем обращении Хомейни подробно разбирает против чего и за что боролись улама и присоединившиеся к ним верующие. По его словам, в статьях Конституции четко прописано, что право голоса на выборах имеют мужчины, которые являются мусульманами. Это положение основывается на законах Корана, традиции Пророка и имамов. Согласно второй поправке Конституции ответственность за соблюдение принципа соответствия принимаемых законов нормам ислама лежит на улама, а именно на муджтахидрах (юристах) и факихах (правоведах) [7, р. 112]. Поэтому улама и выступили с критикой предложенного законопроекта как не отвечающего и идущего вразрез с исламом.

Предложенный правительством А. Алама законопроект заставляет подозревать, что он был инициирован властями не случайно, его ратификация должна была способствовать дальнейшему усилению иностранного влияния в стране. Уже сегодня, по словам Хомейни, иностранные специалисты приезжают в страну в качестве врачей, инженеров, строителей, в то время как, со слов самого шаха, в Иране есть свои специалисты, «так зачем вы нанимаете их за границей», вопрошает аятолла [7, р. 115]. Улама выступают против этого, но шахские власти и медиа обвиняют их в том, что они «против экономического развития страны». Хомейни полностью отрицает данное обвинение, подчеркивая факт длительной озабоченности улама вопросами развития страны на протяжении последних 500 лет, когда при Сефевидях шиизм стал государственной религией. Наоборот, улама всегда выступали за развитие и независимость страны. Необходимо, чтобы вопросы жизнеобеспечения общества и независимости страны находились в руках народа. И ради этого необходимо сохранять бдительность в отношении планов и заговоров со стороны иностранных держав. Противостояние им имеет как внешнюю форму, так и внутреннюю, на психологическом уровне. Хомейни отмечает, что внешнее поражение не так опасно и катастрофично, по сравнению с признанием психологического поражения. Последнее будет означать духовный кризис общества, который ведет к внутреннему опустошению человека, превращающее его в послушную марионетку внешних сил.

Одним из проявлений такого вызова духовным устоям мусульман стал вопрос эмансипации женщин в Иране. Хомейни осуждает шаг правительства по принудительному отказу в праве женщинам носить чадру в правительственных учреждениях, что впервые было введено еще при Реза Шахе. Сейчас в инициативах правительства А. Алама планируется эту практику распространить и на провинциальный уровень, что вновь нарушит права женщин и, более того, может парализовать весь административный аппарат на местах [7, р. 116].

Духовную силу народу придает вера в Аллаха и законы ислама. Стражами и проводниками исламского духа в обществе выступают улама. «И, если мы увидим, что иностранный дьявол вновь сосредоточился на нашей нации, мы будем действовать точно таким же образом», заявил Хомейни [7, р. 117]. И все произошедшее за последние месяцы должно стать предостережением шаху и правительству, уверен аятолла [7, р. 120].

Факт отказа властей страны от ратификации своего же законопроекта под влиянием активного сопротивления со стороны общественности, во главе которого оказались улама с аятоллой Хомейни, надо рассматривать как его победу. С данной позиции подается итог этого противостояния и в официальной иранской историографии, когда сейид Ахмад Хомейни, в предисловии к сборнику трудов своего отца, написал: «Это была первая политическая победа иранской нации под руководством имама Хомейни после государственного переворота 19 августа 1953 года» [6, р. 9]. И надо ли говорить, что активная позиция, занятая Хомейни в вопросе ратификации законопроекта о выборах в провинциальные и районные советы, вывела его на вершину антишахского движения, превратив в лидера и духовного наставника наиболее радикальной группы внутри улама и народа. Данный статус аятоллы Хомейни стал очевиден после того, как шах своим волевым решением вынес 26 января 1963 г. на всенародный референдум свой проект кардинальных реформ в стране, получивших название «Белая революция». Попытка задействовать разработанные мирные формы протеста против антиконституционного мероприятия, которым был референдум, инициированные аятоллой Хомейни, оказалась тщетной. Провал мирного протеста привел к его радикализации, что вылилось в кровавые события 5 июня 1963 г. Последовавший арест, а затем и высылка аятоллы Хомейни в ноябре 1964 г. из страны сделали его убежденным противником монархии и сторонником построения в Иране Исламской республики.

Список литературы

1. Резников А. Б. Иран : падение шахского режима. М. : Политиздат, 1983. 160 с.

2. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях : 1905–1911 и 1978–1979 гг. М. : Институт востоковедения РАН, 1998. 240 с.
3. Stone E. Khomeini : The Shah, the Ayatollah, the Shi'ite explosion. Los Angeles : Holloway House, 1980. 221 p.
4. Abrahamian E. Khomeinism : Essays on the Islamic Republic. Berkeley : University of California Press, 1993. 188 p.
5. Keddie N. R., Richard Y. Modern Iran : Roots and Results of Revolution. Yale University Press, 2006. 420 p.
6. Khomeini R. Kawthar. An anthology of the speeches of Imam Khomeini, including an account of the events of the Islamic revolution, 1962–1978 : in 3 vols. Vol. 1. Tehran : The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 1995. 611 p.
7. Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's speeches, messages, interviews, decrees, religious permissions, and letters : in 22 vols. Vol. 1. Tehran : The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2008. 585 p.
8. Amjad M. Iran : From royal dictatorship to theocracy. New York : Greenwood Press, 1989. 200 p.
9. Tabatabai A. No Conquest, No Defeat : Iran's National Security Strategy. Oxford : Oxford University Press, 2020. 400 p.
10. Axworthy M. A history of Iran : Empire of the mind. New York : Basic Books, 2010. 376 p.
11. Abrahamian E. Iran between two revolutions. Princeton : Princeton University Press, 1983. 580 p.

Поступила в редакцию 24.03.2022; одобрена после рецензирования 29.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 24.03.2022; approved after reviewing 29.03.2022; accepted for publication 12.04.2022

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 350–355

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 350–355

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-350-355>

Научная статья

УДК [[94+329.17](560)(=352.3):327(410)]|18|

Международный аспект участия черкесов в младотурецком движении на исходе XIX века

В. В. Цибенко

Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Цибенко Вероника Витальевна, кандидат исторических наук, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований, tsibenkov@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-5755-1231>, Author ID: 593692

Аннотация. В статье рассматривается роль в младотурецком движении северокавказских эмигрантов, известных в турецкой традиции как черкесов. Начиная с XIX в. черкесская проблематика сохраняла высокую политическую значимость в международной повестке, превращая черкесов и их проектируемое северокавказское государство в протосубъект международных отношений. Основную поддержку такой субъективизации в XIX в. оказывала Великобритания, однако завершение в 1864 г. Кавказской войны и относительная стабилизация отношений с Россией снизили значимость черкесской проблематики для Британской империи. Данный контекст позволяет по-новому взглянуть на малоизученное участие черкесов в младотурецком движении, одним из основных центров которого являлся подконтрольный британцам Египет.

Ключевые слова: Турция, Османская империя, младотурки, черкесы, Кавказ, «Единение и прогресс», национализм

Для цитирования: Цибенко В. В. Международный аспект участия черкесов в младотурецком движении на исходе XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 350–355. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-350-355>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

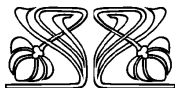
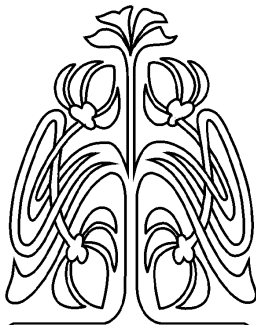
The International aspect of Circassian Involvement to the Young Turk movement in the 19th century

V. V. Tsibenko

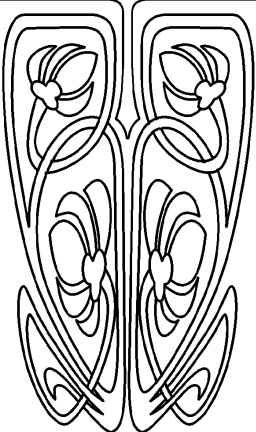
Southern Federal University, 105/42Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Veronika V. Tsibenko, tsibenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5755-1231>, Author ID: 593692

Abstract. The author traces the role of North Caucasian emigrants (Circassians) in the Young Turk movement. For a long time, since the 19th century, Circassian question have maintained high political importance on the international agenda, turning Circassians and their projected North Caucasian state into a proto-subject of international relations. The main support for such subjectivisation was provided by Great Britain, but up to the end of the 19th century Circassian issues had lost much of its importance for the British Empire. This context allows us to take a fresh look at the little-studied topic of participation of Circassians in the Young Turk movement, one of the main centres of which was Egypt under British control.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Keywords: Ottoman Empire, Young Turks, Circassians, Caucasus, Committee of Union and Progress, Nationalism

For citation: Tsibenko V. V. The International aspect of Circassian Involvement to the Young Turk movement in the 19th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 350–355 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-350-355>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Девятнадцатый век стал для Османской империи временем глобальных структурных сдвигов. Государство, находившееся в тяжелом экономическом положении, переживало целый ряд социально-политических и военных кризисов. В этих условиях османские власти запустили серию вестернизационных реформ, направленных на всестороннюю модернизацию империи, и приступили к реализации проекта османизма или паносманизма [1], уравнивавшего мусульманских и немусульманских подданных.

Идеи равенства и секуляризации, позаимствованные из политических программ западных государств, должны были привести к замене сложившейся миллетной системы – конфессионального деления по общинам (осм. *миллет*) с их иерархией привилегий – правами отдельных граждан, однако на деле давали преимущество христианам, имевшим более высокий уровень образования, экономического развития и национального самосознания [1, p. 177–178].

Во время реализации этих реформ в политических элитах и формирующейся османской интеллигенции началось доминировать прозападное крыло, которое в 60-е гг. развилось как движение новых османов. В 1865 г. они создали тайное общество, выступавшее против абсолютизма и планировавшее революцию по французскому сценарию. В 1876 г. им удается сместить султана Абдул Азиза I (1861–1876) и добиться у пришедшего к власти Абдул Хаида II (1876–1908) принятия первой турецкой конституции и первого в исламском мире Гражданского кодекса на основе шариата [2, с. 52].

Однако уже в 1877 г. конституция была упразднена, а открытый в том же году парламент с участием немусульман распущен в 1878 г. [3, с. 216, 221–224]. Начался продлившийся несколько десятилетий период консервативной реакции и преследований представителей оппозиционных элит, получивший в историографии название режима деспотии (осм. *зулум*).

Абдул Хаид II вводит систему личной власти, опирающуюся на его авторитет не только как султана для подданных, но и халифа для мусульман всего мира. Основой политики Османской империи вместо османизма становятся панисламизм, принятый в качестве официальной идеологии, и усиление внутри государства мусульманского миллета, что диктуется также и внешними факторами – поражением в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и территориальными потерями на Балканах.

В этих условиях преемниками новых османов становятся младотурки или по-французски «*Jeunes Turcs*», как их окрестили в Европе

по аналогии с другими национальными модернистскими движениями того времени, например, младоитальянским. Однако данное название вводит в заблуждение, поскольку движение никак нельзя считать в истинном смысле турецким. В действительности оно объединяло представителей разных этнических и национальных групп вокруг идеологии османизма.

Некорректное наименование движения, вызванное популярностью в прогрессивистской среде того времени идей национализма, до сих пор приводит к смещению исследовательского фокуса в российской и зарубежной литературе с многонационального характера младотурецкого движения на его связь с последующим турецким национальным проектом, которая абсолютизируется до полного отождествления позднего османизма со светским национализмом Турецкой Республики.

Для преодоления этого одностороннего взгляда перспективно изучить роль в младотурецком движении представителей разных этнических и конфессиональных групп, многие из которых одновременно развивали собственные национальные проекты. В данной статье рассматривается вопрос участия в движении северокавказских эмигрантов, которые в османской, а затем и турецкой традиции известны как черкесы.

На протяжении длительного времени, начиная с XIX в., черкесская проблематика сохраняет высокую политическую значимость в международной повестке, превращая черкесов и их проектируемое северокавказское государство в протосубъект международных отношений. Основную поддержку такой субъективизации в XIX в. оказывала Великобритания, однако завершение в 1864 г. Кавказской войны и относительная стабилизация отношений с Россией снизили значимость черкесской проблематики для Британской империи. Данный контекст позволяет по-новому взглянуть на малоизученное участие черкесов в младотурецком движении, одним из основных центров которого являлся подконтрольный британцам Египет.

С Османской империей у черкесов на протяжении нескольких веков выстраивались комплексные отношения, которые включали военно-политические и торговые взаимосвязи, опиравшиеся на развитую систему работорговли. К XIX в. для черкесов Османская империя представляла собой и хорошо известный маршрут миграций, и сеть кровнородственных связей, и религиозный центр притяжения. В ходе военного присоединения Кавказа к Российской

империи эти факторы обусловили решение значительной части северокавказского населения в завершающей фазе Кавказской войны переселиться в Османскую империю.

Миграционная волна охватила согласно разным подсчетам от нескольких сот тысяч [4, р. 6–7, 9–10; 5, р. 104] до нескольких миллионов человек [6, р. 27, 68–70] и заложила вместе с аналогичным переселением крымских тюрок после присоединения Крыма к России в 1784 г. основу для формирования в Турции крупнейших диаспор черкесов и крымских татар. Исход местного населения с Кавказа считается отправной точкой и для появления международного Черкесского вопроса о возвращении черкесов на историческую родину и «воссоздании» их государственности, однако в действительности он возник в международной повестке великих держав еще в первой половине XIX в. как часть глобального Восточного вопроса по разделу территорий Османской империи и западной политики по сдерживанию Российской империи [7].

Массовое переселение черкесов в Османскую империю поставило их перед необходимостью приспособляться к новым условиям с учетом социально-политической конъюнктуры. Черкесов активно привлекали к государственной службе, задействовали в армии, полиции и жандармерии. Пришедший к власти Абдул Хамид II сформировал особую «черкесскую политику» в рамках общего панисламистского направления, превратившую черкесов наряду с курдами и албанцами в самый влиятельный элемент Османской империи и ближайшее окружение султана. Эта политика, имевшая и внешнеполитическое применение для сплочения вокруг халифа мусульман всего мира, носила системный государственный характер и делала черкесов «важной составной частью механизма реализации внутривосточных решений» [8, с. 69].

Однако близость черкесов к верховной власти превращала их не только в основной инструмент государственной политики, но и в ее ключевых акторов. Следствием чрезмерного усиления черкесов в административной сфере является формирование ими независимой от султана политики, о чем свидетельствуют регулярно с 1880 г. раскрывавшиеся черкесские антисултанские заговоры, в числе которых дело «о заговоре черкесов дворца» 1880 г. с участием высокопоставленных чиновников и военных [8, с. 73–75], а также их вовлечение на руководящих позициях в тайные кружки новых османов, а затем – младотурок.

Младотурецкое движение изначально опиралось на военные элиты по аналогии с другими революционными движениями того времени. Одним из четырех основателей первой младотурецкой ячейки в Константинополе, возникшей в 1889 г. в военно-медицинском училище, был черкес Мехмед Решид. Организаторы созданного

в 1894 г. младотурецкого Османского общества «Единение и прогресс» (*Османлы Иттихад ве Теракки Джемиети*), объединявшего антихамидовские силы против «диктатуры», также представляли крупнейшие нетюркские мусульманские группы. В его составе были четверо черкесов, один албанец, два курда.

Сочувствовали младотурецкому движению или напрямую участвовали в нем и высокопоставленные черкесы. Известно о создании в Константинополе оппозиционной реформистской «Партии черкесов», черкесском комитете или меджлисе, во главе которого стоял маршал Фуад-паша. За свою оппозиционную деятельность в 1902 г. он был лишен званий и сослан в отдаленные провинции вместе с сотнями соотечественников [8, с. 75–76; 9, с. 12].

Фуад-паша входил также в авторскую комиссию по подготовке труда «История Черкесии», которая была расформирована в 1882 г. по доносу начальника безопасности, доверенного лица султана, черкеса Ахмеда-Джалалладин-паши на этапе подготовки рукописи к печати. Члены комиссии были либо отправлены в ссылку, либо взяты под наблюдение [10, с. 67–68]. Спустя 2 года другой член этой комиссии, литератор Ахмед Мидхат, имевший большой стаж еще в движении новых османов, поставил на столичной театральной сцене пьесу о Кавказе «Черкесское дворянство», после чего султанские власти закрыли театр и снесли его здание [10, с. 68].

Эти ссылки и преследования были связаны с оппозиционной деятельностью кавказских лидеров и их либеральной идеологией. Объединение на оппозиционной и секулярной основе выходцев из кавказского региона несло очевидные риски для султанского правления, опиравшегося на панисламистскую идеологию. Однако младотурецкое движение не было однородным, часть его, доминировавшая в Египте, имела выраженные происламские настроения.

Однако здесь султан видел еще большую опасность. Бежавшие в Европу и поддерживаемые ведущими западными государствами лидеры младотурецкой оппозиции находились далеко, их влияние было ограничено, и они могли быть представлены как враги ислама и халифата. В случае же египетской части младотурецкого движения можно говорить уже о внутрисламской конкуренции за легитимность внутри империи и при ведущей поддержке Великобритании.

В то время Египет признавался самоуправляемой частью Османской империи лишь формально, а фактически с 1882 г. он находился под британской оккупацией, вошедшей в западную, а затем и российскую историографию как «завуалированный протекторат» [11, р. 66]. При правлении Абдул Хаида II Каир стал одним из главных центров движения младотурок и их публикационной активности [12].

Черкесы в Египте еще до османов представляли военную элиту или даже «аристократию», пополняемую через торговлю рабами с Кавказа. С периода мамлюкского султаната (с конца XIV в.) они сохраняли, как указывает Жюльен Луазо, свою этническую идентичность, превратив ее в этническую привилегию [13, р. 210–215]. Несмотря на борьбу, которую британские консулы вели с работорговлей в Египте с 1860-х гг., она процветала до конца XIX в.

Офицерский состав египетской армии комплектовался преимущественно турками и черкесскими рабами до середины 70-х гг. XIX в., когда с двух-трехкратным увеличением офицерского корпуса за счет наскоро обученных «выходцев из народа» сформировалось новое арабское поколение националистов («младоегиптян») с их лозунгом «Египет для египтян» и требованиями очистить военное руководство от инонациональных элементов, иными словами, массовое националистическое движение [14, с. 19]. Поскольку движение носило антиимпериалистический характер, естественными союзниками британцев в Египте стали «старые» элиты, в первую очередь черкесы, которые под британским контролем развили младотурецкую активность.

Превращение Каира под английским протекторатом в оппозиционный центр и, по словам Хасана Кайалы, в «Гайд-парк Ближнего Востока» [15, р. 46], нельзя назвать случайным. Великобритания уже ранее перешла к форсированной поддержке османской оппозиции, представленной арабскими лидерами. С 1984–1985 гг. в Лондоне выпускалась газета «Хюрриет» с младотурецкими лозунгами, распространявшаяся в Османской империи при британском участии [16].

В конце 70 – начале 80-х гг. XIX в. в Египте развились сеть арабских тайных обществ и оппозиционная периодическая печать собственно национального типа. Последняя была представлена серией арабских антиосманских и одновременно антизападных газет и журналов с требованиями национальной автономии Египта (например, «Миср аль-Фатат», «Ат-Танкит ва ат-табкит», «Абу Наддара»).

В противовес им британцы делали ставку на поддержку черкесской и турецкой военных элит [14, с. 19–21]. В Каире выпускались младотурецкие газеты «Мизан» (1896–1897), «Санджак» (1899–1902) и «Шура-и Уммет» (1902–1906), издаваемые черкесами Мурад-беом (Мизанджи) и Ахмедом Саибом – переселенцами из Дагестана, получившими образование в имперских учебных заведениях (ставропольская гимназия, военное училище, Московский университет) [17, с. 192; 18, с. 97].

Британцы поддерживали Мурад-бея и в ответ на запросы османских властей о запрете его деятельности как осложняющей англо-турецкие отношения и закрытии «Мизан» и других младотурецких журналов неизменно давали ответ

о свободе прессы и невозможности вмешиваться во внутренние дела Египта. Единственное, чего удалось добиться султану – это прекращения открытого финансирования младотурецкой прессы взамен на приостановку англофобской кампании в османской прессе [19, р. 82, 101, 138].

Если до середины 90-х гг. XIX в. центром пропагандистской и организационной работы общества «Единение и прогресс» был Париж, то в результате дипломатических усилий Османской империи во Франции [19, р. 110, 113, 118] и разгрома младотурецкого движения в Константинополе основная деятельность младотурок ненадолго переместилась в Каир, который при британской поддержке сохранял свой статус до конца XIX в. В это время значительную часть каирской ветви младотурецкого движения составляли военные офицеры, бежавшие из страха репрессий из Триполитании (места ссылки неблагонадежных лиц). В их числе был отставной майор жандармерии, черкес Мехмед Эмин, который создал в 1899 г. первую черкесскую организацию Османской империи – «Общество единения черкесов» (*Джемиет-и Иттихадийе-и Черакесе*) и начал издавать черкесскую газету «Иттихад», единственный номер которой был выпущен 15 октября 1899 г. [20].

О выпуске других номеров газеты ничего не известно, однако в османских архивах сохранился документ, датированный 18 октября 1899 г., о запрете черкесом Хасан-пашой, высокопоставленным и близким к султану полицейским чиновником, издания газеты, ее ввоза из Египта и изъятия наличных экземпляров [21]. О серьезности этого запрета можно судить по указу Абдул Хамида II 1894 г., согласно которому следует наказывать тех, кто читает, распространяет или способствует распространению младотурецких изданий как членов тайных организаций [19, р. 101].

Судя по содержанию газеты, включавшей устав созданного общества, оно действовало как раз в рамках внутриисламской конкуренции с халифатской властью. Так, общество было призвано не только защищать «самобытность черкесов», но и действовать во благо «османской и мусульманской нации». Используя прогрессистский и модернизационный дискурс, османоязычная газета тем не менее имела выраженную религиозную направленность. Уже на первой странице было заявлено, что цель издания состояла в служении «возвышению ислама посредством работы по созданию условий для пробуждения и прогресса черкесских мухаджиров и всей османской нации» [20, с. 54, 59].

Способом решения накопившихся в империи проблем называлось преодоление цивилизационного отставания через вестернизационного типа просвещение, совмещенное с исламом [20, с. 56–58]. Оппозиционный характер газеты подчеркивался претензиями к османским властям

провинциального и центрального уровней из-за поддержки работорговли, негуманных условий расселения и эксплуатации переселенцев в корыстных целях. В вину османским элитам ставилось несоблюдение исламских норм в отношении к единоверцам, обман их надежд на защиту со стороны халифа.

Акцент на исламской солидарности нетурецких групп, как уже отмечалось, был в целом характерен для египетской ветви младотурецкого движения, являвшейся основным центром сотрудничества с представителями богословского сословия – *улемами* [19, р. 52, 101–103, 168]. Как отмечал один из младотурецких лидеров в Каире, его программа была нацелена на «бомбардировку режима Абдул Хамида II его собственной артиллерией, используя язык, почти дословно повторяющий тот, что использовался дворцом» [19, р. 103].

Исламская составляющая деятельности общества включала еще один аспект. Само его название, использовавшееся и для черкесской газеты, отсылало к основополагающему термину младотурок – «единство» (осм. *иттихад*) различных религиозных и этнических групп [1, р. 152–154; 22, s. 711–712]. Однако здесь уже прослеживается смысловая трансформация – вместо единства компонентов, выделявшихся миллетной системой, т. е. различных исламских и неисламских групп, в газете «Иттихад» можно увидеть идею о единстве исключительно исламских групп, в числе которых черкесы, в рамках одного османского миллета, «мусульманской нации».

Несмотря на свою проосманскую риторику, «Общество единения черкесов» вызвало негативную реакцию не только османских властей, но и представителей египетской ветви младотурецкого движения [19, р. 170], что привело к его скорому закрытию. Вскоре Мурад-бей в обмен на амнистию прекратил оппозиционную деятельность и был назначен в 1900 г. инспектором по расселению мигрантов в Эксишехир [20, с. 60–61].

Таким образом, на исходе XIX в. черкесы уже демонстрировали полную вовлеченность в общегосударственные процессы, протекавшие в империи. Более того, благодаря своей встроенности во властную вертикаль они выступали одними из самых активных и влиятельных участников этих процессов. Трагические аспекты переселения и реалии новой жизни в Османской империи привели к утрате у черкесов иллюзий в отношении поддержки великих держав, на которую они рассчитывали в ходе сопротивления России на Кавказе и массовой миграции в Османскую империю. Это, с одной стороны, позволило черкесам выработать более прагматичную линию поведения, а с другой – сделало многих представителей разочарованных черкесских элит сторонниками оппозиционных движений новых

османов и младотурок с их революционными идеями, однако с сохранением опоры на те же великие державы.

Идеология османизма первоначально стала для черкесов вызовом – в халифате, в который они переселялись, у них формально оказались равные права с немусульманами, а де факто их положение выглядело гораздо хуже в экономическом и культурном планах. Однако именно это повышало значимость черкесов в глазах Абдул Хамида II и превращало их в опору султанской власти, его ближайших доверенных лиц и проводников панисламистской идеологии.

Получив почти неограниченную власть и самостоятельность, в скором времени черкесы, включенные в наиболее подвергшийся модернизации и вестернизации институт Османской империи – армию, превратились в носителей западных либеральных и конституционных идей по реформированию системы власти. Через них идеология османизма получила новую интерпретацию – османской мусульманской нации.

Хотя черкесские лидеры, будучи частью младотурецкого движения, имели возможность вести оппозиционную деятельность и во Франции, и в Швейцарии, и в Великобритании, их идеи наиболее полно были реализованы в Египте под британской оккупацией. Озабоченность Британской империи настроениями в своих мусульманских колониях, которая только усилится в первой половине XX в., превращала черкесов в проводников «правильного» сплава вестернизации и ислама.

В определенном смысле для Великобритании черкесы становились эталонными османскими подданными – влиятельными мусульманами, высокопоставленными чиновниками и военными деятелями, задействованными в оппозиционном и вестернизационном проекте модернизации в соответствии с текущими британскими интересами, заключавшимися в расширении своих колониальных владений за счет османских территорий. Это объясняет, почему первая османская черкесская организация и газета появились именно в Каире и позволяют предположить, что при сохранении Египта в качестве центра младотурецкого движения черкесы могли бы играть в дальнейшем одну из ведущих ролей в британских планах переформатирования Ближнего Востока в рамках решения международного Восточного вопроса.

Список литературы

1. *Demirap Y.* Pan-Ideologies in The Ottoman Empire Against the West : From Pan-Ottomanism to Pan-Turkism // *The Turkish Yearbook.* 2005. Vol. 36. P. 139–158.
2. *Киреев Н. Г.* История Турции. XX в. М. : ИВ РАН, Крафт+, 2007. 608 с.
3. *Еремеев Д. Е., Мейер М. С.* История Турции в средние века и новое время. М. : Издательство МГУ, 1992. 248 с.

4. Papers Respecting the Settlement of Circassian Emigrants in Turkey. Presented to the House of Commons by Command of Her Majesty, in pursuance of their Address dated June 6, 1864. London : Harrison and Sons, 1864. 11 p.
5. *McCarthy J.* Population History of the Middle East and the Balkans. Istanbul : Isis, 2010. 323 p.
6. *Karpat K. H.* Ottoman Population 1830–1914. Demographic and Social Characteristics. Wisconsin : University of Wisconsin, 1985. 242 p.
7. *Tsibenko V. V., Tsibenko S. N.* Circassian Question : Transformation of Content and Perception // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36, iss. 2. P. 450–460.
8. *Авакян А. Г.* Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции (вторая половина XIX – первая четверть XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 224 с.
9. *Berzeg S.* Türkiye Kurtuluş Savaşında Çerkes Göçmenleri II. İstanbul : Nart Yayıncılık, 1990. 99 s.
10. *Aydemir İ.* Muhaceretteki Çerkes Aydınları. Ankara : s.p., 1991. 243 s.
11. *Carman H. J.* England and the Egyptian Problem // *Political Science Quarterly*. 1921. Vol. 36, № 1. P. 51–78.
12. *Gündüz M.* Educational Books Published by Young Turks in Egypt (1890–1908) // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 9. P. 1090–1095.
13. *Loiseau J.* Soldiers Diaspora or Cairene Nobility? The Circassians in the Mamluk Sultanate // *Union in Separation. Diasporic Groups and Identities in the Eastern Mediterranean (1100–1800)* / ed. by G. Christ, F. Morche, R. Zaugg, W. Kaiser, S. Burkhardt, A. D. Beihammer. Rome : Viella, 2015. P. 207–217.
14. *Макеев Д. А.* Проблемы формирования и политической активности интеллигенции Египта во время оккупационного режима (до 1901 г.) // *Вестник Владимирского государственного университета. Серия : Социальные и гуманитарные науки*. 2014. № 3 (3). С. 16–29.
15. *Kayali H.* Arabs and Young Turks : Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. Berkeley : University of California Press, 1997. 291 p.
16. *Şahin E.* Londra'da II. Abdülhamid'e Muhalif Bir Yayın : Civanpir'in Hürriyet'i // *Journal of Turkish Studies*. 2019. Vol. 52. P. 185–206.
17. *Karaoğlu Ö.* Osmanlı İktisat ve Maliyesi'ne Yerli Bir Yaklaşım Örneği : *Mizan Gazetesi* // *Bilgi Ekonomisi ve Yönetimi Dergisi*. 2013. Cilt VIII, Sayı II. S. 191–206.
18. *Ercoekun T.* Ahmed Saib ve Sancak Gazetesi // *Kebikeç*. 2008. № 26. S. 97–150.
19. *Hanioğlu M. Ş.* The Young Turks in Opposition. *Studies in Middle Eastern History*. New York : Oxford University Press, 1995. 390 p.
20. *Чочиев Г. В.* «Общество единения черкесов» и его печатный орган – газета «Иттихад» (Каир, 1899 г.) // *Вестник СПбГУ. Серия 13 : Востоковедение и африканистика*. 2011. Вып. 3. С. 52–62.
21. *Başbakanlık Osmanlı Arşivi Dahiliye Nezareti Mektubi Kalemî (BOA. DH.MKT) 2258.65.*
22. *Özkan K.* Mütareke Döneminde “Milliyet” Ve “Anâsır” Kavramı Üzerine Tartışmalar // *Belgi Dergisi*. Yaz 2018/I. Sy. 15. S. 694–727.

Поступила в редакцию 06.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 06.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 356–363

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 356–363

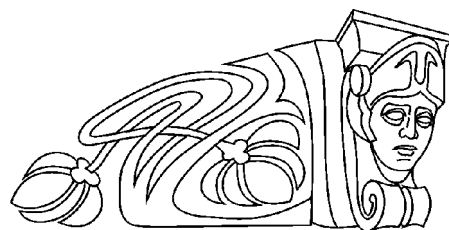
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-356-363>

Научная статья

УДК [94+325.1](44)|19/20|

Миграционная политика Франции на рубеже XX–XXI веков

О. А. Смирнова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23

Смирнова Ольга Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвокультурологии, oasmirnova64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3822-2154>, Author ID: 736442

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления миграционной политики Франции на рубеже XX–XXI вв., акцентируется внимание на мерах, предпринятых правительством Франции для регулирования миграционной политики. Формулируется вывод о том, что на данный момент в стране проделана большая работа по решению вопроса миграции, которая лишь немного ослабила миграционные потоки.

Ключевые слова: иммиграция, Французская Республика, миграционная политика, нелегальная миграция, миграционный кризис, беженцы, исламизация, экономические мигранты

Для цитирования: Смирнова О. А. Миграционная политика Франции на рубеже XX–XXI веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 356–363. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-356-363>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Migration policy of France at the turn of the 20th – 21st centuries

O. A. Smirnova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russia

Olga A. Smirnova, oasmirnova64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3822-2154>, Author ID: 736442

Abstract. The article considers the main directions of France's migration policy at the turn of 20th – 21st centuries and focuses on the measures taken by the French government to regulate migration policy. The author concludes that nowadays a lot of work has been done in the country to solve the problem of migration, which has slightly weakened migration flows.

Keywords: immigration, French Republic, migration policy, illegal migration, migration crisis, refugees, Islamization, economic migrants

For citation: Smirnova O. A. Migration policy of France at the turn of the 20th – 21st centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 356–363 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-356-363>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В начале XXI в. Франция стала ощущать последствия ранее проводимой миграционной политики во всех сферах общественной жизни. В их перечне – рост нелегальной миграции, возрастание влияния ислама, провал в области интеграции мигрантов.

Увеличение притока мигрантов-мусульман во Францию, сформировавшееся благодаря политике воссоединения семей и высокому уровню рождаемости в их среде, привело к тому, что в настоящий момент самая большая диаспора мусульман в Европе проживает именно во Франции, а ислам стал второй религией страны. По некоторым данным, число мусульманского населения

во Франции составляет 6,25 млн чел., т. е. 9% от общего населения страны [1]. Согласно данным исследовательского центра РЕУ эта цифра может вырасти до 6,9 млн (10,3%) [2]. Почти треть всех мигрантов-мусульман живут на пособия и не желают искать работу. Кроме того, мигранты имеют возможность получения трудовой пенсии.

Стоит отметить, что значительная часть мигрантов не смогла интегрироваться во французское общество. В совокупности с экономическими проблемами это стало причиной образования «гетто», неблагополучных районов на окраинах крупных городов, где активно развивается пре-

ступная деятельность. Сложившаяся ситуация способствовала обострению социальной напряженности и вылилась в массовые беспорядки. В конце октября 2005 г. в Париже и в его пригородах в результате гибели двух арабских подростков, скрывавшихся от полиции, начались беспорядки, сопровождавшиеся, в частности, многочисленными погромами, поджогами. «Мусульманское движение», помимо Парижа, затронуло такие города, как Лилль, Тулуза, Ренн и др. В 2006 и 2007 гг. в стране также имели место беспорядки, организованные мусульманской молодежью, но в меньших масштабах. В 2012 г. в г. Амьен прошли массовые беспорядки с участием мигрантов, которые подожгли муниципальные здания и несколько автомобилей, ранили 16 полицейских [3].

Неинтегрированное мусульманское население Франции представляет интерес для террористических группировок, которые занимаются вербовкой кадров и их подготовкой к терактам. Наглядным примером являются теракты, организованные в редакции *Charlie Hebdo* в январе 2015 г., а также в Париже в ноябре того же года.

Кроме того, серьезной проблемой для Франции стала нелегальная миграция. Ее масштабы оценивать трудно, однако в 2017 г., по данным полиции, в стране было зафиксировано около 300 тыс. нелегалов [4]. Нелегальные мигранты представляют большую опасность для французского общества и угрозу национальной безопасности. В первую очередь существует опасность распространения терроризма, поскольку среди мигрантов с Ближнего Востока зачастую оказываются члены террористических группировок (например, «Исламского государства»), которые направляются в Европу и, соответственно, во Францию с целью подготовки различного рода террористических актов. Помимо этого, нелегалы занимаются перевозкой и распространением оружия, наркотиков, контрабандных товаров. Нелегальные мигранты заняты в «теневой» экономике, в нелегальном бизнесе, способствуя развитию организованной преступности. Еще одной угрозой нелегальной миграции для французского населения является распространение болезней ввиду того, что нелегалы не регистрируются в больницах и не проходят медосмотры.

Отдельным вопросом миграционной политики Франции являются беженцы, число которых к концу 2017 г. достигло почти 335 тыс. чел. [5]. Массивные потоки беженцев идут с Ближнего Востока, а также из Афганистана и Албании. Они могут представлять такую же опасность, как и нелегалы, так как под их видом в страну могут проникать террористы и боевики из Сирии. Беженцы также могут быть переносчиками болезней, вспыхнувших в регионах их исхода (например, вспышка холеры на Ближнем Востоке в 2015 г.).

Семейная миграция, сменившая трудовую миграцию, которая раньше была более характерна для Французской Республики, является преобладающим способом проникновения на территорию Франции. Изменение характера миграционных потоков с трудовой миграции на политику о воссоединении семей изначально задумывалось как способ предотвращения перевода денег за границу и содействия увеличения спроса на внутреннем рынке. Однако такой подход привел лишь к росту численности мусульманского населения и укреплению ислама что с учетом нежелания мусульман интегрироваться способствует постепенному размыванию французской идентичности.

Особое внимание следует уделить несовершеннолетним мигрантам, которые имеют особый статус – их нельзя выдворить из страны и им автоматически предоставляется убежище во Франции. Содержание мигрантов-детей существенно влияет на государственный бюджет, поскольку обходится Французской Республике в 800 млн евро, учитывая, что число несовершеннолетних мигрантов составило на конец 2017 г. 15 тыс. чел. [6]. Кроме того, представители данной категории мигрантов могут сделать запрос на воссоединение семьи, что способствует попаданию на территорию Франции их родителей. Большую роль в проникновении детей в страну играют преступные группировки, занимающиеся незаконной перевозкой людей.

В целом увеличение количества мигрантов, развитие нелегальной миграции, прием беженцев способствуют росту национализма и ксенофобии среди коренного населения Франции, усилению социального напряжения, политической нестабильности и, в конечном счете, может перерасти в массовые беспорядки, межэтнические конфликты.

Предпосылки кризиса, связанного с приемом мигрантов во Франции, возникли еще в конце XX в. Его основными причинами стали просчеты французской внешней политики на Ближнем Востоке и в Африке, а также неэффективность миграционной политики. Несмотря на постоянно проводимые реформы, целью которых является сокращение миграционных потоков из третьих стран, а также политика интеграции мигрантов, значительного улучшения миграционной ситуации во Франции замечено не было, так как ежегодный приток мигрантов остается неизменным на протяжении 15 лет (около 200 тыс. чел.). Число мигрантов-мусульман продолжает увеличиваться, в частности, как уже отмечалось, за счет роста рождаемости в мусульманских семьях, их расселение в гетто на окраинах городов не способствует интеграции этой категории лиц во французское общество и лишь укрепляет их устоявшийся образ жизни, традиции и обычаи.

Действительную угрозу для Франции и ее населения представляет возрастающая роль ислама, которая неразрывно связана с увеличением мусульманского населения. Наблюдается процесс исламизации коренного населения, что наглядно демонстрирует влияние ислама во французском обществе. Около 50 тыс. чел., являющихся этническими французами, приняли ислам в силу разных причин [7]. Основными факторами исламизации французского населения, помимо стремительного роста числа французомусульман, являются: защита мусульманами своих обычаев и религиозных традиций, а также увеличивающееся влияние исламистов [8].

Экономические проблемы способствуют маргинализации и радикализации мигрантов, развитию преступности, увеличению угрозы терроризма.

Все эти факторы наглядно демонстрируют неудачу политики мультикультурализма во Франции. Это свидетельствует о необходимости пересмотра приоритетов французской миграционной модели и ее реформирования с учетом изменений во всех сферах жизни французского общества. Необходимо ужесточить правила приема мигрантов, чтобы побудить их интегрироваться в общество и адаптироваться к новым условиям жизни, западным ценностям, так как сохранение мусульманского общества со своими традициями и религией только усиливает фрагментацию французского общества [9, с. 65].

Таким образом, в силу неспособности внутренней политики Франции повлиять на миграционную ситуацию в стране, правительство стало проводить активную внешнюю политику с целью снизить количество нелегальных мигрантов, урегулировать ситуацию с потоками беженцев и сократить миграционные потоки в целом.

Международная миграция приобретает беспрецедентные масштабы в современном мире. В то время как сотни тысяч беженцев устремляются к границам Европы, Франция – старейшая иммиграционная страна на континенте – не готова принимать новых граждан-иностранцев.

Вопросы, связанные с миграцией и предоставлением убежища, не были центральными в ходе президентской кампании Э. Макрона. Однако в качестве приоритетных мер его командой были выделены следующие:

1. Отдать приоритет политике интеграции.
2. Поддержать «иммиграцию знаний».
3. Принимать беженцев, которые находятся на границах и не принимаются в других странах.
4. Защищать европейские границы и европейские ценности [10].

После завершения выборной кампании 2017 г. новое правительство Э. Филиппа пыталось придерживаться данных обещаний главы государства, но вынужденно было сконцентрироваться на решении конкретных задач. Одна из них – демонтаж лагеря мигрантов в Кале,

начатый предшествующим кабинетом в октябре 2016 г. Впрочем, ситуация в Кале не изменилась. Согласно данным ассоциации помощи мигрантам в настоящее время насчитывается около 600 чел. без жилья [11], которые, несмотря на частичное закрытие «джунглей», надеются добраться до Англии. То же самое происходит в Иль-де-Франс, где «Гуманитарный центр приема беженцев», открывшийся в Париже в декабре 2016 г., заполнился в течение нескольких месяцев и оставил сотни мигрантов на улицах столицы [12]. Отсутствие жилья для просителей убежища является для Франции вопиющим. Важно подчеркнуть, что президент Макрон также не смог решить данную проблему. В частности, доказательством этого служит отправка около 200 дополнительных полицейских в Кале с целью предотвращения «стихийных» появлений лагерей мигрантов в Hauts-de-France и в других местах [13].

Такая репрессивная политика, характеризующаяся насилием со стороны полиции, осуждается субъектами гражданского общества, которые приходят на помощь мигрантам. Для министерства внутренних дел в области вопросов миграции одним из приоритетов является «пресечение нарушений общественного порядка» и предотвращение осуществления пресловутого «воздушного вызова» [14]. Таким образом, для силового ведомства главное – «уменьшить потоки прибывающих» [15], хотя глава государства говорил во время предвыборной кампании о необходимости принятия Францией своей справедливой доли беженцев [10], приветствуя решение канцлера Германии Ангелы Меркель предоставить убежище почти миллиону просителей в 2015 г.

Хотя ничто в предвыборной программе Э. Макрона не касалось экстренного размещения мигрантов, она включает в себя две знаковые меры – сокращение числа просителей убежища, которые в какой-то момент принимают государство за счет сокращения сроков рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища, и систематическое возвращение отказников в предоставлении убежища за пределы национальной территории. Таким образом, одной из основных мер в рамках его программы в области миграционной политики является реформа условий рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища с тем, чтобы решение было вынесено менее чем за 6 месяцев, включая апелляцию, учитывая факт, что при предыдущем президенте этот период мог длиться до одного года, а то и более из-за большого числа дел, находящихся в стадии расследования. Действительно, с 2015 г. число просьб о предоставлении убежища, рассмотренных французским Управлением по защите беженцев и лиц без гражданства (OFPRA), резко возросло, достигнув в 2016 г.

более 80 тыс. дел [16], что увеличило как время ожидания, так и число просителей убежища, которые должны быть приняты государством на законных основаниях. Согласно сайту компании бывшего кандидата «это требует в каждом центре или группировке центра делегации ОФПРА, умеренных средств связи», а также «концентрации Национального суда по правам убежища (CNDA), чтобы он мог выносить решения в самих центрах» [16]. Хотя эта мера имеет определенные преимущества, в том числе сокращение ожиданий просителей убежища, неясность, связанная с ее осуществлением, не отвечает опасениям, высказанным ассоциациями по оказанию помощи мигрантам, особенно в отношении риска снижения качества рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Для главы государства и его министра внутренних дел этот взгляд на убежище призван «обеспечить строгое соблюдение права на убежище» [16].

Кроме того, можно говорить о более жестком разграничении «беженцев» и «экономических мигрантов», которых необходимо без промедления возвращать в свою страну, чтобы они не пополнили ряды нелегальных иммигрантов. Однако в течение следующих нескольких месяцев число таких возвращений, особенно в таких местах, как Афганистан, сократилось [17]. Действительно, эти операции требуют огромных финансовых и людских ресурсов и, по мнению сотрудников пограничной полиции, депортации мигрантов оказываются неэффективными [18]. Таким образом, в узаконенном различии между «беженцами» и «экономическими мигрантами» последние классифицируются как «нерегулярные». При этом появляется риск создания новых «нелегалов», обусловленный ограничением их возможности для интеграции во французское общество, что усугубляет антииммиграционные настроения среди населения. Поэтому использование систематической депортации в качестве средства частичного разрешения гуманитарного кризиса может показаться утопическим.

Э. Макрон рассчитывал также на переговоры на европейском уровне. Перестройка европейской политики в области иммиграции и убежища – это вторая задача, с которой столкнулся новый президент. Начало его работы свидетельствует об острой необходимости реформ, поскольку Европейский союз (ЕС) погряз в сложной ситуации, связанной с неуклонно растущими потоками мигрантов, отказом ряда государств-членов от участия в европейской программе распределения просителей убежища и регламентом Dublin III [19]. С одной стороны, этот регламент обременяет учреждения, занимающиеся рассмотрением просьб о предоставлении убежища в принимающих странах, прежде всего в Греции и Италии, а с другой – порождает сложные гуманитарные ситуации, поскольку

«дублинцы» еще более уязвимы, чем «сверхпросители» убежища [18]. С учетом того, что система распределения, предложенная Европейской комиссией и согласованная между государствами-членами, по-прежнему не соблюдается государствами-членами и крайне осуждается Вышеградской группой, в настоящее время очень трудно представить себе проведение всеобъемлющей реформы европейской политики в области предоставления убежища, которая позволила бы создать подлинное европейское пространство для предоставления убежища, выходящее за рамки государств. Кроме того, если Э. Макрон намекнул во время своей избирательной кампании, что он готов «открыть тему» Дублинского урегулирования, его министр внутренних дел, как только он был назначен, напомнил, что Дублинская процедура будет успешно применяться. В более общем плане именно европейская политика пограничного контроля в том виде, в котором она была разработана и проводится в настоящее время, рассматривает иммиграцию как вопрос безопасности, который показывает ее ограниченность. Доказательством этого является усиление контроля за внешними границами ЕС, которое, как предполагается, уменьшит миграционные потоки и пресечет незаконную иммиграцию, но приведет к изменению миграционных маршрутов.

Несмотря на то, что летом 2015 г. потоки мигрантов в основном проходили через Грецию, а затем по балканскому маршруту, со времени подписания в марте 2016 г. соглашения между ЕС и Турцией произошло значительное сокращение числа нерегулярных пересечений в Греции, что сопровождалось резким увеличением количества прибывающих в Италию судов, в результате чего в Средиземном море погибли десятки тысяч человек.

Очевидно, что государства-члены ЕС должны коллективно переосмыслить европейскую иммиграционную политику, с тем чтобы более эффективно реагировать на нынешнюю миграционную ситуацию при уважении права на убежище и прав человека. Представляется, что в этом случае новый глава государства выступает за твердую преемственность, о чем свидетельствуют все содержащиеся в его предвыборной программе предложения, касающиеся европейских переговоров по вопросам миграции, которые являются частью того, что было решено в течение нескольких лет. Действительно, стремление Э. Макрона достичь «усиленного Шенгенского соглашения» путем увеличения числа береговой охраны Frontex, усилить борьбу с контрабандистами, передать пограничный контроль в соседние страны, не входящие в ЕС, умножить соглашения о реадмиссии, подписанные между ЕС и третьими странами (транзитными или источниками миграционных потоков), принять меры по борьбе с нелегальной иммиграцией

третьими странами – все это включено в европейскую «дорожную карту».

Также следует отметить, что Франция является страной, которая с трудом интегрирует иммигрантское население, как это было показано Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), поскольку результаты политики Франции в области занятости мигрантов, в сфере образования являются весьма средними среди этих категорий граждан [20]. В условиях, когда антимиграционные настроения, порождаемые ксенофобскими популистскими движениями, усиливаются, необходимо содействовать интеграции иммигрантов и их детей, что стало одним из «главных приоритетов» проводимой Э. Макроном политики [10]. В то же время высказанные предложения по-прежнему носили весьма туманный характер, включая разработку «местных интеграционных программ», различных планов действий для приоритетных районов (образование, занятость) и «передачу основных знаний, нашей культуры и ценностей» [21]. В первую очередь благодаря изучению французского языка и приобретению ценностей Республики новый президент хотел бы улучшить интеграцию иммигрантов, в частности, сделав эти достижения условием получения долгосрочного вида на жительство.

В более общем плане Э. Макрон проявлял стремление отказаться как от мультикультурализма, так и от интеграции, предпочитая говорить о французской культуре и «французской идентичности». Именно этот взгляд на принадлежность к нации он подчеркивает, когда заявляет о желании «доброжелательной и требовательной» Франции, в которой государство и народ должны работать в одном направлении.

Члены гражданского общества, давно занимающиеся вопросам иммиграции и предоставления убежища, ожидали, что в наступившем пятилетнем периоде президент начнет действовать по-другому. Они рассчитывают на то, что он примет меры по обеспечению более гуманного приема мигрантов, прибывающих на территорию Франции, полному соблюдению права на убежище, пересмотру европейской политики в этой области, соблюдению прав человека и прекращению ежедневной угрозы жизни людей в Средиземноморье, а также улучшению интеграции иммигрантов и их детей, которая до сих пор слишком запутана [22, р. 47]. Несмотря на размытость его программы по вопросам миграции, некоторые заявления Э. Макрона в ходе избирательной кампании вселяли надежду: денонсация соглашений Туке, Дублинского урегулирования или соглашения между ЕС и Турцией, поддержка Германии в ее политике приема беженцев, а также явное стремление содействовать более достойному приему беженцев во Франции и в Европе в целом.

С приходом к власти Э. Макрон, осознавая сложившуюся ситуацию в области миграции, начал проводить активную внешнюю политику для решения этой проблемы. 29–30 ноября 2017 г. по его инициативе состоялся Пятый саммит Африканский союз – Европейский союз в Абиджане (Кот-д’Ивуар), темами которого стали методы по борьбе с нелегальной перевозкой мигрантов в Европу, бесчеловечное обращение с мигрантами и беженцами в Ливии [23]. Французский президент заявил о готовности задействовать военную силу, по его словам, операция «Бархан» может содействовать Нигеру и Чаду в проведении операций Африканского союза по борьбе с незаконной транспортировкой людей, наркотрафиком и терроризмом.

18 января 2018 г. главы МВД Франции и Великобритании в присутствии британского премьер-министра Терезы Мэй и французского президента Эммануэля Макрона подписали совместное соглашение, касающееся нелегальной миграции, об усилении пограничного контроля на французской стороне Ла-Манша. Согласно этому соглашению Великобритания выделит дополнительные 50 млн евро на осуществление контроля [24].

21 января 2018 г. в столице Алжира прошла встреча 10 стран Средиземноморского региона (5 стран Евросоюза, в том числе Франция, и 5 стран Магриба), по итогам которой стороны выразили готовность тесного сотрудничества по вопросам незаконной миграции, безопасности и контроля за миграционными потоками из Африки в Европу [25].

Заинтересованность Макрона в обеспечении контролируемой миграционной политики наблюдается также в стремлении сближения Франции и Италии по вопросам миграции, несмотря на напряженность между этими странами из-за ситуации с мигрантами на судне *Aquarius*, которое Италия отказалась принимать в своих портах. Президент Франции осудил действия итальянских властей, однако вскоре заявил о необходимости сотрудничества в сфере миграции [26]. В результате встречи, прошедшей в конце июня 2018 г., стороны смогли найти компромисс и урегулировать недопонимание.

15 июня 2018 г. Э. Макрон провел телефонный разговор с главой Правительства национального согласия Ливии Фаизом Сараджем, в ходе которого стороны обсудили миграционные потоки из Ливии в Европу и договорились об укреплении сотрудничества. Помимо этого, была затронута проблема борьбы с криминальными сетями, занимающимися нелегальной транспортировкой людей [27].

В рамках ЕС Франция совместно с другими государствами договорилась о совместной политике по приему беженцев на саммите в Брюсселе 29 июня 2018 г. Согласно новому соглашению

страны Евросоюза отныне будут принимать мигрантов в добровольном порядке, обязательное распределение мигрантов между членами ЕС не предусматривается [28].

Стоит отметить, что Франция использует «мягкую силу» в целях регулирования миграции. Она способствует распространению французского языка и культуры посредством Франкофонии (OIF), усиливает свое экономическое и политическое влияние на страны Магриба с помощью проведения культурной политики. Поскольку угроза нелегальной миграции и распространения терроризма исходит из этого региона, реализация программ распространения европейских ценностей может поспособствовать решению этих проблем.

Следует отметить, что Макрон хочет сделать иммиграцию одной из главных тем второй части своей пятилетки. В интервью Еurore 1 президент отметил, что «Франция не может принять всех, если даже она очень хочет» [29]. Однако глава государства выразил желание «выйти из определенного положения, в котором мы погрязли» [29]. Макрон выступил за «гуманность и эффективность» миграционной политики.

Президент Франции подчеркнул, что необходимо подойти хладнокровно к решению данного вопроса: «Было бы ошибкой считать, что миграционный вопрос является табуированным и что его можно включать в повестку дня только в период кризисов, Франция – страна миграции на все времена» [29].

Глава государства признал, что ему не удалось выполнить обязательство, принятое в Орлеане в июле 2017 г., и что из-за недостаточного сотрудничества в Европе произошло резкое увеличение числа просителей убежища.

По словам Э. Макрона, основными направлениями политики являются «предоставление убежища тем, кто нуждается в нашей защите» как можно быстрее, а затем «гораздо более эффективная интеграция тех, кто имеет право на убежище», особенно с курсами французского языка и «более сильной политикой занятости» [30]. «Мы должны защищать всех, кто находится на нашей территории, но мы должны делать это с умом, здравым смыслом и анализировать, нет ли каких эксцессов» [30].

С приходом к власти правительства Жана Кастекса ситуация не изменилась: одной из основных проблем остается проблема нелегальных мигрантов, пытающихся добраться до Великобритании через Ла-Манш. В ноябре 2021 г. произошла самая крупная с 2014 г. трагедия в Ла-Манше, в ходе которой погиб 21 мигрант, пытавшийся добраться до Великобритании. Но в ответ на предложение Объединённого королевства премьер-министр Ж. Кастекс отверг инициативу Великобритании ввести совместное патрулирование для борьбы с нелегальными мигрантами.

Бесспорно, этот вопрос требует принятия кардинальных мер, в первую очередь таких, как усиление контроля на внешних границах ЕС, ликвидация группировок контрабандистов, пресечение незаконных маршрутов, расширение полномочий правоохранительных органов. Кроме того, не удается решить вопрос стихийных лагерей беженцев в Париже. Так, 23 ноября 2020 г. полиция демонтировала палатки мигрантов на площади Республики в пригороде французской столицы Сен-Дени, что вызвало критику со стороны депутатов Сената. Этот демарш – явное свидетельство отсутствия единодушной позиции правительства и парламента в решении данного вопроса.

Таким образом, в Европе, а особенно во Франции, миграция является серьезным вопросом, решение которого требует особого внимания. С развитием процесса миграции ключевые проблемы сводились к нерегулируемому потоку мигрантов и к их интеграции во французском обществе.

В XXI в. возрастающие миграционные потоки стали не столько проблемой социально-экономического и политического характера, они начали представлять реальную угрозу национальной безопасности. Основной опасностью для французского общества становится терроризм, развитие которого практически невозможно контролировать, поскольку террористов очень трудно идентифицировать (одну его часть составляют нелегальные мигранты, которые не регистрируются при въезде в страну, другая часть очень умело скрывается под видом беженцев с Ближнего Востока). Еще одной угрозой является нелегальная миграция в целом, участники которой зачастую связаны с организованной преступностью, задействованы в «теневого» секторе экономики, являются потенциальными распространителями болезней и эпидемий.

Большой проблемой для французского общества стало укрепление позиций ислама, в силу того, что десятую часть населения Франции составляют мусульмане, и его распространение среди этнических французов-немусульман.

Проводя во второй четверти XX в. относительно пассивную политику иммиграции, приведшую к острым проблемам, связанным с нестабильностью ситуации в стране, Франция с начала 2000-х гг. приступила к их решению.

Однако это не спасло страну от роста уровня расизма и ксенофобии, в обществе преобладали антииммиграционные настроения, так как иммигранты, перебравшись во Францию, стремились сохранять свои традиции и обычаи, что могло нанести ущерб французской национальной идентичности. Все это в итоге привело к дестабилизации ситуации в стране, апогеем которой стали массовые беспорядки в 2005 г.

Активная борьба Франции с терроризмом в Африке и на Ближнем Востоке привела к тому,

что в 2015 г. в стране произошел ряд террористических актов, который хорошо дал понять, что необходимо усилить контроль за границами и интенсифицировать противостояние терроризму.

Активную внешнюю политику в области миграции Франция проводит с конца XX в., заключая двусторонние соглашения о миграционных потоках, представляя проекты многостороннего партнерства, в том числе по вопросам миграции, и др. Президент Э. Макрон уделяет большое внимание миграционной проблеме своей страны и активно пытается способствовать ее разрешению, проводя саммиты, переговоры, обмениваясь опытом, предлагая помощь странам исхода мигрантов.

Большую помощь Франции в регулировании миграционных потоков оказывают структуры Франкофонии (ОИФ). Пропаганда европейских ценностей, французского языка и культуры в странах Африки содействует более успешной интеграции мигрантов во французское общество.

Внешняя политика Франции в решении миграционных вопросов играет огромную роль, так как понемногу ослабляет давление миграционных потоков на внутреннюю политику. Тем не менее этих усилий недостаточно для полного разрешения проблем в области миграции.

Список литературы

1. Muslim Population in Europe. URL: <https://muslimpopulation.com/Europe> (дата обращения: 10.09.2019).
2. The Future of the Global Muslim Population. Region : Europe // Pew Research Center. 2011, 27 January. URL: <https://www.pewforum.org/2011/01/27/future-of-the-global-muslim-population-regional-europe/> (дата обращения: 10.09.2019).
3. Violents affrontements à Amiens entre des jeunes et des CRS // Le Monde. 2012, 14 Août. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2012/08/14/violents-affrontements-a-amiens-entre-des-jeunes-et-des-crs_1745855_3224.html (дата обращения: 10.09.2019).
4. Guerrero J. Les vrais chiffres de l'immigration en France // France Soir. 2018, 28 Septembre. URL: <https://www.francesoir.fr/politique-france/les-vrais-chiffres-de-limmigration-en-france> (дата обращения: 10.09.2019).
5. Damgé M. La France n'avait pas accueilli autant de réfugiés depuis dix ans // Le Monde. 2018, 20 Juin. URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2018/06/20/la-france-n-a-pas-accueilli-autant-de-refugies-depuis-dix-ans_5318391_4355770.html (дата обращения: 10.09.2019).
6. Orcival F. d' Le casse-tête des immigrés mineurs // Le Figaro. 2018, 28 Septembre. URL: https://www.lefigaro.fr/vox/societe/2018/09/28/31003-20180928ARTFIG00044-francois-d-orcival-le-casse-tete-des-immigres-mineurs.php?redirect_premium (дата обращения: 10.09.2019).
7. Denécé E. Le développement de l'islam fondamentaliste en France. Aspects sécuritaires, économiques et sociales // Rapport de recherche. Paris : Centre Français de recherches sur le renseignement, 2005. № 1, Septembre. P. 3. URL: https://www.mosci.info/pdf/rapport_denece.pdf (дата обращения: 10.09.2019).
8. Трофимова О. Е. Мусульмане и ислам в Западной Европе // Демоскоп Weekly. 2012. № 501–502. С. 5–18. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/analit02.php> (дата обращения: 10.09.2019).
9. Трофимова О. Е. Миграционные тенденции во Франции : новые реалии // Франция на пороге перемен : экономика и политика в начале XXI века : сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции «Современная Франция в мировой экономике и международных отношениях» (Москва, ИМЭМО РАН, 7 декабря 2015 г.) / отв. ред. : А. В. Кузнецов, М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. М. : ИМЭМО РАН, 2016. С. 57–65.
10. Macron E. Programme En Marche ! Pour l'élection présidentielle. 2017. URL: <https://storage.googleapis.com/en-marche-fr/COMMUNICATION/Programme-Emmanuel-Macron.pdf> (дата обращения 10.09.2019).
11. L'Auberge des migrants et le Secours catholique. URL: https://actu.fr/hauts-de-france/calais_62193/calais-secours-catholique-lauberge-migrants-portent-plainte-contre-x_15077526.html (дата обращения: 10.09.2019).
12. Mareschal É. À Paris, 1 000 migrants dorment aux alentours du centre de premier accueil // Le Figaro. 2016. 21 Juin. URL: <https://www.cairm.info/revue-migrations-societe-2015-5-page-3.htm> (дата обращения: 10.09.2019).
13. Baumard M. Le ministre de l'Intérieur envoie des policiers supplémentaires à Calais et adopte une ligne dure anti-migrants // Le Monde. 2017, 5 Juin. URL: https://www.lemonde.fr/immigration?et-diversite/article/2017/06/05/le-ministre-de-l-interieur-envoie-des-policiers-supplementaires-a-calais-et-adopte-une-ligne-dure-anti-migrants_5139128_1654200.html (дата обращения: 20.02.2022).
14. Florin M. Collomb : on ne laissera pas des gens s'installer // Le Progrès. 2016. 10 Août. URL: <https://www.leprogres.fr/lyon/2016/08/10/collomb-on-ne-laissera-pas-des-gens-s-installer-toxp> (дата обращения: 10.09.2019).
15. Décugis J.-M., Jacquard N., Pelletier É., Théveniaud P. Ministère de l'Intérieur : Gérard Collomb nous livres ses priorités // Le Parisien. 2017, 5 Juin. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/MIGRA_168_0003.pdf (дата обращения: 10.09.2019).
16. Office français de protection des réfugiés et apatrides // Rapport d'activité 2016. Paris : OFPRA, 2017. 139 p. URL: https://ofpra.gouv.fr/sites/default/files/atoms/files/rapport_dactivite_ofpra_2017.pdf (дата обращения: 19.02.2022).
17. La France expulse vers l'Afghanistan malgré une situation explosive // La Cimade. 2017. 8 Juin. URL: <https://www.lacimade.org/presse/la-france-expulse-vers-lafghanistan-malgre-une-situation-explosive/> (дата обращения: 10.02.2022).
18. Baumard M. Comment la France décourage les demandeurs d'asile // Le Monde. 2017. 11 Avril. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2017/04/11/pariscalais-menton-trois-strategies-pour-limiter-les-demandes-d-asile-en-france_5109138_3224.html (дата обращения: 19.02.2022).
19. Pouly C. L'eupéanisation du droit d'asile : 2003–2016 // Migrations Société. 2016. Vol. 28, № 165. P. 107–124. URL:

- <https://www.cairn.info/revue-migrations-societe-2016-3-page-107.htm> (дата обращения: 10.09.2019).
20. Organisation de coopération et de développement économiques // Les indicateurs sur l'intégration des immigrés 2015 : trouver ses marques. Paris : OCDE, 2015. 360 p. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/press-note-France.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
21. *Macron E.* Discours à Reims // 2017. 17 Mars. URL: <https://en-marche.fr/article/meeting-macron-reims-discours> (дата обращения: 10.09.2019).
22. *Lorget F.* Intégration : une refondation enlisée // Migrations Société. 2014. Vol. 26, № 155. P. 47–66. URL: <https://www.cairn.info/revue-migrations-societe-2014-5-page-47.htm> (дата обращения: 25.09.2019).
23. 5-ème sommet Union africaine-UE. URL: <https://www.consilium.europa.eu/fr/meetings/international-summit/2017/11/29-30/> (дата обращения: 25.09.2019).
24. *Langsdon I.* Sandhurst Treaty : Britain and France agree new deal on border security // France 24. 18.01.2018. URL: <https://www.france24.com/en/20180118-france-uk-migrants-calais-sandhurst-treaty-britain-france-agree-new-deal-border-security> (дата обращения: 20.09.2019).
25. Страны Западного Средиземноморья решили сотрудничать для обеспечения безопасной миграции // ТАСС. 2018. 22 янв. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4891101> (дата обращения: 25.05.2019).
26. МИД Франции выступил за сотрудничество с Италией по вопросу мигрантов // РИА Новости. 2018, 13 июня. URL: <https://ria.ru/20180613/1522626412.html> (дата обращения: 25.05.2019).
27. Франция и Ливия договорились усилить сотрудничество по вопросу миграции // ТАСС. 2018. 18 июня. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5299617> (дата обращения: 25.05.2019).
28. *Vidal E.* Un accord sur les migrations trouvé lors du sommet de l'Union européenne // Le Monde. 2018. 29 Juin. URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2018/06/29/un-accord-sur-les-migrations-trouve-au-sommet-de-l-union-europeenne_5322859_3214.html (дата обращения: 25.05.2019).
29. *Macron E.* La France ne peut pas accueillir tout le monde si elle veut accueillir bien, le RTL // Enlign. 2019. 22 Septembre. URL: <https://www.rtl.fr/actu/politique/macron-la-france-ne-peut-pas-acueillir-tout-le-monde-si-elle-veut-acueillir-bien-7798364947> (дата обращения: 22.09.2019).
30. Accueil des migrants : la position à géométrie variable d'Emmanuel Macron // BFMTV. URL: https://www.bfmtv.com/politique/accueil-des-migrants-la-position-a-geometrie-variable-d-emmanuel-macron_AN-201908010053.html (дата обращения: 10.09.2019).

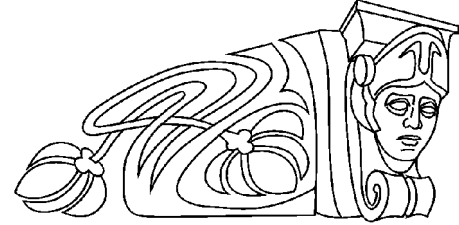
Поступила в редакцию 16.02.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 16.02.2022; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 364–369
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 364–369
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-364-369>

Научная статья
УДК [94+327](5-15)|19|

Сотрудничество Палестинской национальной администрации и Израиля в области безопасности

М. И. Махмутова

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

Махмутова Мария Игоревна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры военного страноведения, makhmutova.maria@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9681-7071>, Author ID: 1018152

Аннотация. Данная статья посвящена изучению сотрудничества палестинцев и израильтян в области безопасности. Обращается внимание на институт, созданный в рамках процесса Осло, – Объединенный комитет по координации и сотрудничеству. Выявлено, что на его основе была проверена первая возможность взаимодействия двух сторон в рамках одного органа. Иной способ кооперации – переговоры представителей безопасности Палестинской национальной администрации (ПНА) и Израиля «под зонтиком» США, реализуемые в 1990-х гг., однако не принесшие внушительных плодов. Реальным прогрессом на пути взаимодействия в сфере безопасности стали личные контакты между высокопоставленными лицами обеих сторон, которые укоренились со времен мирного процесса. Показательно, что они не прекращались с 1994 г., а после Интифады Аль-Акса и территориально-политического раскола палестинцев Рамалла и Западный Иерусалим сделали ставку на укрепление партнерства в свете общей угрозы, исходящей от ХАМАС.

Ключевые слова: Израиль, Палестинская национальная администрация (ПНА), палестино-израильский конфликт, безопасность, процесс Осло, ЦАХАЛ (Армия обороны Израиля), ШАБАК (общая служба безопасности Израиля)

Для цитирования: Махмутова М. И. Сотрудничество Палестинской национальной администрации и Израиля в области безопасности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 364–369. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-364-369>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Security Cooperation between the Palestinian National Authority and Israel

M. I. Makhmutova

The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 14 Bol'shaya Sadovaya st., Moscow 123001, Russia

Maria M. Makhmutova, makhmutova.maria@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9681-7071>, Author ID: 1018152

Abstract. The article is devoted to the study of the topical problem of Palestinian-Israeli security cooperation. The author draws attention to the institution created in the framework of the Oslo process – the Joint Committee for Coordination and Cooperation. It was revealed that on its basis the first possibility of interaction between two parties within one body was tested. Other way of cooperation is negotiations between the security representatives of the Palestinian National Authority (PNA) and Israel “under the umbrella” of the United States in the 1990s. However, it did not bear impressive results. Tangible progress towards security engagement has come from personal contacts between senior officials on both sides that have been ingrained since the peace process. It is significant that they have not stopped since 1994. After the Al-Aqsa Intifada and the territorial and political division of the Palestinians, Ramallah and West Jerusalem have relied on strengthening their partnership in light of the common threat posed by Hamas.

Keywords: Israel, Palestinian National Authority (PNA), Palestinian-Israeli conflict, security, Oslo process, IDF (the Israel Defense Forces), SHABAK (The Israel Security Agency)

For citation: Makhmutova M. I. Security Cooperation between the Palestinian National Authority and Israel. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 364–369 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-364-369>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Проблема безопасности на палестино-израильских территориях была и остается острейшим вопросом. Главная причина постоянной угрозы – неурегулируемый конфликт между двумя

народами, недоверие между ними и сохранение насилия, вписавшегося в повседневность. Первые попытки взаимодействия двух сторон в области безопасности стали возможны только

в 1990-е гг., когда в результате процесса Осло давние противники смогли за одним столом переговоров приступить к обсуждению мирного сосуществования. При этом ситуация на местах продолжала оставаться взрывоопасной, что и подталкивало палестинцев и израильтян искать способы снижения накала ради сохранения хотя бы шаткой, но все же стабильности, дабы не подорвать мирный процесс.

В настоящее время в российской науке имеется множество трудов по палестино-израильской проблематике. Среди основных работ, представленных по данному вопросу, стоит выделить труды ученых Института востоковедения РАН, а именно И. Д. Звягельской [1], Т. А. Карасовой [2], Т. В. Носенко [3], В. В. Наумкина [4]. Представляют интерес работы исследователей МГИМО (У) А. В. Крылова, В. М. Морозова, А. В. Федорченко [5]. Современное состояние палестинской проблемы нашло свое отражение в статьях таких ученых как Г. Г. Косач [6], Т. Р. Хайруллин [7], И. А. Лещеня [8]. Значительный объем литературы по обозначенной тематике составляют англоязычные исследования. Американская школа представлена многочисленными авторами по палестинской проблематике, среди современных исследователей стоит выделить Дж. Р. Хаммонда [9], К. Нельсона [10], Б. Милтон-Эдвардса [11]. Израильскую школу представляют такие ученые, как Б. Моррис [12], Ш. Бартал [13], Я. Бар Симон Тов [14].

Исследуя сотрудничество двух сторон конфликта в области безопасности, можно констатировать, что плотное взаимодействие палестинцев и Израиля стало возможным благодаря началу мирного процесса в 1990-е гг. Их представители впервые официально сели за один стол переговоров на Мадридской конференции в 1991 г., а затем при посредничестве норвежской стороны был создан секретный канал в Осло. На тот момент палестинцы и израильтяне смогли заложить фундамент для будущего сотрудничества. Совместные шаги на пути реализации концепции «два государства для двух народов» сталкивались с многочисленными препятствиями, и процесс не смог увенчаться успехом к началу XXI в. Мирные переговоры продемонстрировали, что обе стороны, вовлеченные в сложный и запутанный этнический конфликт, научились разговаривать друг с другом и понимать друг друга. Однако между ними так и не было выработано доверие на должном уровне.

Палестинская национальная администрация (ПНА) и Израиль приступили к сотрудничеству в разных областях, в том числе и в сфере безопасности. Ситуация на местах к началу 1990-х гг. оставалась накаленной, поскольку после Первой Интифады (1987–1991 гг.) волна насилия утихла далеко не сразу, а ее последствия давали о себе знать еще несколько лет. Внутри обоих обществ сохранялись террористические

организации, которые угрожали не только срыву мирного процесса, но и несли высокую угрозу человеческим жизням. Наиболее опасная ситуация всегда была в тех областях, где израильские поселения находились недалеко от палестинских деревень и городов на Западном берегу и в секторе Газа, а также в Восточной части Иерусалима. Постоянно происходили провокации, нередко приводившие к убийствам, за которыми всегда следовал нескончаемый виток мести «око за око, зуб за зуб».

Сотрудничество в области безопасности стало необходимым в первую очередь для Израиля, который до соглашений Осло доминировал в данной области на всех палестино-израильских территориях. На основе Осло I и Осло II ПНА и Израиль разделили между собой три зоны контроля, в результате часть суверенитета на Западном берегу и в секторе Газа была передана палестинцам. Зона «С» находилась под израильским контролем, где власти страны несли ответственность за своих поселенцев на Западном берегу. Зона «В» переходила под совместный патронаж, и ЦАХАЛ изначально обладал правом там присутствовать. Только зона «А» передавалась исключительно под палестинский контроль, однако на практике ЦАХАЛ мог осуществлять патрули в этой части только при сопровождении палестинской полиции.

В связи с этим Западному Иерусалиму для сохранения косвенного контроля, понимания ситуации на местах и пресечения угроз национальной безопасности нужно было устанавливать контакты с палестинцами на разных уровнях. Учитывая, что для Израиля безопасность важнее инструментов, используемых для ее обеспечения¹ силы ЦАХАЛа и ШАБАКа устанавливали связи с палестинцами на личном уровне, стали работать с чиновниками и высокопоставленными лицами, а также внедряли своих разведчиков в радикальные круги.

Что касается представителей ПНА, то у них был свой интерес, когда они приступили к сотрудничеству с давним противником. Всю структуру зарождающихся институтов преимущественно заполняли представители Организации освобождения Палестины (ООП), а также те лица, которые пользовались доверием ее главы – Ясира Арафата. Соответственно, палестинские организации, не поддержавшие мирный процесс и позиционирующие себя как оппозиция ООП, воспринимались Я. Арафатом как конкуренты на его монополию на власть. Ликвидирование их террористических актов или провокаций, способных негативно отразиться на палестино-израильских переговорах, могло быть эффективнее, если ПНА работает не в одиночку, а обменивается информацией с Израилем.

Сотрудничество в области безопасности с позиции теоретического подхода было глубоко рассмотрено западным ученым Х. Мюллером,

опиравшимся на политический реализм, исходя из которого все государственные акторы склонны к конфликту [15, р. 86], Союзы между ними заключаются при наличии общих неминуемых угроз и возможности их нивелировать, но при их отражении более слабый актор способен потерять полноту своего суверенитета. Взаимодействие двух сторон в области безопасности подразумевает опору на совместные ресурсы, на наличие общих намерений и действий для достижения основной цели – национального выживания. Однако это противоречит общепринятому пониманию национальной безопасности государства, при котором актор опирается исключительно на собственные ресурсы. Сотрудничество с другой стороной в данной области предполагает в определенной степени потерю собственной свободы действий и ограничение способности аккумулировать столько военной мощи, сколько позволяют реальные ресурсы.

Х. Мюллер отмечает, что взаимозависимость государственных акторов, заключивших союз в период военного времени, может быть чрезвычайно высокой. Во время войны существование государства легко ставится под угрозу, и полагаться на другую сторону – это экзистенциальный вопрос. Стратегический выбор должен быть максимально скоординирован, поскольку свобода действий может быть полностью потеряна. В свою очередь союзы, заключенные в мирное время, порой становятся не более чем символическими обещаниями, которые могут нарушаться в самый ответственный момент. Однако такие союзы способны привести к интеграции институтов. При этом более слабые акторы окажутся в подчиненном положении [15, р. 128].

Что касается палестино-израильского сотрудничества в области безопасности, то оно началось после окончания Первой Интифады на волне мирных переговоров. Х. Мюллер выделяет один из типов кооперации в обозначенной сфере, когда по истечении военного времени двое противников налаживают диалог, чтобы установить дружеские связи. Быстрая смена парадигм чревата тем, что у акторов не выстроено до конца доверие друг к другу. В результате воспоминания о нанесенных травмах все еще живы, и наличие опасений по поводу того, что удар может быть вновь нанесен, влечет взаимную неприязнь [15, р. 87].

В рамках мирного процесса между обеими сторонами была предпринята попытка сотрудничества в области безопасности в рамках одного общего института. На основе соглашений Осло Израиль и ПНА создали Объединенный комитет по координации и сотрудничеству. Первоначально стороны воспринимали его как формальный орган. Основная его цель заключалась в обмене теми лицами, которые нарушали безопасность

на территориях. Каждую сторону представлял один командир, имевший в подчинении пять-семь офицеров. Согласно установленному графику, встречи израильтян и палестинцев проходили один раз в неделю, а экстренные переговоры согласовывались в течение 48 ч. В рамках Объединенного комитета были созданы два региональных комитета безопасности (РКБ). Они руководили своим соответствующим окружным координационным офисом (ОКО). Командиры ОКО передавали в РКБ данные о ситуации на местах и выдавали свои рекомендации. Десять отделений ОКО – два в Газе и восемь на Западном берегу – несли ответственность за совместные патрули. На Западном берегу – это районы Дженин, Наблус, Тулькарм, Калькилия, Рамалла, Вифлеем, Хеврон и Иерихон. В секторе Газа контингент ОКО находился на КПП Эрез и Хан-Юнис [9, р. 75; 16, р. 11–12].

Здания ОКО были построены в виде казарм, располагавшихся между зонами «А», «В» и «С», либо находились на территориях «В» и «С». Соответственно, их окружили колючей проволокой и вход был строго ограничен. Внутри находились палестинские и израильские отделения; от каждой стороны работали до 6 офицеров. Их задача заключалась в том, чтобы выполнять предписанные обязательства, взятые обеими сторонами во время мирных переговоров. Совместные патрули выполнялись всегда на двух джипах – палестинском и израильском, следовавших друг за другом [11, р. 16]. Вместе они осуществляли наблюдение за 8-ю палестинскими городами на Западном берегу, пересекая в основном главные улицы, а также вдоль границы сектора Газа. Эти наблюдательные миссии отличались от работы персонала, представлявшего международные силы в Хевроне, поскольку командиры ОКО обладали правом вмешиваться в любые инциденты между гражданскими лицами, а также между военизированными группировками [17, р. 14]. На практике, поддерживая связь друг с другом по рации, представители Объединенного комитета по координации и сотрудничеству пытались останавливать стычки между поселенцами и палестинцами (забрасывание друг друга камнями или взрывчатыми веществами), стремились снизить накал провокации и напряженности, пресекали контрабанду наркотиков, оружия и украденных транспортных средств, решали конфликтные ситуации на до роге.

По оценке израильского исследователя Д. Хейфеца-Яхава Объединенный комитет по координации и сотрудничеству был оторван от палестинских и израильских институтов безопасности. Однако он продемонстрировал, как могли бы вместе две непримиримые стороны решать острые проблемы на местах [18, р. 85]. В то же время на практике на территориях «В» и «С» всегда доминировал ЦАХАЛ, а в зонах «А»

и «В» палестинцы внедряли свою архитектуру безопасности, нацеленную на доминирование ООП.

Такой способ сотрудничества, несомненно, сильно зависел от динамики мирного процесса. Выстроенный институт не был долговечным, поскольку для взаимодействия двух сторон в столь важной области, как безопасность, необходимы высокий уровень доверия, ответственность и налаженная кооперация в других областях. Кроме того, между исполняющими свои обязанности лицами сохранялась неприязнь друг к другу из-за этнических противоречий, которые глубоко укоренились еще с 40-х гг. XX в. Не исключено, что многие были вынуждены терпеть этот фактор, что и могло снижать эффективность созданного механизма.

Другой пример сотрудничества в области безопасности между ПНА и Израилем стал возможен при создании института посредника между ними. В связи с тем, что после прорыва процесса Осло американская администрация постоянно курировала палестино-израильские переговоры и старалась стать ключевым медиатором в мирном процессе, штаб-квартира ЦРУ в Тель-Авиве стала зонтиком для проведения встреч по вопросам безопасности между обеими сторонами. Их организация была инициирована после того, как посол США в Израиле Мартин Индик подал сигнал о разрыве контактов двух сторон в 1996 г. Тогда ситуация накалилась в связи с тем, что премьер-министр Биньямин Нетаньяху разрешил проводить археологические раскопки Туннеля Хасмонеев в исторической части Иерусалима (Старом городе), а палестинцы восприняли это как решение израильских властей сделать подкоп под Храмовой горой. В штаб-квартире ЦРУ израильские и палестинские представители регулярно продолжали встречаться, но переговоры не приводили к прорыву, поскольку обе стороны обвиняли друг друга в нарушении системы безопасности. Уже после террористических атак в 2001 г. ЦРУ отменили эти заседания [19, р. 105]. Подобный способ сотрудничества изначально сложно назвать успешным, поскольку США никогда для палестинцев не были тем актором, которому они могли бы полностью доверять, считая Вашингтон покровителем Израиля. Помимо того, обе стороны могли воспринимать встречи при посреднике как формальность, исключительно для поддержания мирного процесса и продвижения дипломатических целей США.

Еще один способ кооперации в области безопасности стал возможным благодаря личным контактам между высокопоставленными лицами обеих сторон. Ему положила начало встреча в Риме в январе 1994 г. главы службы превентивной разведки в секторе Газа Мухаммеда Дахлана и главы службы превентивной разведки

на Западном берегу Джибрила Раджуба с руководителем ШАБАКа Яаковом Пери и заместителем начальника штаба ЦАХАЛа Амномом Шахаком. Израильтянам и палестинцам в первую очередь нужно было разобраться в принципах и системе функционирования ПНА как автономии. Между сторонами тогда не было достигнуто соглашения в области безопасности, которое можно было бы отразить на бумаге ввиду чувствительности самой проблематики. Однако представители Израиля заявили тогда о достижении взаимопонимания между сторонами. На тот момент израильтяне и палестинцы договорились о том, что в обмен на разведывательные данные о палестинской оппозиции, в частности о радикальных исламистах, ШАБАК и ЦАХАЛ дают М. Дахлану и Дж. Раджубу полную свободу действий при формировании палестинских сил безопасности на Западном берегу и в секторе Газа. Как уже после отвечал на вопросы кабинета министров премьер-министр Ицхак Рабин в 1994 г., службы безопасности ПНА действуют на всей территории Западного берега с ведома Израиля. При этом, согласно изначальным договоренностям, «красная черта» для израильтян была в Восточном Иерусалиме, где палестинские полицейские не могли осуществлять свою деятельность [20, р. 28].

Кроме того, совместное сотрудничество стало возможным благодаря активной деятельности израильской разведки, которая начала устанавливать личные связи с представителями зарождающегося аппарата ПНА. По мнению израильских ученых Х. Кохена и Р. Дудая, палестинцы были вынуждены взаимодействовать с израильтянами для пресечения угроз безопасности [21, р. 235]. В основном ПНА стало передавать информацию о подготовке терактов тех организаций, которые представляли конкуренцию власти ООП на палестинских территориях. При этом ШАБАК дополнительно использовал информаторов в закрытых палестинских кругах и довольно быстро создал целую сеть шпионажа.

Среди характерных примеров взаимодействия двух сторон в области безопасности на ранних этапах можно выделить следующие. Так, 11 октября 1994 г. члены ХАМАС заявили о похищении израильского призывника Нахшона Вахсмана, потребовав от Израиля освобождения 200 палестинских заключенных. 5 дней спустя Н. Вахсаман и его похитители были убиты во время неудачной операции ЦАХАЛ в деревне Бейт-Набала на Западном берегу. Информацию о местонахождении юноши ШАБАКу передали представители палестинских служб безопасности. Другой инцидент был связан с активистом ХАМАС в секторе Газа Ваилем Насыром. ЦАХАЛ и ШАБАК разыскивали молодого человека по причине его причастности к террористическим сетям. Однако 18 августа 1994 г. его

арестовала палестинская полиция, когда в секторе Газа прошли столкновения, в результате которых ранеными оказались свыше 30 чел. Кроме того, в сентябре 1995 г. ШАБАК предоставил силам безопасности ПНА информацию о том, что 2 члена НФОП (Народного фронта освобождения Палестины) из семьи Ра'и разыскиваются в связи с убийством 2-х израильтян на Западном берегу и скрываются в Иерихоне. В течение 2 дней они были арестованы палестинской полицией и приговорены к 12-ти годам тюремного заключения [12, р. 57].

Несомненно, ШАБАК понимал, что расклевывание сведений о его взаимодействии с палестинскими силами безопасности будет воспринято гражданским обществом в штыки как на Западном берегу, так и в секторе Газа [22]. В связи с этим они попытались удовлетвориться тем, что называли «эффективной координацией», т. е. раскрывали только часть информации о совместных операциях. Однако министр юстиции Давид Либаи и министр полиции Моше Шахал требовали открытой экстрадиции палестинских террористов в Израиль. Дж. Раджуб отказался от таких мер, а М. Дахлан публично заявлял, что ПНА не выдает палестинцев сионистам, чтобы не подорвать доверие своего народа к ООП.

Координация действий между Израилем и ПНА в период Интифады Аль-Акса была на самом низком уровне, хотя часть терактов удавалось предотвратить благодаря налаженным ранее личным контактам. Возобновление диалога в более широком масштабе стало возможным после смерти Я. Арафата. Для ФАТХ (Движения национального освобождения Палестины) диалог с Израилем был особенно необходим, когда он проиграл парламентские выборы в 2006 г. Во многом кооперация усиливалась по причине необходимости противодействию ХАМАС. Обе стороны передавали друг другу информацию о готовящихся терактах на израильских территориях и на Западном берегу [23, с. 11].

Новый толчок для укрепления контактов связан с конференцией в Аннаполисе в ноябре 2007 г., когда после Интифады Аль-Акса первые лица обеих сторон впервые официально сели за стол переговоров. На текущий момент Израиль рассматривает контакты с палестинскими службами безопасности как возможность предотвращения угроз, в первую очередь исходящих от ХАМАС и «Исламского джихада» [24, с. 35]. Также и для представителей ПНА необходимы дополнительные данные о ячейках этих организаций на Западном берегу, поскольку они воспринимают указанные группировки как своих политических конкурентов. В данной сфере стороны стали взаимозависимыми. Так, когда в 2014, 2015 и 2020 г. глава ПНА Махмуд Аббас не единожды угрожал Израилю прекратить сотрудничество в области безопасности, подобное обещание он не смог выполнить в силу ценности

налаженных связей, ставших выгодными для обеих сторон.

Следовательно, контакты между Израилем и ПНА, выстроенные преимущественно на основе личных контактов между представителями силовых структур и служб безопасности, стали наиболее сильным и устойчивым механизмом. Они не привели к институциональной интеграции двух разных структур и никогда не требовали отчетности чиновников, как если бы органы были сращенными или же если две структуры породили третью, занимающуюся исключительно взаимодействием в области безопасности. Личные контакты отличаются и тем, что каждый представитель Израиля или ПНА изначально знает, с каким лицом он говорит и какие последствия будут после передачи секретной информации. Это значительно повышает уровень доверия друг к другу и взаимопонимания.

Таким образом, обе конфликтующие стороны – Израиль и ПНА – благодаря мирному процессу Осло смогли испробовать несколько форм возможностей кооперации в области безопасности. Среди них создание отдельного института – Объединенного комитета по координации и сотрудничеству, – ведение контактов под патронажем третьей стороны – США, – а также установление личных связей между высокопоставленными лицами. Последний не единожды доказал свою эффективность и выгоду для обеих сторон. Даже в условиях накала ситуации контакты всегда сохранялись и способствовали ликвидации ряда угроз. Безусловно, большинство таких инцидентов остаются секретными, поскольку ввиду отсутствия мира и сохранения конфликтности в израильском и палестинском обществе они могут быть восприняты в штыки, а участники будут ассоциироваться с предателями.

Примечания и комментарии

¹ Лекция преподавателя Отделения политических наук Университета Бар-Илан, д-ра Зеева Ханина. 31.12.2016 г.

Список литературы

1. Звягельская И. Д. История Государства Израиль. М. : Аспект-пресс, 2012. 359 с.
2. Карасова Т. А. Израиль и США. Основные этапы становления стратегического альянса. М. : Аспект, 2014. 464 с.
3. Носенко Т. В. Палестинская проблема в ближневосточной политике СССР/России // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 113–126.
4. Наумкин В. В. Территориальное и демографическое «упорядочивание» : ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 67–80.

5. Крылов А. В., Морозов В. М., Федорченко А. В. Государство Палестины : право на будущее. М. : МГИМО-Университет, 2018. 418 с.
6. Косач Г. Г. Национальное измерение исламского проекта : Движение ХАМАС // Политическая наука. 2018. № 4. С. 179–202.
7. Хайруллин Т. Р. Иран : укрепление позиций в Ливане и временное сближение с ХАМАС // Азия и Африка сегодня. 2019. № 2 (739). С. 23–29.
8. Леценя И. А. Национальные аспекты реализации Дорожной карты палестино-израильского урегулирования // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 2 (53). С. 6–25.
9. Hammond R. J. Obstacle to Peace : The US Role in the Israeli-Palestinian Conflict. Michigan : Worldview Publications, 2016. 538 p.
10. Nelson C. Dreams Deferred : A Concise Guide to the Israeli-Palestinian Conflict and the Movement to Boycott Israel. Bloomington : Indiana University Press, 2016. 275 p.
11. Milton-Edwards B. The Israeli-Palestinian Conflict. A People's War. London : Routledge, 2009. 240 p.
12. Morris B. One State, Two States Resolving the Israel/Palestine Conflict. New Haven : Yale University Press. 256 p.
13. Bartal Sh. Jihad in Palestine. Political Islam and the Israeli-Palestinian Conflict. London : Routledge, 2019. 324 p.
14. Bar Siman Tov Y. Justice and Peace in the Israeli-Palestinian Conflict. London : Routledge, 2014. 172 p.
15. Müller X. Security Cooperation. Handbook of international relations. New York : Sage Publications Ltd, 2002. 478 p.
16. Zilber N., Al-Omari Gh. State With No Army. Army With No State. Evolution of the Palestinian Authority Security Forces 1994–2018. Washington : The Washington Institute for Near East Policy, 2018. 140 p.
17. Govhari N. The Paradox of Israeli-Palestinian Security : Threat Perceptions and National Security vis-a-vis the Other in Israeli Security Reasoning. UK : ICSR. 2018. 56 p.
18. Heifetz-Yahav D. Non-Mediated Peacekeeping : The Case of Israeli–Palestinian Security Cooperation // Small Wars & Insurgencies. 2004. Vol. 15, № 2. P. 77–130. <https://doi.org/10.1080/0959231042000282643>
19. Shpiro S. The CIA as middle east peace broker? // Survival. 2003. Vol. 45, № 2. P. 91–112. <https://doi.org/10.1080/00396330312331343516>
20. Usher G. The Politics of Internal Security : The PA's New Intelligence Services // Journal of Palestine Studies. 1996. Vol. 25, № 2. P. 21–34.
21. Cohen H., Dudai R. Human Rights Dilemmas in Using Informers to Combat Terrorism : The Israeli-Palestinian Case // Terrorism and Political Violence. 2005. Vol. 17. № 1–2. P. 229–243. <https://doi.org/10.1080/09546550490520709>.
22. Am-Tamur A. Аль-Аджиза аль-амния ли-с-султа аль-фылыстыния : амн ман? [Силы безопасности Палестинской автономии : чья безопасность?] // Аль-Шабакa. 2017. 16 May. URL: <https://al-shabaka.org/briefs/الأجهزة-الأمنية-السلطة-الفلسطينية-للسلطة-أم/> (дата обращения : 06.12.2020) (араб.)
23. Мэниим вэ-хасмим израэлим бэ-хасагат ха-сэдэр шалом им ха-палестиним [Мотивы и препятствия Израиля на пути к мирному урегулированию с палестинцами] / под ред. Я. Хиршфельд. Израиль : Netanya Academic College, 2016. 458 с. (иврит)
24. Тархишим бэ-зира ха-исраилит – ха-палестинит. Ха-этгарим ха-астратигим ха-мааним ха-эфшарим [Сценарии на израильско-палестинской арене. Стратегические вызовы и возможные ответы] / под ред. У. Декель, М. Коби. Тель-Авив, 2016. 77 с. (иврит).

Поступила в редакцию 26.10.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 26.10.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 370–377

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 370–377

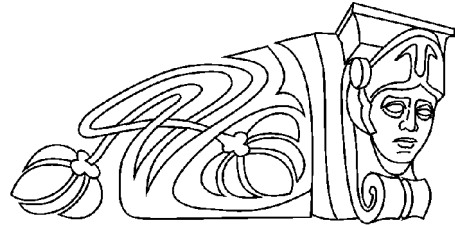
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-370-377>

Научная статья

УДК 341.01

Историко-правовые основы принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение на современном этапе

А. В. Чолахян^{1✉}, В. А. Чолахян²

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чолахян Арсен Вачаганович, кандидат юридических наук, доцент, arsen.cholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8769-1905>, Aurhor ID: 844421

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, Aurhor ID: 474841

Аннотация. В статье представлены историко-правовые аспекты становления и развития двух основополагающих принципов международного права: территориальной целостности государств и права народов на самоопределение. Авторский анализ показывает, что в настоящее время в международном праве нет иерархии среди принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение – они взаимосвязаны и обладают одинаковой международно-правовой силой. Противоречивая трактовка этих принципов международного права обусловлена как соотношением сил на политической арене и интересами государств в тот или иной конкретно-исторический период, так и политикой «двойных стандартов» и отсутствием четкого механизма реализации принципов международного права.

Ключевые слова: принцип территориальной целостности государств, права народов на самоопределение, сецессия, независимость автономия

Для цитирования: Чолахян А. В., Чолахян В. А. Историко-правовые основы принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 370–377. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-370-377>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Historical and legal foundations of the principles of territorial integrity of states and the right of peoples to self-determination at the present stage

A. V. Cholakhyan^{1✉}, V. A. Cholakhyan²

¹Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Arsen V. Cholakhyan, arsen.cholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8769-1905>, Aurhor ID: 844421

Vachagan A. Cholakhyan, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, Aurhor ID: 474841

Abstract. The article presents the historical and legal aspects of the formation and development of two fundamental principles of international law: the territorial integrity of States and the right of peoples to self-determination. The author's analysis shows that currently there is no hierarchy in international law among the principles of territorial integrity of States and the right of peoples to self-determination – they are interrelated and have the same international legal force. The contradictory interpretation of these principles of international law is due to both the balance of forces in the political arena and the interests of States in a particular historical period, and the existence of a policy of “double standards” and the lack of a clear mechanism for implementing the principles of international law.

Keywords: the principle of territorial integrity of states, the right of peoples to self-determination, secession, independence, autonomy

For citation: Cholakhyan A. V., Cholakhyan V. A. Historical and legal foundations of the principles of territorial integrity of states and the right of peoples to self-determination at the present stage. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 370–377 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-370-377>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Важной проблемой современного международного права являются сложные и многогранные аспекты соотношения принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение. Для обеспечения всеобщего мира и безопасности государств, а также соблюдения прав и свобод человека весьма актуально добиться соблюдения принципа территориальной целостности и неприкосновенности государств и права народов на самоопределение. Реализация данных принципов тесно связывается с политическими интересами государств и является одним из противоречий современного международного права: между стремлениями к общечеловеческой интеграции и национальным обособлением, между соблюдением прав человека и незыблемостью суверенитета (государственного или национального).

На практике особую опасность указанного противоречия можно увидеть в территориальных спорах и притязаниях, в интернационализации конфликтов, что ставит под сомнение стабильные отношения и связи между государствами, делая мировую систему в целом в достаточной степени неустойчивой. В конце XX – начале XXI в. в мире произошли кардинальные изменения (развал Советского Союза, Югославии, угрозы целостности Китая, Индии, Шри-Ланки, Испании, Канады, Турции, Великобритании), активизировавшие дискуссии в международном праве о взаимоотношениях этих двух принципов. Они касаются, прежде всего, их доктринального толкования и включают в себя как антиколониальные концепции и подходы, отстаивающие территориальную целостность государств, так и теоретические обоснования правомерности одностороннего провозглашения независимости (сецессии). Приоритетное применение тех или иных подходов связано с соотношением сил на международной арене в конкретный исторический период, особенностями общественного правосознания, существованием политики «двойных стандартов» и пр. В настоящее время существенным пробелом в международном праве является неурегулированность способов и форм реализации права народов на самоопределение.

Анализ литературы и международно-правовых документов свидетельствует о том, что принципы территориальной целостности государств и право народов на самоопределение зародились примерно в одно время – во второй половине XVIII в. – и представляли собой неразрывное целое. В Декларации независимости

США 1776 г. источником власти, национально-го суверенитета признавалась нация, наделенная правом выбирать свое политическое устройство, форму правления и самостоятельного развития [1, с. 35].

Во времена Великой французской буржуазной революции естественное равенство всех народов и уважение их суверенитета нашло отражение в Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации» [2].

В результате буржуазных революций в Европе в XIX в. получили дальнейшее развитие идеи народного суверенитета и территориального верховенства по принципу «один народ – одно государство». Национально-освободительные и революционные движения в Италии, Османской и Австро-Венгерской империях основывались на праве народов распоряжаться своей судьбой. В международных отношениях стали появляться элементы права, в частности, необходимость согласия населения при передаче территории от одного государства другому, проведения народных голосований (плебисцитов) как обязательной предпосылки территориальных изменений, например, плебисциты по присоединению графства Ниццы и Савойи к Франции в 1860 г., Неаполитанского королевства и Сицилии – к Итальянскому королевству в 1860 г., Венеции – к Итальянскому королевству в 1866 г. и др.

Вопросы предоставления независимости и автономии определенным территориям рассматривались на международном уровне на Берлинском конгрессе в 1878 г. В частности, Сербия и Черногория получили независимость, Болгария – статус самоуправляющегося княжества с номинальным сохранением османского правления, Восточная Румелия – статус автономии в составе Османской империи. На Берлинском конгрессе армянский вопрос впервые стал объектом международного права. Вопреки ожиданиям армянских лидеров на получение автономии в Западной Армении, ст. 61 Берлинского Трактата обязывала Османскую империю лишь осуществить реформы в армянских областях и обезопасить население от черкесов и курдов под эгидой концерта европейских держав [3]. Воспользовавшись противоречиями между ними, турецкие власти перешли к политике физического уничтожения армянского населения, апогеем которой стал геноцид армян в 1915 г.

В конце XIX – начала XX в. принципы территориальной целостности государств и право народов на самоопределение начинают занимать важное место в программных документах многих либеральных и социал-демократических партий. При этом, если западные либеральные партии толковали принцип территориальной целостности и право на самоопределение как призыв к объединению, а не к разделу уже существующих государств, например германской и итальянской наций, то российские социал-демократы, наоборот, добивались права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства.

Наиболее последовательную позицию в этом вопросе занимал В. И. Ленин. Именно он поднял вопрос о политическом самоопределении угнетенных наций с целью вовлечения их в классовую борьбу. Идеи Ленина легли в основу «Декларации прав народов России», принятой СНК 2 ноября 1917 г., в частности, «равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [4, с. 40].

Этими принципами руководствовалась советская делегация на переговорах в Брест-Литовске в декабре – марте 1918 г. с державами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция). В ответ на их предложение «принять к сведению заявления народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии, об их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из Российской Федерации», СНК 11 января 1918 г. принял декрет «О Турецкой Армении», в котором советская власть признавала право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» «на свободное самоопределение вплоть до полной независимости» [5, с. 35].

По Брест-Литовскому мирному договору от 3 марта 1918 г. в соответствии с ленинским принципом о праве наций на самоопределение от Советской России отторгались Польша, Литва, Украина, часть Белоруссии и Эстляндии, Финляндия, Аландские и Моонзундские острова. Однако в отношении Закавказья этот принцип не применялся – Османской империи отошли округа Карс, Ардаган и Багум. Турецкие власти не позволили армянам реализовать свое право на самоопределение, а Россия обязалась «не вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов» [5, с. 36].

После образования СССР Ленин несколько пересмотрел свои взгляды, разграничил само

право на самоопределение и вопрос целесообразности отделения той или иной нации: «Целесообразность отделения в каждом отдельном случае должна определяться совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» [6, с. 440].

Своеобразным ответом на мирные инициативы Советской России стало знаменитое послание президента США В. Вильсона конгрессу от 8 января 1918 г. В этом документе были сформулированы базовые принципы будущего устройства мира после окончания Первой мировой войны. Среди них – отказ от тайной дипломатии, сокращение вооружений, приоритет интересов общества в решении международных споров. В частности, в п. 5 отмечалось, что «при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены. Каждое территориальное изменение, как следствие войны, должно быть сделано во благо заинтересованного населения, а не как часть голого соглашения или компромисса требований соперничающих государств» [7, с. 27–28].

Вместе с тем в п. 14 своего послания В. Вильсон впервые заявил о политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств, создав тем самым нестыковку с принципом самоопределения народов. Им же была предложена идея создания Лиги Наций, хотя сами США в дальнейшем отказались вступить в нее [8].

В целом предложения В. Вильсона легли в основу Версальского мирного договора и послевоенного устройства мира. Страны-победительницы использовали право народов на самоопределение в качестве политического принципа при образовании новых независимых государств. Однако не прошло и 20 лет, как Вторая мировая война продемонстрировала неустойчивость Версальско-Вашингтонской системы.

Новый этап в развитии базовых принципов международных отношений наступил после окончания Второй мировой войны и связан, прежде всего, с образованием Организации Объединенных Наций. В Уставе ООН, который вступил в силу 24 октября 1945 г., право народов на самоопределение впервые было закреплено в качестве принципа международного права, т. е. произошло превращение его из политического в правовой. В ст. 55 отмечалось, что «с целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует:

а. Повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития.

б. Разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и подобных проблем; международному сотрудничеству в области культуры и образования.

с. Всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [9].

Включению принципа права народов на самоопределение в Устав ООН предшествовало длительное обсуждение в Подкомитете Комитета 1 Комиссии I. В результате было принято компромиссное решение: принцип предполагает право на самоопределение, а не право на сепарацию; самоопределение относится и к возможному объединению национальностей по их свободному волеизъявлению, хотя порядок его реализации не раскрывался [10].

Распад колониальной системы сыграл значительную роль в утверждении права на самоопределение в качестве принципа международного права. Во Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, в Международных пактах о гражданских и политических правах 1966 г. содержались положения о предоставлении независимости колониальным странам, разграничивались права народов, находящихся под колониальной или иностранной зависимостью.

В Декларации о принципах международного права 1970 г. право народов на самоопределение уже не сводилось исключительно к праву колоний, а признавалось за всеми народами. Раскрывая возможные формы осуществления права народов на самоопределение («создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса»), Декларация делала основной акцент на то, что «каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны» [11, с. 153].

Подобное противоречивое понимание содержания двух международно-правовых принципов было закреплено в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. С одной стороны, в случае сепарации, т. е. выхода из государства и выделения части его территории, верховенство устанавливалось за принципом территориальной целостности, а с другой, при самоопределении без нарушения территориальной целостности (например, самоопределение в форме создания автономий), преимущество над принципом

территориальной целостности государств имел принцип самоопределения народов [12].

Такое толкование содержания принципов международного права усложняло процесс самоопределения народов путем создания независимого государства и часто приводило к возникновению как вооруженных, так и невооруженных (межнациональных) конфликтов. Например, сепарация Эритреи, образование Турецкой Республики Северного Кипра, спор по Восточному Тимору между Португалией и Австралией и др. В условиях крайней политизированности принципов международного права их соотношение стало зависеть от внутренних и внешних факторов. Отсутствие конкретных и четких критериев форм и условий реализации права на самоопределение приводило к возникновению правовых коллизий и ограничительному, упрощенному толкованию реального соотношения содержания этих принципов.

В конце XX – начале XXI в. произошли глобальные изменения в миропорядке: завершение процесса деколонизации, объединение Германии, распад таких крупных федеративных государств, как Союз Советских Социалистических Республик (СССР) и Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). Эти события оказали сильное влияние на соотношение международных принципов территориальной целостности государств и самоопределения народов.

Распад СССР и СФРЮ привел к образованию новых независимых государств. Международное сообщество оказалось не готовым к столь кардинальным переменам и признало принцип территориальной целостности в качестве базиса нового миропорядка. Между тем произвольное приращение принципа территориальной целостности к новым независимым государствам без учета соблюдения ими национального законодательства и установления международно признанных границ привело к возникновению серьезных межнациональных конфликтов в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Косово и др.

Статья 72 Конституции СССР 1977 г. содержала положение о праве свободного выхода из Союза, но процедура отделения была регламентирована лишь 3 апреля 1990 г. Законом «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». В соответствии со ст. 2 Закона решение о выходе принимается свободным волеизъявлением народов союзной республики путем референдума, а ст. 3 гласила: «В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР

или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе» [13].

Примечательно, что о Законе от 3 апреля 1990 г. вспомнили в период грузинской агрессии против народа Южной Осетии в августе 2008 г. Именно на основании этого правового акта на заседаниях Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации было объявлено о неправомерности Грузии вершить судьбу своих бывших автономий в 1991 г. По сути Закон СССР от 3 апреля 1990 г. стал юридической базой для признания Российской Федерацией государственной независимости Республики Южная Осетия и Республики Абхазия 26 августа 2008 г.

Таким образом, в соответствии с союзным конституционным правом при определенных условиях не только союзные республики, но и автономии имели право на независимую государственность. Однако этим правом воспользовался лишь Нагорный Карабах. 10 декабря 1991 г. там был проведен референдум, по которому подавляющее большинство населения (99,8%) высказалось за полную независимость от Азербайджана. 6 января 1992 г. Верховный Совет НКАО принял Декларацию о государственной независимости Нагорно-Карабахской Республики.

США и международные организации, заинтересованные в скором распаде Советского Союза, стали рассматривать внутренние административные границы бывшего СССР как международно признанные, а принцип территориальной целостности распространяли на новообразованные государства. Между тем внутренние границы союзных республик, установленные большевиками, исходя из интересов классового, пролетарского интернационализма, были весьма условными и таили в себе немало противоречий, что подталкивало народы к конфликтам, а не к политическому урегулированию. К тому же признание внутренних границ союзных республик не распространялось на границы автономий.

На проблему международно признанных границ обратили внимание еще в 1920 г., когда Лига Наций воздержалась от юридического признания закавказских государств (Азербайджана и Армении) до тех пор, пока они не урегулируют взаимные территориальные споры. Речь шла о Нагорном Карабахе и Нахичеване [14]. С тех пор в практике международных отношений закрепились негласная норма признавать только те новые государства, которые не имеют территориальных проблем.

Таким образом, в 1920 г. Лига Наций не определилась с принадлежностью Нагорного Карабаха. 30 августа 1991 г. Верховный Совет Азербайджанской ССР принял декларацию «О восстановлении государственной независимости Республики Азербайджан», а 18 октября

1991 г. Республика Азербайджан подтвердила свою независимость путем принятия «Конституционного акта о государственной независимости». В Конституционном акте Азербайджанская Республика провозглашалась правопреемницей Азербайджанской Демократической Республики (АДР), существовавшей с 28 мая 1918 г. по 28 апреля 1920 г. [15, с. 35]. В указанный период юрисдикция АДР не распространялась на Нагорный Карабах (впрочем, как и на Нахичевань).

Отказ Баку от правопреемства Азербайджанской ССР вновь поставил под сомнение территориальную принадлежность Нагорного Карабаха, а ко времени международного признания Азербайджанской Республики (принятие в ООН в марте 1992 г.) Нагорный Карабах в соответствии с союзным законодательством провозгласил свою независимость (Нагорно-Карабахскую Республику, НКР) и де факто не вошел в состав Азербайджана.

В условиях нарастания напряженности в межэтнических отношениях происходила насильственная депортация армян и азербайджанцев, которая переросла в кровопролитную войну. В самый разгар войны, с 30 апреля по 12 ноября 1993 г., Совет Безопасности ООН принял 4 резолюции по нагорно-карабахскому конфликту (822, 853, 874 и 884). Главными требованиями являлись: незамедлительное прекращение огня, немедленный и полный вывод оккупационных сил из 7 районов Азербайджана, признание ее территориальной целостности, возвращение беженцев, восстановление экономических, транспортных и энергетических связей в регионе [16]. Ни одно требование или призыв 4-х резолюций Совета Безопасности ООН сторонами конфликта в 1993 г. не были выполнены.

Только благодаря усилиям России 5 мая 1994 г. в г. Бишкеке был подписан документ, известный как Бишкекский протокол, призывающий все противоборствующие стороны прекратить огонь в полночь с 8 на 9 мая 1994 г. К этому времени силы самообороны НКР не только освободили большую часть своей территории, но и заняли 7 районов, создав зону безопасности.

В 1994–2020 гг. в разрешении Нагорно-Карабахского конфликта принимали участие Россия, СНГ, Иран, ООН и СБСЕ (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе)/ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). В этом переговорном процессе проявилось одно из противоречий международного права: между принципом территориальной целостности государств и правом народов на самоопределение. Международное сообщество определилось с концептуальной базой решения Нагорно-Карабахского конфликта на основе соблюдения территориальной целостности Азербайджана и предоставления широкой

автономии армянам Нагорного Карабаха в составе Республики Азербайджан.

Переговоры по заключению мирного соглашения между сторонами не дали результатов. Из-за разногласий с Азербайджаном и США России не удалось ввести своих миротворцев в регион, что в дальнейшем, через 26 лет, позволило Азербайджану нарушить бессрочное соглашение о полном прекращении военных действий. В сентябре – ноябре 2020 г. в результате второй карабахской войны азербайджанская сторона фактически вернула себе потерянные районы, и даже часть территории НКР, в частности Гадрутский район и г. Шуши [17]. По взаимному согласию сторон в регион был введен российский миротворческий контингент. Вопрос о статусе Нагорного Карабаха вновь остался открытым.

Примерно по такому же сценарию развивались события в Косово. В результате распада СФРЮ край Косово, имевший статус автономного образования, 22 сентября 1991 г. объявил о своей независимости и через несколько дней провел референдум. Межнациональное противостояние привело к кровопролитной войне. В ходе войны Советом Безопасности ООН были приняты 5 резолюций, в которых подтверждалась территориальная целостность Союзной Республики Югославия (СРЮ), осуждалось применение силы, содержались призывы к немедленному прекращению огня [18].

Под предлогом этнических чисток и присутствия сербских войск на территории края Косово войска НАТО без санкции Совета Безопасности ООН начали 24 марта 1999 г. военно-воздушную операцию против СРЮ. В результате военных действий им удалось 9 июня 1999 г. добиться согласия СРЮ на ввод миротворческих сил в Косово и переход края под управление ООН, что и было осуществлено на основании резолюции СБ ООН от 10 июня 1999 г. № 1244 [19]. В ней отмечалась необходимость достижения «политического рамочного соглашения, предусматривающего значительную степень самоуправления для Косово с полным учетом» «принципов суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославия и других стран региона» [20].

Переговорный процесс по урегулированию косовской проблемы, аналогичный Нагорно-Карабахскому конфликту, рассматривал территориальную целостность СРЮ, предоставление Косово широкой автономии, возвращение беженцев, организацию и содействие политическому процессу по определению будущего статуса Косово. Однако 17 февраля 2008 г. парламент Косово принял декларацию независимости, а Международный суд по запросу Генеральной Ассамблеи ООН вынес положительное Консультативное заключение по вопросу о соответствии

нормам международного права одностороннего провозглашения независимости Косово [21].

При этом Международный суд обошел стороной такие важные дискуссионные проблемы международного права, как юридические последствия принятия декларации независимости, вопросы сецессии, роль и признание референдумов за независимость. На это обратил внимание А. Х. Абашидзе (в то время вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам), заметив, что Международный суд ООН имел возможность раскрыть содержание права на самоопределение на современном этапе развития международного права [22, с. 75].

По мнению Д. Пушкиной и А. Федоровой, «случай Косово можно считать тем показательным примером, когда политические аспекты проблемы настолько преобладают над правовыми вопросами, что рассмотрение легитимности независимости Косово исключительно с использованием норм права представляется невозможным» [23, с. 164].

В условиях отсутствия общепризнанных критериев признания либо непризнания самопровозглашенных государств мировым державам по существу предоставляется право самим анализировать и определять степень необходимости и обоснованности возможного признания: именно в соответствии с этим правом Российская Федерация признала республику Абхазия и республику Южная Осетия и установила с ними дипломатические отношения.

Правоприменительная практика признания независимости самопровозглашенной Республики Косово, Южной Осетии и Абхазии внесла коррективы в толкование содержания права на самоопределение. В современном международном праве право народов на самоопределение стало основополагающим принципом, приобрело юридически обязательный характер нормы *jus cogens*, в основе которой лежат воля народа и его право самому решать свою судьбу. В то же время сецессия без согласия правительства применяется в качестве крайней меры и возможна только в случае дискриминации народа, преследования его по религиозным или этническим признакам, что ставит под угрозу само существование народа.

Таким образом, можно констатировать, что в основе Нагорно-Карабахского и Косовского конфликтов лежит дискриминация национальных меньшинств. В ряде случаев ситуацию могут осложнять исторические политические решения (как показывает история – ошибочные). Например, при разделе Палестины, при присоединении территории Нагорного Карабаха к Азербайджану, территории Крыма к Украине без соответствующего волеизъявления населения. На протяжении всего советского периода

в Азербайджанской ССР власти проводили политику азербайджанизации, суть которой заключалась в ассимиляции национальных меньшинств. Лезгины, тальши, таты, курды, исповедующие ислам, уже в 1980-е гг. исчезли с этнической карты Республики.

Поскольку армяне меньше поддавались ассимиляции, их посредством экономических и политических преследований постепенно вытесняли из Азербайджанской ССР. Так, если в 1926 г. в Нахичеванской АССР армянское население составляло 10,7%, то ко времени начала развала СССР (1989 г.) – всего 0,6% [24]. В Нагорном Карабахе доля армянского населения за этот же период сократилась с 89,2% до 76,9%, а азербайджанцев – соответственно выросла с 10,0% до 21,5% [25]. А когда политика азербайджанизации встречала непреодолимые препятствия, власти прибегали к политике физического уничтожения: в сентябре 1918 г. азербайджано-турецкие войска заняли Баку и убили более 30 тыс. армян, в феврале 1988 г. и январе 1990 г. произошли массовые погромы мирного армянского населения с многочисленными жертвами, а развязанная в январе 1992 г. война Азербайджана против Нагорного Карабаха принесла многотысячные жертвы.

Массовые нарушения прав человека по национальному признаку и дискриминация национальных меньшинств создали те самые особые обстоятельства, давшие населению Косово и Нагорного Карабаха легитимные, с точки зрения международного права, основания для провозглашения независимости. Однако в первом случае международное сообщество признало волеизлияние народа, а во втором – нет. На наш взгляд, противоречивая трактовка аналогичных событий и явлений связана с рядом причин объективного и субъективного характера: соотношением сил на политической арене и интересами государств в тот или иной конкретно-исторический период, существованием политики «двойных стандартов», отсутствием четкого механизма реализации принципов международного права и др.

При этом следует признать, что в международном праве нет иерархии среди принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение – они взаимосвязаны и обладают одинаковой международно-правовой силой. Заявляя о территориальной целостности государств, международное право допускает возможность изменения границ на основе права народов на самоопределение в том случае, когда конкретное государство пренебрегает своими международными обязательствами и нарушает коллективные права и свободы человека. На наш взгляд, для предотвращения новых межнациональных и этнических конфликтов международному сообществу необходимо разработать механизм правового реагирования

в случае нарушения основных прав и свобод народов.

Список литературы

1. Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательство / пер. с англ. В. И. Лафитского ; под ред. и со вступ. ст. О. А. Жидкова. М. : Прогресс ; Универс, 1993. 765 с.
2. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. [Электронный ресурс] // Великая французская революция. URL: <https://rushist.com/index.php/west/4674-deklaratsiya-prav-cheloveka-i-grazhdanina-1789-kratko> (дата обращения: 26.02.2021).
3. Берлинский конгресс 1878 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (дата обращения: 26.02.2021)ю
4. Декреты Советской власти : в 18 т. Т. 1 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / под ред. С. Н. Валка. М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. 626 с.
5. Чолахян В. А. Брестский мир (1918 г.) и его последствия для армянского народа // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории : сборник материалов XI Всероссийской научной конференции (Саратов, 15 февраля 2018 г.) / отв. ред. В. А. Чолахян. Саратов : Издательский центр «Наука», 2017. С. 33–40.
6. Ленин В. И. Резолюция по национальному вопросу // Полн. собр. соч. (5 изд.) : в 55 т. Т. 31. М. : Издательство политической литературы, 1969. 510 с.
7. Системная история международных отношений : в 4 т. 1918–2000. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов / под ред. А. Д. Богатурова. М. : Московский рабочий, 2000. 380 с.
8. President Woodrow Wilson's 14 Points (1918) [Electronic resource]. URL: <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=false&doc=62> (дата обращения: 27.02.2021).
9. Устав ООН. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 27.02.2021).
10. Documents of the United Nations Conference on International Organization. G / 29 (vol. III). URL: <https://archive.org/stream/documentsoftheun008783mbZpage/n21/mode/2up> (дата обращения: 27.02.2021).
11. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии. Нью-Йорк, 1970. С. 153.
12. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный Акт. Хельсинки 1975. URL: <https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 28.02.2021).
13. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902002993> (дата обращения: 22.02.2021).
14. League of Nations. The Records of the First Assembly. Meetings of the Committees II. Geneva, 1920. P. 173–174. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3104048.html> (дата обращения: 28.02.2021).
15. Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики. № 19–20. 1991. 31 окт. 285 с.

16. Резолюция Совета Безопасности ООН от 12 ноября 1993 г. № 884. URL: <https://www.un.org/russian/document/scresol/res1993/res884.htm> (дата обращения: 30.01.2021).
17. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 05.02.2021)
18. Резолюция Совета Безопасности ООН от 17 ноября 1998 г. № 1207 // Официальный сайт ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N98/357/03/PDF/N9835703.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.03.2021).
19. Операция ВВС в Косово. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49602.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 03.03.2021).
20. Резолюция Совет Безопасности ООН от 10 июня 1999 г. № 1244 // Официальный сайт ООН. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1244\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1244(1999)) (дата обращения: 04.03.2021).
21. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo (Request for Advisory Opinion). URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/141> (дата обращения: 03.03.2021).
22. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Балканы – ахиллесова пята евро-атлантической безопасности // Обозреватель – Observer. 2010. № 10 (249). С. 66–75.
23. Пушкина Д., Федорова А. Невыносимая легкость международного права? // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). С. 164–177.
24. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2294 (дата обращения: 05.03.2021).
25. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resZnac_89.php?reg=70 (дата обращения: 05.03.2021).

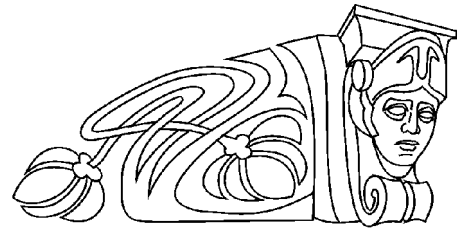
Поступила в редакцию 24.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 24.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 378–382
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 378–382
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-378-382>

Научная статья
УДК 327.8

Джон Кеннеди и программа «Продовольствие ради мира»

С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>, Author ID: 71950

Аннотация. Данная статья посвящена изучению процесса эволюции американской сельскохозяйственной помощи в рамках программы «Продовольствие ради мира», а также ее законодательной основы, в первую очередь закона PL-480, в период президентства Джона Кеннеди. Кроме того, рассматриваются позиции основных групп внутри американского истеблишмента в отношении этой программы, организационная структура и некоторые оценки ее эффективности.

Ключевые слова: «Продовольствие ради мира», PL-480, Дж. Кеннеди, Г. Хэмфри, продовольственная помощь США, «третий мир», экономическое развитие

Для цитирования: Шенин С. Ю. Джон Кеннеди и программа «Продовольствие ради мира» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 378–382. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-378-382>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

John Kennedy and “Food for Peace” program

S. Yu. Shenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey Yu. Shenin, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>, Author ID: 71950

Abstract. This article is devoted to the study of the evolution of American agricultural aid within the framework of the Food for Peace program, as well as its legislative basis, primarily the PL-480 law, during the presidency of John F. Kennedy. In addition, the attitudes of the main groups within the American establishment toward this program, organizational structure and some assessments of its effectiveness are considered.

Keywords: “Food for Peace”, PL-480, J. Kennedy, H. Humphrey, US food aid, “third world”, economic development

For citation: Shenin S. Yu. John Kennedy and “Food for Peace” program. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 378–382 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-378-382>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На протяжении всех послевоенных лет Соединенные Штаты активно формировали и изменяли комплекс внешнеполитических инструментов на основе экономической помощи. Наиболее яркими примерами использования этих инструментов стали такие программы, как «план Маршалла», «пункт-4», закон PL-480 и т. п. При этом все эти и другие подобные мероприятия были направлены не только на решение внешнеполитических задач, но и внутриэкономических проблем в США. Так, с одной стороны, «Закон о развитии торговли сельскохозяйственными товарами и помощи» (PL-480), принятый в июле 1954 г., сформировал инструмент предоставле-

ния нуждающимся странам долгосрочных кредитов под низкие проценты для закупки продукции американского сельского хозяйства. С другой стороны, он создавал возможность избавиться от огромных избыточных товарных запасов, которые вызывали слишком много неприятных вопросов о цене субсидирования фермеров в США.

Эта двойственность PL-480 привела к ожесточенной борьбе внутри американской правящей элиты. Одна группа, возглавляемая сенатором Г. Хэмфри, защищала идею о том, что закон должен акцентировать внимание на безвозмездной гуманитарной продовольственной помощи слаборазвитым странам, направленной на со-

здание условий для экономического развития, а значит и рынков для американской продукции в будущем. Другая группа политиков, представляющая интересы аграрного лобби, выдвигала на первый план интересы фермерского сообщества в США [1, с. 191–194].

В конечном итоге президент Д. Эйзенхауэр выбрал компромиссный вариант. Он поддержал предложение Г. Хамфри создать на базе PL-480 программу «Продовольствие ради мира», учредил в 1960 г. соответствующую правительственную службу (Office of Food for Peace) и должность координатора программы. Таким образом, во второй половине 1940-х и на протяжении 1950-х гг. программа сбыта излишков фермерской продукции рассматривалась как временная мера, представлявшая собой переходный этап к коммерческим продажам на внешних рынках.

Использование данного инструмента стало одной из центральных тем проходившей в 1960 г. предвыборной президентской кампании. Главный кандидат от Демократической партии, Дж. Кеннеди, был уверен, что именно регион слаборазвитых стран станет определяющим для дальнейшей борьбы между двумя полюсами «Холодной войны». Поэтому он как представитель прогрессистского крыла партии и сторонник доктрины «помощи развитию» сразу выдвинул свое видение использования излишков продовольствия.

Хотя Дж. Кеннеди не отрицал необходимость иметь в виду интересы американских фермеров, тем не менее он утверждал, что важнейшим направлением данной аграрной программы для него как президента станет ответственность США перед голодающим «третьим миром». Дж. Кеннеди видел в сельскохозяйственных излишках не обременительную ношу, а национальное богатство и инструмент формирования внешних рынков, внешнеэкономической экспансии [2].

Однако, заняв главное кресло в Овальном кабинете Белого дома, президенту, как и в случае с большинством других инициатив, пришлось искать компромисс с оппозиционно настроенными политиками, традиционно влиявшими на программу распределения фермерских излишков через министерство сельского хозяйства и аграрные комитеты Конгресса.

Подход пришедшей к власти прогрессистской администрации к организации продовольственной помощи был отражен в докладе, представленном Дж. Кеннеди уже 24 января 1961 г. специальной исследовательской группой во главе с М. Линкольном, президентом одной из крупнейших благотворительных организаций США – CARE (Cooperative for American Remittance Everywhere). Эксперты рекомендовали правительству изменить концепцию законодательства «распределения

излишков» в пользу увеличения финансирования пятилетних контрактов с иностранными правительствами для закупки американской фермерской продукции по льготным ценам. Таким образом, идеология правительственной программы продовольственной помощи была приведена в соответствие с важнейшими принципами прогрессистской программы содействия экономическому развитию стран «третьего мира», а именно прагматический характер помощи (отказ от грантов в пользу кредитов), долгосрочность и льготные условия финансирования.

В этот же день директором программы «Продовольствие ради мира» был назначен специальный помощник президента Дж. Макговерн. Либеральный демократ, полностью разделявший веру президента в возможность превращения избыточной фермерской продукции в национальное достояние и инструмент внешней политики, происходил из одного из самых аграрных штатов Америки – Южной Дакоты, что значительно укрепляло его позиции даже среди консервативно настроенных конгрессменов [3].

Важнейший элемент прогрессистской программы иностранной помощи – концентрация ресурсов на «развивающем» аспекте помощи (development assistance) – также нашел отражение в новой политике распределения излишков американской продовольственной продукции. Поступило даже предложение переименовать программу американской помощи голодающим странам Юга в «Продовольствие ради мира через развитие» («Food for Peace through Development») [4]. После посещения латиноамериканского континента директор программы Дж. Макговерн предложил использовать кредиты и гранты на закупку американского продовольствия в качестве стимула для реализации местными властями земельной реформы, заключавшейся в развитии инфраструктуры и введении в оборот принадлежавшей государству земли [5].

Кроме того, программа распределения излишков фермерской продукции была подчинена стратегии централизации и оптимизации управления иностранной помощью, которой Дж. Кеннеди придавал особое значение. Для начала функция общего контроля и координации движения сельскохозяйственных излишков за пределы США была возложена на директора программы «Продовольствие ради мира». Однако при реализации первого же практического проекта – отправки исследовательской миссии в Латинскую Америку – Дж. Макговерн оказался вынужденным согласовывать свои действия с Госдепартаментом, Администрацией международного сотрудничества (ICA) и Министерством сельского хозяйства [6]. В начале ноября 1961 г., когда Кеннеди приступил к формированию организационной структуры иностранной помощи, президентский указ разделил ответственность

за реализацию PL-480 между Министерством сельского хозяйства и госдепартаментом [7].

По сути борьба двух указанных политических групп за контроль над всей программой американской продовольственной помощи не прекращалась все 3 года пребывания у власти Дж. Кеннеди. Не случайно, что даже через 2 года после инаугурации президент вынужден был напоминать: «Мы допустим серьезную ошибку, если будем относиться к программе «Продовольствие ради мира» просто как к программе реализации избыточных товаров, а не как к возможности использовать наши сельскохозяйственные ресурсы для поощрения экономического развития новых и развивающихся стран. «Продовольствие ради мира» является важным инструментом американской внешней политики, значение которого постоянно возрастает» [8, с. 101].

Дж. Кеннеди сумел постепенно превратить «Продовольствие ради мира» из мало популярной среди народов слаборазвитых регионов программы сбыта ненужных продовольственных излишков в «величайшее невидимое орудие политики США в третьем мире». Несмотря на все жалобы и претензии, исходящие из министерства сельского хозяйства, директор программы «Продовольствие ради мира» постоянно получал прямую поддержку президента [9, р. 556]. Ситуация сохранилась и после того, как Макговерн был избран в Конгресс сенатором от штата Дакота в 1962 г., а его пост перешел к Р. Реутеру, представлявшему CARE.

Наконец, следует отметить, что программа «Продовольствие ради мира» воплощала в себе такой принципиальный элемент внешнеполитической стратегии прогрессистов, как расширение участия в программах помощи международных организаций и институтов, а также европейских партнеров США по НАТО. В 1962 г. в ответ на призыв со стороны Д. Эйзенхауэра и Дж. Кеннеди ООН учредила Всемирную продовольственную программу (World Food Program, WFP). Изначально эта программа, по предложению сенатора Дж. Макговерна, планировалась как трехлетний тестовый проект. В соответствии с этим планом 5 сентября 1962 г. на конференции стран-участниц WFP в Нью-Йорке американская делегация взяла на себя обязательство профинансировать трехлетнюю продовольственную программу в размере 50 млн долл. [10] В результате осуществления проекта WFP вышла на лидирующие позиции среди гуманитарных организаций, борющихся с голодом в слаборазвитых странах.

Несмотря на эти международные успехи, борьба за контроль над инструментом продовольственной помощи в Вашингтоне только нарастала. Уже после утверждения в Конгрессе «Закона о помощи» 1961 г. в правительстве вновь возникли противоречия относительно ведомственной принадлежности продовольственной помо-

щи. Сами руководители программы «Продовольствие ради мира» полагали, что их агентство создано для надведомственной координации и разрешения противоречий подходов между ICA, Госдепартаментом и министерством сельского хозяйства в отношении операций по PL-480 [11].

Более того, директор «Продовольствия ради мира» Дж. Макговерн и его заместитель А. Саймингтон горячо поддерживали президентскую идею слияния всех направлений и агентств помощи под крышей Агентства по международному развитию (AID). Объяснялось это тем, что AID не только не собиралось сворачивать временный инструмент поддержки слаборазвитых стран, а, напротив, обещало расширить его применение, поскольку в случае умелого администрирования продовольственная помощь действительно могла прямо и косвенно «обогащать» народы третьего мира, не создавая инфляционной угрозы для их финансовых систем. В течение 1961 г. оба руководителя программы неоднократно посещали американские посольства, местные отделения агентств помощи, офисы международных и американских гуманитарных организаций в Латинской Америке (т. е. ключевом регионе для внешней политики Кеннеди в целом и программы помощи в частности). Их целью было заменить «долларовую» дипломатию на «продовольственную».

В пользу более активного использования продовольственной помощи в программах экономического развития свидетельствовал, в частности, успешный опыт реализации подобного проекта в Тунисе. За два с половиной года (с весны 1958 г.) здесь было завершено почти 4 тыс. проектов по ирригации, строительству дорог и т. п. Труд 100 тыс. рабочих, ежегодно задействованных в реализации проекта, на 70% оплачивался продуктами питания. Руководители программы «Продовольствие ради мира» особо подчеркивали, что эта сравнительно недорогая схема отлично подходит для реализации локальных проектов модернизации сельского хозяйства, которые, несмотря на свой скромный масштаб, действительно позволяют широким слоям населения вкушать плоды социально-экономического прогресса и «воочию оценить американский гуманизм» [12, р. 5808]. Подобную форму финансирования экономического развития планировалось распространить на весь африканский континент, большинство стран которого не были готовы ни к ответственному использованию американских кредитов, ни к реализации либерально-демократических реформ в социально-экономической и политической сферах.

Включение «Продовольствия ради мира» в общую стратегию американской экономической помощи требовало законодательных гарантий долгосрочности финансирования. Бюджетный запрос в Конгресс, проект которого был

представлен Дж. Макговерном президенту в конце марта 1961 г., содержал пятилетний план превращения программы сбыта продовольственных излишков в «инструмент национальной внешнеэкономической политики» и «кузницу экономической модернизации слаборазвитых регионов» стоимостью в 10 млрд долл. [13]. Макговерн предложил распространить опыт Туниса (а также Афганистана и Южной Кореи) по замене заработной платы рабочих, задействованных в модернизационных проектах, продовольственными пайками, на Эритрею, Иран, Индонезию, Марокко, Грецию, Тайвань, а также латиноамериканские страны [14].

Идея использовать гуманитарные продовольственные поставки США не для поддержания существования безработных и нищих, а для оплаты труда работающих и поэтому богатейших людей получила широкую поддержку в Конгрессе. Не случайно из шестимиллиардного бюджета программы помощи на 1962 г. около 2 млрд долл. (т. е. третью часть) планировалось потратить на продовольственные кредиты, прямые гуманитарные поставки, оплату транспортировки и т. п. [15]. Как отмечал А. Шлезинджер, в последующие годы администрации Кеннеди удавалось без труда получать от законодателей стабильно высокий уровень финансирования данной программы [9, р. 557].

Примечательно, что в подготовке стратегии и законодательной основы программы продовольственной помощи продолжало активно участвовать министерство сельского хозяйства. Так, его руководитель О. Фримен внес на рассмотрение аграрного комитета верхней палаты Конгресса поправку о предоставлении 2 млрд долл. для финансирования PL-480 в 1961 г. в дополнение к уже ассигнованным 1,5 млрд долл. и 335 млн долл. не истраченным в предшествующий период. Сфера действия программы кредитования распространялась на Индию (с которой уже был заключен трехлетний контракт на общую сумму около 1,6 млрд долл.), Пакистан, Китай, Индонезию, а также Бразилию, Чили, Парагвай, ОАЭ, Израиль и Польшу (с этими государствами велись предварительные переговоры о возможности заключения кредитных соглашений). Таким образом, несмотря на межведомственные разногласия, большинство в правительстве Кеннеди, включая консерваторов, поддерживали тенденцию географической переориентации общей программы внешней продовольственной помощи на Латинскую Америку, Ближний Восток и Южную Азию.

Несмотря на различие подходов и постоянную борьбу за контроль над фондами программы, заинтересованные департаменты американского правительства, а также AID и комитеты Конгресса по внешней политике и сельскому хозяйству представляли собой достаточно сплоченную группу политических интересов [16,

р. 762]. Единая точка зрения на внешнеполитические приоритеты у членов этой группы была связана с социальной, экономической и особенно политической стабилизацией и развитием тех регионов мира, где существовала наиболее значительная угроза интересам США со стороны СССР или Китая (с начала 1960-х гг. это были Ближний Восток, Латинская Америка, Южная и Юго-Восточная Азия). Внутриполитические общие интересы группы, связанные главным образом с решением проблемы перепроизводства в американском сельском хозяйстве, заключались в расширении поставок американских излишков продовольственных товаров с целью развития отсталых экономик глобального Юга с целью формирования там долгосрочных рынков.

Кроме того, необходимо отметить, что политика продовольственной помощи реализовывалась американским правительством в тесном сотрудничестве с другой группировкой, преследующей главным образом альтруистические цели. Около 95% американской помощи распределялось через 5 крупнейших добровольческих организаций, представлявших основные религиозные конфессии в США – это упомянутая CARE, а также Католическая служба помощи (NCWC), Всемирная церковная служба, Объединенный распределительный комитет американских евреев и Всемирная лютеранская служба помощи [16, р. 763].

В целом надо отметить, что американская продовольственная помощь в рамках стратегии «Новых рубежей» администрации президента Кеннеди сыграла заметную роль в предотвращении массового голода в Индии, Египте, Алжире и других слаборазвитых странах. Использование продовольствия в качестве оплаты за труд фактически стало методом финансирования процесса развития. В дополнение к глубокому внешнеполитическому эффекту программа продовольственной помощи значительно облегчила проблемы, возникшие в американском сельском хозяйстве из-за перепроизводства продукции, увеличила прибыль фермеров и помогала субсидировать индустрию морских перевозок, поскольку продовольствие транспортировалось на американских судах. Сенатор Г. Хэмфри, учитывая такой многосторонний и позитивный эффект программы «Продовольствие ради мира», заявил даже, что она стала для Америки «алхимией XX века» [9, р. 557].

Список литературы

1. Шенин С. Ю. Программа «Продовольствие ради мира» и предвыборная кампания Дж. Кеннеди // Американистика : Актуальные подходы и современные исследования : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. Курск : Курский государственный университет, 2020. Вып. 12. С. 290–298.
2. Press Conference of Senator John F. Kennedy in the Auditorium at Des Moines, Iowa, August 21, 1960. URL:

- <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/des-moines-ia-19600821> (дата обращения: 15.02.2022).
3. Friend of Famers : George Stanley McGovern // The New York Times. 1961. March 31. P. 19.
 4. Food-for-Peace through Development. Memorandum from Manning H. Williams of the Operations Coordinating Board to the Executive Officer of the Operation Coordinating Board (Smith). Washington, January 25, 1961 // FRUS. 1961–1963. Vol. IX : Foreign Economic Policy. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v09/d85>(дата обращения: 15.02.2022).
 5. A Chronology // The New York Times. 1961. February 10. P. 22–23.
 6. Memorandum from President Kennedy to Secretary of State Rusk, Secretary of Agriculture Freeman, and the Director of the Office of Food for Peace McGovern. Department of State. Central Files, 800.03 / 2–161. Washington, January 31, 1961 // FRUS. 1961–1963. Vol. IX : Foreign Economic Policy. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v09/d87>(дата обращения: 15.02.2022).
 7. *Eisenhower D.* Executive Order 10900 – Administration of the Agricultural Trade Development and Assistance Act of 1954, as Amended. January 5, 1961. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-10900-administration-the-agricultural-trade-development-and-assistance-act> (дата обращения: 15.02.2022).
 8. *Наборов В. Б., Курьеров В. Г.* Внешнеэкономическая политика США и развивающиеся страны. М. : Международные отношения, 1968. 108 с.
 9. *Schlesinger A.* A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Greenwich, Conn. : Fawcett, 1965. 967 p.
 10. Circular Telegram From the Department of State to Certain Diplomatic Missions. Department of State. Central Files. 800.03 / 8–2962. Washington, August, 29, 1962 // FRUS. 1961–1963. Vol. IX : Foreign Economic Policy. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v09/d151>(дата обращения: 15.02.2022).
 11. Letter from Deputy Director of the Office of Food for Peace Symington to the Administrator of the Agency for International Development Hamilton. Washington National Records Center, RG 286, AID Administrator Files : FRC 65 A481. Food for Peace, FY 1962. Washington, October 4, 1961 // FRUS. 1961–1963. Vol. IX : Foreign Economic Policy. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v09/d119>(дата обращения: 15.02.2022).
 12. ICA's Role in Food and Peace Programs. Remarks of Herbert J. Waters, special assistant to the Director, International Cooperation Administration, before the Conference on Food and Peace Programs. April 4, 1961. Congressional Record. 87th Congress, 1st sess. Part V. Washington, D.C. : GPO, 1962. 5889 p. (уточнить страницы)
 13. *Belair F.* Key Role Urged for Food as Part of Foreign Policy // The New York Times. 1961. March 31. P. 1.
 14. *Bailey C. W.* Administration Puts New Life in Food-for-Peace Plan // Minneapolis Sunday Tribune. 1961. April 16. P. 3.
 15. Summary Minutes of Meeting of the Interdepartmental Committee of the United Secretaries on Foreign Economic Policy. Department of State, E Files : Lot 65 D 68. Washington, November 1, 1961 // FRUS. 1961–1963. Vol. IX : Foreign Economic Policy. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v09/d126>(дата обращения: 15.02.2022).
 16. *Sullivan R.* The Politics of Altruism : An Introduction to the Food-for-Peace Partnership between the United States Government and Voluntary Relief Agencies // The Western Political Quarterly. 1970. Vol. 23, № 4. P. 762–768.

Поступила в редакцию 26.06.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 26.06.2022; approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 30.06.2022

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 383–393

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 383–393
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-383-393>

Научная статья
УДК 94(470+571+470.44-25)|16|+929Писемские

Основатель Томска Гаврила Иванович и неизвестный воевода Саратова Яков Гаврилович Писемские: страницы биографии

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Author ID: 512797

Аннотация. В статье впервые представлена биография неизвестного ранее воеводы Саратова Якова Гавриловича Писемского, а также его отца – Гаврилы Ивановича, основателя города Томска. Яков Писемский начал службу выборным дворянином по Туле, затем стал московским жильцом, некоторое время был стольником патриарха Филарета, а с марта 1628 г. до конца жизни – московским дворянином. Служба воеводой в Саратове в 1642–1643 гг. стала последним этапом его жизненного пути.

Ключевые слова: Смутное время, Столбовский мир, воевода, боярские списки, Саратов, Г. Ф. Миллер, родословные росписи, Иван Тургенев, Тюмень

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Основатель Томска Гаврила Иванович и неизвестный воевода Саратова Яков Гаврилович Писемские: страницы биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 383–393. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-383-393>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The founder of Tomsk Gavrila Ivanovich and the unknown governor of Saratov Yakov Gavrilovich Pisemsky: Biography pages

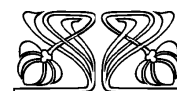
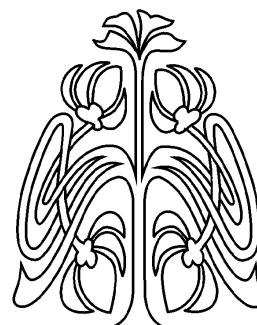
Ya. N. Rabinovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

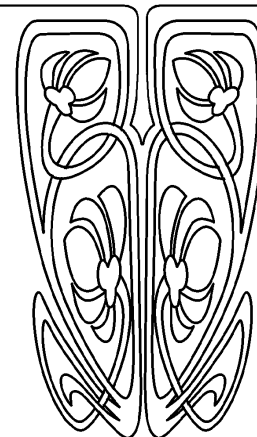
Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Author ID: 512797

Abstract. The article for the first time presents the biography of the previously unknown governor of Saratov Yakov Gavrilovich Pisemsky, as well as his father, Gavrila Ivanovich, the founder of the city of Tomsk. Yakov Pisemsky began his service as an elected nobleman in Tula, then became a Moscow tenant, for some time he was the steward of Patriarch Filaret, and from March 1628 until the end of his life – a Moscow nobleman. Service as governor in Saratov in 1642–43 was the last step in his life.

Keywords: the Time of Troubles, Peace of Stolbovsky, voivode, boyar lists, Saratov, G. F. Miller, genealogical lists, Ivan Turgenev, Tyumen

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

For citation: Rabinovich Ya. N. The founder of Tomsk Gavrila Ivanovich and the unknown governor of Saratov Yakov Gavrilovich Pisemsky: Biography pages. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 383–393 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-383-393>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В последнее время остается все меньше «белых пятен» в истории левобережного Саратова, открываются новые имена воевод, неизвестные А. А. Гераклизову, составившему самый полный список начальных людей этого города за период с 1600 до 1700 г. [1, с. 61–82]. И вот теперь можно сказать, что наиболее темный период истории Саратова, которым считаются 1640-е гг., остался в прошлом. Удалось выяснить, что воеводой Саратова в 1646–1648 гг. был Василий Александрович Чоглоков [2, с. 47–58], которого сменил князь Федор Петрович (а не Никитич, как считал Гераклизов) Борятинский (1648–1650) [3, с. 506–516], а указанный Гераклизовым Иван Юрьевич Тургенев никогда не был воеводой Саратова.

Долгое время было неизвестно, кто сменил воеводу Саратова Григория Никитича Орлова в конце 1641 или в начале 1642 г., и кого сменил следующий воевода Аверкий Федорович Болтин, отправленный на Саратов в феврале 1644 г. [4, с. 244–255]. Было ясно, что ответ следует искать либо в документах Печатного приказа за указанные годы, надеясь, что там окажутся грамоты, адресованные воеводе Саратова, либо в неопубликованных боярских списках за 1641–1643 гг., ведь практически все воеводы Саратова, за немногим исключением, были представителями Государева двора. Хорошо известно, что в боярских списках, составившихся ежегодно, фиксировались все воеводские назначения и другие «командировки» стольников, стряпчих, московских дворян и других представителей Государева двора. Конечно, можно было еще надеяться на удачу, вдруг в сохранившейся переписке каких-нибудь служилых людей, в родословной росписи и других источниках случайно окажется фраза «в 151 (или 152) году при воеводе Саратова» (и далее имя этого неизвестного воеводы), а потом описание какого-то события, случившегося с этим человеком.

Самое интересное заключается в том, что этот «неизвестный» никому ранее саратовский воевода, наоборот, является самым первым из всех воевод Саратова, который был указан в публикации еще в XVIII в., задолго до упоминания Н. М. Карамзиным воеводы Замятни Сабурова и его помощника Владимира Аничкова (имена других воевод Саратова русские историки С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров стали приводить, начиная с середины XIX в., а первые списки воевод были опубликованы в конце 1880 – начале 1890-х гг.).

В гл. 9 «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (этот труд был напечатан на немецком языке самим Миллером в т. 8 «Sammlung Russischer

Geschichte» в 1763 г.) содержится примечательная запись. Приведем ее на русском языке по академическому изданию 1937 г. (перевод немецкого текста выполнен Г. Л. Гейермансом и отредактирован А. И. Андреевым и С. В. Бахрушиным): «§ 94. В мае (1648 г.) прибыли на Тюмень, или, вернее, на реку Пышму калмыцкое посольство и караван от матери Ишкена-тайши и привезли с собой от тайши Берги русского пленного, за которого требовали выкуп. Это был захваченный калмыками и ногайскими татарами в 1644 г. саратовский стрелец, отправленный тамошним воеводой Яковом Писемским с отписками в Москву» [5, с. 115].

Московский историк-архивист Егор Горбатов, многие годы занимающийся публикацией боярских списков, готовя к изданию боярские списки 1641/42 г. и 1642/43 г., также обнаружил, что в этих источниках на Саратове указан Яков Гаврилович Писемский [6, л. 62; 7, л. 78].

Род Писемских известен с XV в., хотя в их родословной еще много неясностей. В справочнике В. В. Руммеля имеется много лакун, посвященных данному роду, приведены 4 его ветви, связь между которыми Руммель не смог определить [8, с. 251–258]. Некоторые вопросы удалось прояснить после публикации А. С. Антоновым и К. В. Барановым одного судебного дела из-за выморочной вотчины Якова Гавриловича Писемского [9, с. 317–324]. Здесь более подробно, чем у Руммеля, описана начальная родословная Писемских по состоянию на середину XVII в. Суд был в 1645 г., когда Яков Гаврилович Писемский уже умер. Оба спорщика доказывали свое родство с Яковом Писемским, надеясь получить его вотчину.

Самый ранний из известных представителей этого рода – Борис Юрьевич Писемский. По словам В. В. Руммеля, дети боярские Иван Васильевич и Иван-Виляй Писемские сопровождали в Литву в 1495 г. великую княжну Елену Ивановну, невесту литовского кн. Александра Казимировича [8, с. 251]. Упомянутый Иван Васильевич, видимо, был внуком этого Бориса Писемского.

В Дворовой тетради середины XVI в. указаны три брата Писемских, которые служили по Кашире (дворовые дети боярские): «Федор, да Алешка, да Иванец Андреевы дети Писемского. Федор в полону» (других представителей рода Писемских здесь нет) [10, с. 163]. Это были дети Андрея Ивановича Писемского, сына указанного ранее Ивана Васильевича Писемского. Братья Писемские принадлежали к старинному роду костромских вотчинников. Младший из этих

братьев – Иван Андреевич Писемский – был дедом будущего воеводы Саратова. В. В. Руммель приводит много сведений о старших братьях И. А. Писемского [8, с. 251]. Федор Андреевич Писемский дослужился до думного дворянина, был послом в Крыму, Польше, Англии, вел переговоры со шведами, умер в 1591 г. [11, с. 221, 231, 254; 12, с. 62, 64, 65, 71, 95, 142, 194, 266, 284; 13, с. 40, 52, 114, 115, 198, 201; 14, с. 579]. Алексей Андреевич Писемский в 1580–1590-е гг. служил головой во многих городах (Орле, Мценске, Болхове, Рязани, Крапивне, Туле, Ряжске) [14, с. 579].

Младший брат Иван Андреевич Писемский при Иване Грозном подвергся опале за то, что якобы «говорил про государя непригожие речи» [15, с. 349], потом при царе Федоре Ивановиче служил осадным головой в 1580–1590-е гг. на Туле, Деделове, Белеве, Новосили, умер в 1595 г., оставив единственного сына Гаврилу [14, с. 579; 16, с. 108, 236, 333].

У Андрея Ивановича Писемского, кроме трех указанных братьев, было еще два сына – Василий и Даниил, но о них мало что известно, хотя из этой ветви Писемских только потомки Даниила Андреевича Писемского пережили бурные события XVII и XVIII вв. [8, с. 251–258].

Отец будущего воеводы Саратова Гаврила Иванович Писемский – личность хорошо известная. Его связь с первым представителем рода Писемских можно указать следующим образом: Борис Юрьевич Писемский – Василий – Иван – Андрей – Иван – Гаврила. Службу он начал в 1589 г., 25 июня этого года был внесен в списки жильцов в боярском списке 1588/89 г. Молодость его подчеркнута тем, что в этом боярском списке он назван «Гаврилко Иванов» [16, с. 212]. В 1590-е гг. его имя в источниках упоминается редко. Известно, что Гаврила Писемский в 1595 г. вместе со своим дядей Алексеем Андреевичем имел вотчину – с. Исаево с деревнями и пустошами в Шачебольском стане Костромского уезда. Это указано в выписке из платежных книг 1595–1597 гг. князя Федора Кривоборского, составленной после смерти отца Гаврилы Ивана Андреевича Писемского [17, с. 75].

Вновь Гаврила Писемский упоминается в источниках в 1602 г. В Боярском списке 1602/03 г. он записан дворянином по выбору из Тулы с окладом 600 четвертей. Против его фамилии стоит помета – в Сибирь [16, с. 278].

У Руммеля Гаврила Писемский указан головой в сибирском городе Сургуте уже в 1602 г. Однако в одной из разрядных записей говорится, что только в феврале 1603 г. послали из Москвы в Сургут воеводу Федора Васильевича Головина и голову Гаврилу Иванова Писемского [18, с. 54]. Так что прибытие Головина и Писемского в Сургут, скорее всего, состоялось лишь в апреле – мае 1603 г. В источниках он назван головой у казаков и письменным головой. Прибыв в Сургут, новые воеводы переписали всех служилых

людей и раздали им государево жалование. Выяснилось, что имеются большие потери среди гарнизона, убито в посылках, острогах и умерло 115 казаков и стрельцов, а вместо выбывших смогли прибрать только 40 чел. Получив такое тревожное донесение, царь Борис Годунов приказал 3 марта 1604 г. воеводам Верхотурья срочно набрать охочих людей в сургутские стрельцы и казаки «на выбылые места» и направить их в Сургут, выдав им хлебное и денежное жалование. Верхотурские воеводы получили царский указ 4 апреля, и к лету 1604 г. подкрепление прибыло в Сургут [19, с. 58–59]. Теперь с новыми силами можно было уже проводить дальнейшее освоение Сибири.

Немногим более года (весна 1603 г. – лето 1604 г.) Гаврила Писемский служил в Сургуте под началом воеводы Ф. В. Головина, а в сентябре 1604 г. вместе с тобольским сыном боярским Василием Фомичем Тырковым он уже построил Томский острог на правом берегу р. Томь для сбора ясака и приведения «кочевных волостей под государеву высокую руку». Наказ ему о строительстве Томска был отправлен из Москвы в Сургут 25 марта 1604 г. [20, с. 411–412]. Г. И. Писемский является основателем г. Томска, его первым «воеводой». Фактически он был письменным головой, старшим начальником этого города, но будем его условно называть воеводой. В комментариях к труду Г. Ф. Миллера публикаторы сообщали, что в фонде Сибирского приказа сохранились две грамоты в Сургут, касающиеся основания Томска. Первая грамота от 20 января 1604 г. по челобитью «Томской волости Тояна князя». Видимо, в ней давалось предварительное распоряжение о подготовке к строительству нового города. Вторая грамота – от 23 марта 1604 г. о построении города на р. Томь, в которой уже конкретно поставлена задача Писемскому и Тыркову. В этом же фонде Сибирского приказа сохранился и полный текст наказа будущим строителям Томска [20, с. 507]. Учитывая большое расстояние от Москвы до Сургута и время на подготовку к такой дальней экспедиции, можно считать, что отправка из Сургута служилых людей к месту строительства будущего города началась только летом 1604 г.

Одновременно с отправкой наказа будущим строителям Томска были посланы из Москвы в конце марта 1604 г. грамоты в другие города о направлении в Сургут дополнительных контингентов служилых людей для строительства Томска. Из Тюмени было приказано направить 50 стрельцов и казаков с атаманом Дружиной Юрьевым, двух пушкарей, одну скорострельную пищаль [20, с. 411].

Из Березова были отправлены кодские остяки в Сургут. Позже, уже во времена Василия Шуйского, князь кодских остяков Онжа Юрьев писал, что он и 100 остяков в 1604 г. вместе

с Гаврилой Писемским «город ставили и всякое городовое дело делали» [20, с. 415–416].

Более точные даты строительства Томска (сентябрь 1604 г.) указаны в так называемой «Росписи Томских воевод», опубликованной вместе с Сибирской летописью в Полном собрании русских летописей и в одной из отписок кетского воеводы. В Росписи Томских воевод (документе, составленном по материалам томской приказной избы) говорится, что «воеводы в Томской учали ездить со 113 году. Были воеводы головы Гаврило Писемской да Василей Тырков, сиденья их было 2 годы, приехали в Томской сентября в 14 день и город обложили сентября в 17 день» [21, с. 344–345]. Другая дата на десять дней позже (27 сентября 1604 г.) приводится в отписке кетского воеводы Постника Бельского, в которой подчеркнута, что по царскому наказу Бориса Годунова «в Томской волости город зделали со всеми крепостями сентября в 27 день» [20, с. 413–414]. Активное участие в строительстве Томска принял конный казак Тюменского города Гаврилка Иванов, который в конце 1622 г. писал, что ставил Томский город при воеводе Гавриле Писемском. Этот ветеран сибирской службы участвовал еще в походе Ермака, служил 42 года, до Томска он еще ставил Тюмень, Тобольск, Тару, Пелым [20, с. 454–455].

Воеводам Писемскому и Тыркову помогал и вел всю документацию в Томске подьячий Кирилка Федоров. Первой в Томске была построена церковь Сергия Радонежского, ведь основание города пришлось на память этого святого (она в те годы отмечалась 25 сентября). Местный томский поп с таким же именем Сергей сразу же стал заниматься крещением ясашных людей и проводить все необходимые церковные службы.

Из нового города Томска воеводы Писемский и Тырков прислали донесение, в котором говорилось, что они должны были прибрать в этот город в служивые люди и на пашню «из Зырян» 50 чел., но смогли найти только 5 чел., поэтому царь Борис Годунов 24 февраля 1605 г. (за 2 месяца до своей кончины) дал указание воеводам Верхотурья прибрать в Томск 50 чел. «гулящих охочих людей... молодых, добрых, и стреляти которые б умели» [22, с. 62]. Почва в районе Томска была плодородной, вскоре местный гарнизон перестал испытывать недостаток хлеба. Это тоже была заслуга Писемского и Тыркова. Пытались воеводы заключить соглашения с соседними племенами. В декабре 1604 г. Писемский и Тырков посылали к Белым Калмыкам, к князю Обаку своих людей – тобольского литвина Ивашку Поступинского и томского конного казака Бажена Константинова для переговоров. Вернулись эти послы в Томск 2 января 1605 г. [20, с. 424].

Споры воевод Томска с соседним воеводой Кетского острога Постником Бельским насчет

сбора ясака и ясачных людей с волостей Чулыма и Киргизов были со временем улажены, хотя изначально Постник Бельский был очень недоволен действиями Гаврилы Писемского и написал томским воеводам гневное письмо: «Вы поступаете напрасно в мой присуд, тем меня лаετε, и мне о том писать государю. А будем, даст бог, на Москве, и увидим царские очи, и мне бить челом на вас о бесчестье» [20, с. 412–413].

К лету 1605 г. между воеводами соседних городов было налажено взаимодействие, они предупреждали друг друга о враждебных намерениях кочевников. Так, в июле 1605 г., когда в Москве уже царствовал Лжедмитрий I, Постник Бельский направил Гавриле Писемскому сообщение о подготовке врагами нападения на Томск. Они собирались улучшить удобный момент, когда томские служилые люди разойдутся на пашни и на рыбную ловлю, чтобы их перебить и захватить Томск. Во главе заговора стояли Томский князец Басандай, Киргизский князец Номзи, Чулымский князец Лага, Обский князец Байбахта [20, с. 414–415]. Публикаторы указали дату этого документа между 7 июля и 31 августа, руководствуясь тем, что кетский воевода устроил допрос заговорщикам 7 июля и он же указывает везде «нынешний 113-й год», который кончается 31 августа 1605 г. Однако, учитывая опасную ситуацию, воеводе следовало действовать быстро, поэтому данную отписку воевода Постник Бельский, скорее всего, отправил в Томск в тот же день – 7 июля.

Когда Гаврила Писемский уехал из Томска в Москву, точных сведений нет. Видимо, придя к власти, Лжедмитрий I отправил воевод в Сибирь с новыми наказами и с требованием присяги ему. Дорога из Москвы до далекого Томска занимала не менее 3 месяцев. В любом случае, какое-то время Гаврила Писемский находился в Томске при Лжедмитрии I. В разрядных записях за 1605/1606 г., опубликованных С. А. Белокуровым, среди ряда событий, произошедших во время правления этого самозванца, указывается: «В Томи воеводы: Гаврило Иванович (в других списках – «Иванов сын». – Я. Р.) Писемской да Василей Фомин сын Тырков» [23, с. 78, 135].

Смена воевод в Томске произошла, видимо, весной – летом 1606 г. Известно, что сменщики, отправленные Лжедмитрием I, Матвей Ржевский и Семен Бартенев в 114 г. (1605/1606), когда ехали из Москвы в Томск, то по пути грабили ясашных людей. Потом на их «насилие» жаловались томские служилые люди и местные киргизы [20, с. 416–419].

Прибытие Гаврилы Писемского из Сибири в Москву произошло уже после гибели Лжедмитрия I и совпало с осадой столицы повстанческой армией Ивана Болотникова. Он сражался под Калугой против Болотникова в составе войска Василия Шуйского. В боярском списке 1606/07 г. Гаврила Писемский указан по-прежнему как

тульский выборный дворянин с окладом 600 чети [24, с. 147]. В конце 1612 г. он являлся представителем ополчения Трубецкого и Пожарского на Алатыре и в Арзамасе. В трех различных разрядных записях, приведенных С. А. Белокуровым, информация об этом дополняется. В одной записи говорится, что эти события происходили уже после сентября 1612 г. К сожалению, нигде не говорится, кто именно отправил Гаврилу Писемского на Алатырь: «Во 121-м году послан на Олатырь збирать денег даточным людям под Москву Гаврила Иванов сын Писемской, а посылал от себя в уезд збирать денег княз Дмитрия княж Иванова сына Болховского» [23, с. 234].

В другой записи уточняется, что он не только собирал деньги и ратных людей, но и сам вместе с ними шел под Москву [23, с. 112]. В третьей записи дополняется, что воевода Гаврила Писемский собирал ратных людей не только на Алатыре, но и в Арзамасе [23, с. 107]. Скорее всего, эти события происходили в самом начале 121 г., в сентябре – октябре 1612 г. Известно, что Гаврила Писемский имел в 1612 г. в Арзамаском уезде поместье (200 четей), которое ранее принадлежало местным помещикам Ивану и Семену Нетесевым, а после их смерти – их вдовам с детьми. 15 ноября 1612 г. из Москвы от воевод Трубецкого и Пожарского по челобитью Татьяны, вдовы Ивана Нетесева, была отправлена грамота в Арзамас местному воеводе князю Петру Львову, в которой говорилось, чтобы это поместье вновь передать Нетесевым, а «Гаврила Писемского и его людей ис того поместья велено выслати вон перед собою часа того» [25, с. 489].

В 1614 г. при Михаиле Романове Гаврила Писемский уже был московским дворянином. Летом 1614 г. он вместе с дьяком Парфеном Кузьминым был отправлен из Москвы в Торжок с деньгами для выплаты жалования атаманам и казакам в войске боярина кн. Д. Т. Трубецкого, находившегося под Новгородом. К моменту прибытия их в Торжок многие казаки уже бежали из войска Трубецкого и стали заниматься грабежами. В итоге значительная часть жалования не была выдана. Писемский с помощником вернулись в Москву и 3 ноября 1614 г. передали в Разрядный приказ оставшиеся деньги 2300 руб. [26, с. 283].

Судя по названию одного из документов, приведенного Н. П. Лихачевым, Гаврила Писемский в 1613/14 г. раздавал деньги казакам не только в Торжке, но и под Смоленском, который в то время был осажден русским войском князя Д. М. Черкасского, а также в Москве. Название этого документа следующее: «Книги роздаточные роздачи Гаврила Писемского да дьяка Парфена Кузьмина на Москве и под Смоленском атаманом и казаком 122 году» [27, с. 66–67].

Летом 1615 г. Гаврилу Писемского направили в Невель вторым воеводой (первым воеводой

был назначен стольник Василий Васильевич Волынский). Они сменили в этом городе Семена Никитича Гагарина [27, с. 38; 28, стб. 236; 29, стб. 176]. О состоянии Невеля и событиях в этом городе в те годы подробно говорится в книге о южных псковских пригородах [30]. В разрядной записи, опубликованной С. А. Белокуровым, аналогичная запись об отправке в Невель Гаврилы Писемского стоит сразу после отправки под Смоленск на замену воеводам Черкасскому и Троекурову новых воевод Ивана Хованского и Дмитрия (?) Вельяминова (на самом деле – МIRONА Андреевича Вельяминова) [23, с. 258].

В феврале 1616 г. вместо Василия Волынского и Гаврилы Писемского в Невель были назначены новые воеводы – Семен Яковлевич Молвянинов и Крик Степанович Евфимьев. Смена воевод произошла относительно быстро, так что уже в марте 1616 г. Гаврила Писемский находился в Москве. Руммель воеводство Писемского в Невеле ошибочно указал вплоть до 1617 г. [8, с. 251]. В Боярской книге 1616 г. Гаврила Писемский значится дворянином московским (записан в середине списка дворян после Казарина Бегичева, 92-м по счету из 274 чел.) [31, с. 144].

В. В. Руммель отмечал, что в 1618 г. Гаврилу Писемский «межевал шведскую границу» [8, с. 251]. В соответствии со ст. 12 Столбовского договора, опубликованного в книге шведского королевского историографа Юхана Видекинда, 1 июня 1617 г. должны были съехаться полномочные послы в двух местах, одно из которых было у устья р. Лавуи, а другое – на границе Соломенского и Олонецкого погостов на северо-восточном побережье Ладожского озера [32, с. 439]. В тексте Столбовского договора, опубликованного в Полном собрании законов Российской империи, приводится несколько иная дата съезда на втором участке: «Да в то ж время близ будущего 1 дня Июля иным обоим Государей полномочным послом ... съехатись на рубежи... дозрети тех уездов старинные рубежи и грани, как они изстари бывали и их утвердити» [33, с. 183]. Именно этим межеванием границы на втором участке руководил Гаврила Писемский.

В Дворцовых разрядах под 1617/18 г. имеется запись: «Того ж году межевали государевы послы с Немецкими послами, меж Новгородскаго уезду и королевскаго, Гаврило Иванов сын Писемской да Никита Васильев сын Вышеславцев» [28, стб. 322]. Более подробно об этом межевании в Лопских погостах говорится в Описи архива Посольского приказа [11, с. 173, 301–302. 403], в труде Н. Н. Бантыш-Каменского [34, с. 151–152], а также в справочнике В. В. Похлебкина [35, с. 203]. Здесь названы имена всех русских и шведских послов и подчеркнута, что эти переговоры велись не только в 1617/18 г., как отмечал Руммель, а продолжались с перерывом вплоть

до августа 1621 г. Все это время «государев межевой дворянин» Г. И. Писемский возглавлял эти переговоры. В Описи архива указан документ – «*Столп свейской межевальной Гаврила Писемского с товарищи 129-го году по 130-й год*» [11, с. 302]. Судя по названию документа, Гаврила Писемский в 129 (1620/21) г. продолжал руководить межеванием пограничных земель. Юхан Видекинд, на базе сочинения которого писал свое исследование о переговорах при межевании земель И. П. Шаскольский [36, с. 114–120], подробно разобрал, с какими трудностями велись эти переговоры, как они прерывались и снова возобновлялись из-за спора насчет двух волостей Корельского уезда [32, с. 482–492].

Возвращавшиеся из Стокгольма после ратификации Столбовского договора русские послы во главе с кн. Ф. П. Борятинским по приезде в Выборг в конце сентября 1618 г. узнали от гонца Ефима Есипова о срыве переговоров на втором рубеже после того, как «свейские межевальные послы Анц Мунк с товарищи з государевыми с межевальными послы з Гаврилом Писемским с товарищи разъехали за волость Реболу да Ленъдоозерского погосту за деревню Порозеву» [37, с. 67]. Рассерженные шведские послы во главе с Гансом Мунком уехали в Корелу, а «государевы де межевальные послы Гаврило Писемской с товарищи стояли на рубеже две недели, после их отошли стоять на Белоозеро» [37, с. 68].

Судя по всему, срыв переговоров произошел в начале сентября 1618 г. В 1619–1620 гг. съезды на рубеже возобновлялись и эти переговоры успешно завершились только в августе 1621 г. Густав Адольф разрешил своим уполномоченным уступить русским Реполу и Пуорярви (Ребольская и Порозерская волости) [32, с. 488–492].

Н. Н. Бантыш-Каменский отмечал, что 3 августа 1621 г. «на рубеже у Ладожского озера у Варачева камня межевые записи учинив и разменясь оными, кончили многотрудное оное дело» [34, с. 152].

Ю. Видекинд и И. П. Шаскольский считали, что затягивание этих переговоров произошло по вине русской стороны. При этом Видекинд называл только второго посла Никиту Вышеславцева и дьяка Копнина, а имени Гаврилы Писемского не упоминал. И. П. Шаскольский вообще не указывал имен русских послов [32, с. 482; 36, с. 114–120].

Во время этих переговоров местные жители жаловались на русских послов, особенно на второго посла Никиту Вышеславцева, за то, что они брали лишний корм, лошадей, чинили разные убытки крестьянам. Сам же Гаврила Писемский взял у одного местного жителя лисицу стоимостью 13 руб., а денег не отдал за нее [38, с. 371–373].

С 1622 г. сведений о Гавриле Писемском в источниках не обнаружено. По мне-

нию В. В. Руммеля, Гаврила Писемский умер до 1628 г. Точную дату смерти пока выяснить не удалось. Известно лишь, что уже после смерти Гаврилы Писемского, начиная с декабря 1627 г. и вплоть до июля 1628 г., велось дело о передаче части его вотчины в Костромском уезде (с. Исаево в Шачебольском стане), которой он владел сначала совместно с дядей Алексеем Андреевичем Писемским, а затем с дочерью последнего Анастасией, зятю этой Анастасии князю Андрею Андреевичу Голицыну [17, с. 75]. Современный исследователь А. А. Селин считает, что Гаврила Писемский умер намного раньше, еще до 1621 г.: «... Во время длившегося три года размежевания он скончался, и дело разграничения двух государств возглавил Никита Вышеславцев, успешно завершивший его в 1621 г.» [39, с. 274]. Однако никаких источников, подтверждающих данный тезис, исследователь не привел.

Что касается самого Якова Гавриловича Писемского, то он родился, видимо, в конце 1590-х гг., до отправки отца в Сибирь. Участие его в заключительных событиях Смутного времени не обнаружено. Самые ранние сведения о нем приводит Руммель только по состоянию на 1620 г. Под этим годом Руммель отмечает Якова Писемского тульским помещиком [8, с. 251]. Благодаря деятельности отца Яков Гаврилович становится выборным дворянином по Туле. Когда отец длительное время находился в Новгородской земле на межевании, его сын начинал службу на южной границе, среди тульских дворян. Вскоре выборный тульский дворянин Яков Писемский становится московским жильцом.

Ценная информация о службе Якова Писемского в качестве московского жильца содержится в боярском списке 1627/28 г.: «*Великого ж государя свейского патриарха стольники, а наперед сего были у государя в житье... Велено быть в стольниках в 133-м году*» [40, с. 109–110]. Судя по данному тексту, Яков Писемский московским жильцом служил в течение 1621/22–1624 гг., а потом в 1624/25 г. (в 133 г.) стал патриаршим стольником. В предыдущем боярском списке 1626 г. также констатируется, что Яков Писемский являлся патриаршим стольником [40, с. 33]. Далее в боярском списке повторено, что Я. Г. Писемский стал патриаршим стольником в 133 г., т. е. в 1624/25 г., а «*136-го марта в 9 день государь пожаловал, велел написать в московский список*» [40, с. 110].

В. В. Руммель указывает, что Яков Писемский после службы в 1620 г. тульским помещиком стал московским дворянином с 1627 г. Ему неизвестно, что он был ранее московским жильцом, а потом патриаршим стольником. К тому же московским дворянином он стал не в 1627, а, как свидетельствует запись в боярском списке 1627/28 г., значительно позже – в марте 1628 г. В этом боярском списке Яков Писемский записан после кн. Андрея Морткина и Ермолы

Милюкова перед Иваном Зюзиным, которые стали московскими дворянами также весной 1628 г. [40, с. 146]. Аналогичную картину можно наблюдать и в следующих боярских списках – в 1629 г. [40, с. 304] и в 1629/30 г. Однако список 1629/30 г. отличается от других тем, что в нем все чины расписаны по статьям для упорядочения последующих списков – Милюков указан в 3-й статье, а Писемский с Зюзиным – во 2-й [40, с. 386]. Поэтому в дальнейших списках 1630/31 г. и 1631/32 г. Писемский стоит уже между Морткиным и Зюзиным, а Милюков – в конце [40, с. 484].

Сразу после назначения в состав московского дворянства в том же 1628 г. Яков Писемский значится в боярском списке на Валуйке, как и многие другие московские дворяне [40, с. 222]. Обычно такая служба на Валуйках была связана с «посольской разменой». В книгах разрядных в 1628 г. указано, что на Валуйки были назначены окольный Ф. Л. Бутурлин и дьяк Воин Трескин. В этом источнике приводится количество служилых людей из разных городов, которые должны были сопровождать окольного Бутурлина. Известно, что 28 мая 1628 г. дополнительно царь повелел послать для посольской размены с окольным Федором Бутурлиным 100 дворян московских и 100 жильцов [41, стб. 826; 42, стб. 60]. А далее в разрядах имеется запись: *«И того году окольной Федор Бутурлин и Воин Трескин и [ратные люди] на Волуйке для посольские размены не были»* [42, стб. 60].

Однако в сентябре 1628 г. (т. е. уже в следующем 7137 г.) в Дворцовых разрядах отмечалось, что такая отправка служилых людей на Волуйки все же состоялась, но позже (указ был от 3 сентября 1628 г.). В Крым отправлялись посланники Лаврентий Кологривов и подъячий Алексей Дуров, а с ними вместе возвращались домой крымские послы. Возле Волуек на р. Ураеве они должны были встретить возвращавшихся из Крыма прежних послов Степана Тарбеева и подъячего Ивана Басова, а также послов нового крымского хана Джан-бек Гирея. Среди 100 московских дворян, сопровождавших послов, указан Яков Гаврилович Писемский, причем в самом начале списка (17-м по списку) [41, стб. 827]. Здесь приведен и список 100 московских жильцов. Также на этой размене были 200 московских стрельцов. Однако «посольская размена» в то время так и не состоялась. Служилые люди стояли на Осколе до января 1629 г., а в январе были распущены по домам. Весной 1629 г. на замену им на Оскол прибыли из Москвы другие 50 дворян, 50 жильцов и 200 стрельцов (прежние стрельцы также оставались на Осколе). Размен на Волуйках состоялся только в сентябре 1629 г. [41, стб. 824–831].

В Дворцовых разрядах придворная служба московского дворянина Якова Гавриловича Писемского за период 1629–1633 гг. никак не отмечена. Вновь мы видим его уже во время заверша-

ющего этапа Смоленской войны. В. В. Руммель указывал, что Яков Писемский в 1634 г. был головой в Волоколамске [8, с. 251]. Один из списков Дворцовых разрядов позволяет более подробно осветить этот сюжет (список Е, частная разрядная книга, принадлежавшая детям окольного Алексея Ивановича Зюзина).

После капитуляции армии Шеина под Смоленском дорога на Москву для польского короля Владислава была фактически открыта. Кроме полка в Можайске, где находились полковые воеводы бояре и князь Д. М. Черкасский и Д. М. Пожарский, на Волоку Ламском срочно формировался полк кн. Никиты Ивановича Одоевского, помощником которого был кн. Иван Федорович большой Шаховской (в будущем – один из воевод Саратова). В списке Е Дворцовых разрядов дается роспись воевод по городам после 2 марта 1634 г. В полку кн. Н. И. Одоевского на Волоке в качестве головы у московских дворян, жильцов и выборных дворян из городов указан только один человек – Яков Гаврилов сын Писемский. Далее приводятся головы у городских дворян (12 голов) и голова у татар. У второго воеводы кн. И. Ф. Шаховского в подчинении указаны всего 3 головы городских дворян и голова у татар. Судя по данной записи, Яков Писемский был выше всех упомянутых 17 голов, он стоял первым после воевод Одоевского и Шаховского [41, стб. 395–396]. Как известно, король Владислав после Смоленска занялся осадой крепости Белой, героическая оборона которой воеводой кн. Ф. Ф. Волконским сорвала все планы Владислава по походу на Москву. Вскоре был заключен Поляновский мир.

После Смоленской войны имя дворянина Якова Писемского вновь пропадает из Дворцовых разрядов. Мы не видим его среди других московских дворян, выполнявших обычные дворцовые обязанности, его имени нет на различных придворных церемониях, встречах послов, праздничных обедах. Единственная запись, которую удалось обнаружить в другом источнике – Записной книге Московского стола 1636/37 г., относится к марту 1637 г. В это время царь уезжал в с. Покровское. В Москве оставались за царя бояре князь Иван Андреевич Голицын, Андрей Васильевич Хилков и окольный Степан Матвеевич Проестев. 24 мая 1637 г. дневал и ночевал на государевом дворе с кн. А. В. Хилковым, с 43 стольниками, 9 стряпчими, 47 московскими дворянами и 10 дьяками Яков Гаврилович Писемский (он указан 16-м в списке московских дворян) [43, с. 92].

На следующий год Яков Писемский, как и большинство московских дворян, был отправлен на Тулу. После того, как донские казаки взяли турецкую крепость Азов, угроза войны с Османской империей стала вполне реальной, поэтому все чины государева двора были разделены по половинам, одна часть находилась на Туле.

В «Подлинном» боярском списке 1637/38 г. напротив фамилии Я. Г. Писемского имеется запись «на Туле» [44, с. 63]. В следующем «Подлинном» боярском списке 1638/39 г. он вновь указан «на Туле», но эта помета зачеркнута, следовательно, в начале этого 7149 г., т. е. в сентябре – октябре 1638 г., когда составлялся этот боярский список, он еще находился на Туле, а к зиме 1638/1639 г. был отозван в Москву, когда опасность татарских набегов уменьшилась [45, с. 186].

В. В. Руммель отмечал, что Яков Писемский был московским дворянином в 1627–1640 гг. Насчет начальной даты уже говорилось (правильно – с 9 марта 1628 г.). Конечная дата также требует уточнения. После 1640 г. Яков Писемский был еще жив, продолжал служить московским дворянином. Именно эти последние несколько лет его жизни после 1640 г. связаны с левобережным Саратовом. В боярском списке 1641/42 г. против его фамилии стоит помета – «на Саратове» [6, л. 62].

Скорее всего, Яков Писемский прибыл в этот город из Казани с весенним караваном в конце апреля – начале мая 1642 г. К тому времени уже сложилась практика смены воевод на Саратове и Самаре. Со вскрытием Волги ото льда в апреле почти одновременно направлялись два каравана – плавной из Казани в Астрахань и верховой – из Астрахани в Казань. В Астрахани Волга раньше вскрывалась от льда, но каравану приходилось медленно плыть вверх против течения, постоянно натываясь на движущиеся навстречу льдины. Расчетное время от Казани до Астрахани составляло 4 недели, а из Астрахани до Казани – 6 недель (именно на такой срок выдавалось продовольствие). Из Казани караван обычно направлялся на Низ «со льдом вместе» с началом ледохода. Караван из Казани прибывал в Саратов на неделю – две раньше, чем караван из Астрахани. Этого времени было вполне достаточно, чтобы новый воевода принял все дела у прежнего воеводы, который, дождавшись прибытия каравана из Астрахани, с ним вместе отправлялся к Казани и далее в Москву докладывать о завершении воеводской службы.

Прибыв в Саратов, новый воевода Яков Писемский выполнял обычные воеводские обязанности – встречал и провожал посольские и другие караваны, обеспечивая их безопасность плавания по Волге в своей зоне ответственности. Воевода, как правило, выделял для сопровождения караванов до 100 саратовских стрельцов. Сюда входит и борьба с воровскими казаками и кочевниками, причем к прежним ногайским отрядам присоединились новые, более опасные кочевники – калмыки. Приходилось оборонять от них и сам Саратов. Одно из таких нападений, видимо, произошло при воеводстве Якова Писемского в 1643 г., что вынудило русское правительство в 1644 г. при новом воеводе Аверкии

Болтине предпринять поход в степь отряда Льва Афанасьевича Плещеева [46, с. 126–134]. Позднее калмыцкие тайши в ответ на упреки русского посла А. Кудрявцева «Вы приходили под Саратов и другие понизовые города», отвечали ему: «Под Саратов и другие города мы не прихаживали, а если кто приходил из нас украдкою, того мы не знаем, потому что кочуем не в одном месте» [47, с. 616–617].

Еще одна задача, стоявшая перед воеводой Саратова, в те годы так и не смогла быть выполнена в связи с отсутствием соответствующих воинских сил. Речь идет о безопасности гонцов, сухопутных караванов из Москвы до Саратова в ближайшей его окрестности (до р. Медведицы). В источниках постоянно встречаются записи о нападениях крымцев, ногайцев и даже калмыков на правобережье на служилых и посадских людей. Одним из таких «пострадавших» был десятник конных саратовских стрельцов Степан Карташов. Он дважды попадал в плен к кочевникам: первый раз – при возвращении из Москвы в Саратов в конце 1637 г., а второй раз – при отправке из Саратова в Москву осенью 1643 г. Вторично его взяли в плен калмыки уже при воеводе Якове Писемском, о чем говорится в одном источнике, вроде бы не имевшем никакого отношения к воеводе Саратова. Этот важный источник заслуживает того, чтобы его процитировать. Речь идет об отписке одного сибирского воеводы (Ивана Тургенева из Тюмени) другому воеводе (Федору Шишкину в Туринск), причем через несколько лет после смерти Якова Писемского. В начале мая 1648 г. недалеко от Тюмени на р. Пышма состоялась встреча с калмыцким посольством, которое отправила в Тюмень жена Талай тайши. Калмыцкий посол при встрече рассказал русским служилым людям, что его прислала «тайшиха на Тюмень с лошадыми, а лошадей с ними 90 кляч, да с собою ж они привезли продавать руского саратовского полоненника конного стрельца Стеньку Карташа». При распросе стрелец Степан Карташов сказал воеводе Тургеневу следующее: «В прошлом де во 152-м году послан был он Стенька з Саратова от воеводы от Якова Писемского к государю к Москве с отписками, а с ним де было провожатых служилых людей 20 человек, и их де встретили на дороге нагайские и колмацкие воинские люди и ево де Стеньку взяли в полон жива, а иных товарищей ево побили, и он Стенька жил в полону у колмацкого тайши у Бергия 5 лет...» [48, с. 526]. К сожалению, точной даты отправки Степана Карташова из Саратова в Москву воеводой Писемским выяснить невозможно, одно можно утверждать точно, что осенью 1643 г. (в начале 152 г.) Яков Писемский еще находился на своем воеводском посту на Саратове. Эти нападения калмыков на русские города на Волге вынудили русское правительство в начале 1644 г. организовать крупную воинскую экспедицию против

кочевников, которая была успешно осуществлена воеводой Львом Плещеевым.

Из русских посольств, охрану которых обеспечивал воевода Писемский, отметим посольство лета 1642 г. в Персию Семена Васильевича Волынского и дьяка Сергея Матвеева, а в августе – сентябре 1643 г. возвращение посольства из Грузии кн. Ефима Федоровича Мышецкого. В эти же годы в Саратове останавливались хивинские, балхинские, кумыцкие и персидские послы [49, с. 80–90].

В боярском списке 1642/43 гг. против фамилии Якова Писемского по-прежнему стоит помета «На Саратове» [7, л. 78]. Она не зачеркнута, следовательно, до осени 1643 г. он оставался в этом городе. А вот в следующем боярском списке 1643/44 г. имеется примечательная запись: «Яков Гаврилов сын Писемской. На Самаре. Умре 152-го году» [50, с. 415]. Запись была зачеркнута. Это свидетельствует о том, что в течение этого 152 (1643/44) г. в Москве уже знали о судьбе Я. Г. Писемского и его смерти. Вопрос о том, почему указана Самара, а не Саратов, остается открытым. Можно предположить ряд вариантов (дьяки перепутали Саратов с Самарой, длительное пребывание на Самаре при возвращении домой из Саратова, возможную смерть на Самаре и многое др.). Одно можно сказать: в 1644 г. Якова Писемского уже не было в живых.

Яков Гаврилович был женат на Марии, дочери Ильи Васильевича Наумова. Теща Якова Писемского Зиновия была из рода Бельских (дочь Ивана Андреевича Бельского). В 1639 г. после смерти тестя Ильи Васильевича Наумова Яков Писемский приобрел вотчину тещи вдовы Зиновии сельцо Елкино в Ясеницком стане Бежецкого уезда [17, с. 427].

В апреле 1641 г. Яков Писемский указан душеприказчиком тещи Зиновии (Зинаиды). Ее вотчины, которые находились в Угличском и Звенигородском уездах, были переданы дочери Федоре (родной сестре Марии, жены Якова Писемского) и ее мужу Федору Ивановичу Леонтьеву [17, с. 812]. Получается, что Яков Писемский и Федор Леонтьев были женаты на сестрах. Судя по всему, Федора была намного младше Марии. Следует отметить, что этот Федор Иванович Леонтьев через 20 лет после Якова Писемского будет назначен воеводой Саратова, а потом еще через 20 лет станет фактическим основателем нового правобережного Саратова вместе с полковником Александром Шелем [51, с. 237–244].

Еще один источник, связанный с женой Якова Писемского Марией Ильиничной, урожденной Наумовой, и ее дальнейшей судьбой, косвенно свидетельствует о кончине Якова Писемского в 1644 г. В январе 1632 г. Яков Писемский купил вотчину в Мишустине и Серебожском станах Переславского уезда из порозжих земель (несколько пустошей). Сохранилась выписка из приходной

книги от 14 марта 1644 г. на эту вотчину в Переславском уезде, причем некоторые пустоши со временем превратились в села и деревни, сельское хозяйство уже было восстановлено после Смутного времени. После смерти Якова Писемского эти земли стали принадлежать его вдове Марии, которая через несколько лет вторично вышла замуж за Дмитрия Михайловича Толочанова. После ее смерти Дмитрий Толочанов, ставший хозяином этих земель, продал в 1651 г. вотчину думному дьяку Семену Ивановичу Заборовскому [17, с. 914].

Сразу после смерти Якова Писемского начались споры из-за его земельных владений. Известно, что у Гаврилы Ивановича Писемского, кроме сына Якова, была еще дочь Екатерина, которая вышла замуж за кн. Юрия Дмитриевича Хворостинина. После смерти Якова Гавриловича его племянник по матери кн. Федор Юрьевич Хворостинин спорил с одним из Писемских – Иваном Прохоровым Писемским. Этот Иван Писемский пытался доказать свое близкое родство с Яковым, но в итоге выяснилось, что он был только его шестикордным братом.

Князь Ф. Ю. Хворостинин ссылаясь на Уложение царя Михаила и патриарха Филарета от 24 октября 1628 г., в котором говорится, что если у умершего не останется сына, а останется дочь, родовые вотчины следует отдать ей. Так как у Якова Писемского не было наследников, то родовые вотчины должны по закону перейти к его родной сестре Екатерине и ее детям, т. е. к нему, кн. Ф. Ю. Хворостинину. Видимо, Иван Писемский проиграл это спорное дело в ноябре 1645 г. [9, с. 317–324].

Из указанного документа следует, что многие предки Якова Писемского имели тесные связи с Троице-Сергиевым монастырем, делали туда щедрые вклады, отдавали свои вотчины, постригались и служили в этом монастыре, один был даже в нем строителем. Отец Якова Гаврилы Иванович, дед и другие родственники похоронены в Троице-Сергиевом монастыре, их имена записаны в синодики и во вкладные книги. Некоторые вотчины Писемских в Костромском уезде были отданы в Троицу, в начале опричнины Писемские подверглись опале, были сосланы в Казань, Тулу и другие места. Интересный факт – одного из Писемских в молодом возрасте «убило громом на паперти у Троицы» [9, с. 321]. Видимо, и Якова Писемского похоронили в Троице-Сергиевом монастыре.

Список литературы

1. *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. 1913. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 61–82.
2. *Рабинович Я. Н.* Окольничий Василий Александрович Чоголков : страницы биографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 47–58.

3. Рабинович Я. Н. Воевода Саратова князь Федор Петрович Борятинский (1648–1650) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 506–516. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-506-516>
4. Рабинович Я. Н. Аверкий Федорович Болтин, воевода Саратова (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>
5. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 2. 640 с.
6. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9. Д. 1064, ч. 1.
7. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 182.
8. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1887. Т. 2 (М–Я). 918 с.
9. Выписка Поместного приказа с изложением спорного дела между кн. Федором Юрьевым сыном Хворостинина и Иваном Прохоровым сыном Писемского о выморочных вотчинах Якова Гаврилова сына Писемского в Костромском и Переяславском уездах. 1645, ноябрь // Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов : в 4 т. Т. 1. М. : Археографический центр, 1997. № 318. С. 317–324.
10. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. [Текст] / подгот. к печати А. А. Зимин ; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. 456 с.
11. Описание архива Посольского приказа 1626 года / под ред. С. О. Шмидта : в 2 ч. М. : [б/и] (Памятники отечественной истории... / Гл. арх. упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. Археогр. комис. при Отд-нии истории АН СССР), 1977. Ч. 1. 416 с. ; Ч. 2. 116 с.
12. Зимин А. А. В канун грозных потрясений : Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М. : Мысль, 1986. 333 с.
13. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб. : Наука, С.-Петербургское отделение, 1992. 280 с.
14. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вв. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 616 с.
15. Описание царского архива 1575–1584 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук : в 4 т. СПб., 1836. Т. 1 (1294–1598), № 289. С. 335–355.
16. Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 506 с.
17. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / под ред. А. В. Антонова, А. Береловича, В. Д. Назарова. М. : Древлехранилище, 2010. 1658 с.
18. Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 4 т. / сост. Л. Ф. Кузьмина, О. В. Новохатко ; под ред. В. И. Буганова, Н. М. Рогожина. М. : Институт Российской истории РАН, 2003. Т. 4, ч. 2. 143 с.
19. Царская грамота Верхотурскому воеводе Неудаче Плещееву и голове Хлопову, о выборе охочих людей в Сургутские стрельцы и казаки. 1604, марта 3 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ) : в 5 т. СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613), № 46. С. 58–59.
20. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 1. 608 с.
21. Сибирские летописи, ч. 1 : Группа Есиповской летописи / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков // Полное собрание русских летописей : в 43 т. М. : Наука, 1987. Т. 36. 381, [1] с.
22. Царская грамота Верхотурскому воеводе Плещееву и голове Хлопову, о выборе охочих людей в службу и на пашню в Томск. 1605, февраля 24 // АИ. Т. 2. № 52. С. 62.
23. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907 год. Кн. 2 (221). С. 1–80 ; Кн. 3 (222). С. 81–311. Предисл. С. I–XXVIII.
24. Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сборник документов / отв. ред. Н. М. Рогожин ; Институт российской истории. М. : Наука, 2003, № 39. С. 132–155.
25. Отдельные книги поместья Ивана Большого, Григория и Ивана Меньшого Нетесевых с матерью и вдовы Семена Нетесева. 1613, апреля 16 : Арзамасские поместные акты (1578–1618) / собр. и ред. С. Б. Веселовский (Смутное время Московского государства. Вып. 4) // ЧОИДР. 1916. Кн. 1 (256). М., 1916. № 377. С. 489–491.
26. Приходно-расходная книга Разряда 123 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 275–508.
27. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века : опыт исторического исследования. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. XVI, 559, 72, 101, VI с. (Приложения. С. 1–72).
28. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 5 т. СПб., 1850. Т. 1. 656 с.
29. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). XV, II с., 1380 стб.
30. Рабинович Я. Н. Южные псковские пригороды в Смутное время / под ред. С. А. Мезина. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2021. 332 с. : ил.
31. Книга, а в ней писаны бояре и окольные и думные люди ...и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 108. С. 138–147.
32. Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова ; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники исторической мысли, 2000. 652, [1] с., [5] л.
33. Договорная запись, учиненная в Стокгольме между дворами Шведским и Российским. О выдаче перебежчиков с обеих сторон, об уплате за перешедших в Россию

- шведских подданных после Столбовского договора со 125 по 156 год, и за другие, причиненные шведским подданным убытки, 190 тысяч рублей и о неприеме на будущее время перебежчиков ни которой из договаривающихся сторон. С присовокуплением Столбовского договора, одной дополнительной к оному записи и двух межевых записей. Стокгольм, 1649, октября 19/20 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 1 (1649–1675). СПб., 1830. № 19. С. 172–221.
34. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) : в 4 ч. Ч. 4 (Пруссия, Франция, Швеция) / изд. Комиссии печатания Государственных грамот и Договоров при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел М. : Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. 464 с.
35. *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. : Справочник. Вып. 2 : Войны и мирные договоры. Книга 1 : Европа и Америка. М. : Международные отношения, 1995. 781 с.
36. *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1950. 168 с.
37. *Якубов К. Н.* Россия и Швеция в 1-й половине XVII в. : сборник материалов из Моск. Главн. Архива МИД и Шведского Гос. Архива 1616–1651 (Посольство князя Борятинского с товарищами в Швецию) // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С. 28–71.
38. Царская грамота дворянину Вышеславцеву, дьяку Копнину и подьячему Частого, с выговором за притеснения жителей Лопских семи погостов и за незаконные с них поборы. 1619, ноября 8 // РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 371–373.
39. *Селин А. А.* Никита Васильевич Вышеславцев : новгородский служилый человек в военно-политических батальных Смутного времени // Смутное время в России в начале XVII века : поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле : материалы Международной научной конференции (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.) / под ред. В. Н. Козлякова. М. : Издательство ЗАО «2К», 2012. С. 270–278.
40. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древлехранилище, 2015. 735, [1] с.
41. Дворцовые разряды... СПб., 1851. Т. 2 (1628–1645 гг.). 496 с.
42. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб., 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.
43. Записная книга Московского стола 7145 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 1–103.
44. *Горбатов Е. Н.* «Подлинный» боярский список 1637 / 38 года // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 5. М. : Старая Басманная, 2019. С. 41–113.
45. *Горбатов Е. Н.* «Подлинный» боярский список 1638 / 39 года // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 6. М. : Старая Басманная, 2019. С. 163–235.
46. *Рабинович Я. Н.* Калмыки и левобережный Саратов во второй – третьей четверти XVII века : от вооруженных конфликтов к мирным торговым связям // Военно-исторические исследования в Поволжье : сборник научных трудов. Саратов : Техно-Декор, 2019. Вып. 12–13. С. 126–134.
47. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соч. : в 18 кн. М. : Голос, 1995. Кн. 6, т. 12. 736 с.
48. Отписка тюменского воеводы Ивана Тургенева туринскому воеводе Федору Шишкину о послах тайшихи Дарьки, о русском пленнике саратовце Степане Карташе и о вестях, полученных от него про сбор калмыков в поход. 1648 г., после 3 мая // *Миллер Г. Ф.* История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 2, № 457. С. 526.
49. *Рабинович Я. Н.* «Новая Саратовская летопись» о событиях 1641–1650 гг. в Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 80–90. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-80-90>
50. *Жаринов Г. В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643 / 44) года // Архив русской истории. Вып. 8. М. : Древлехранилище, 2007. С. 382–483.
51. *Рабинович Я. Н.* К вопросу о переносе Саратова на правый берег Волги в 1674 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 237–244. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-237-244>

Поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 394–399
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 394–399
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-394-399>

Научная статья
УДК [94+622.363](470.46)|18|

Развитие соледобычи в Астраханской губернии (на примере соляной горы Чапчачи) во второй половине XIX века

М. М. Хайрлапова

Астраханский государственный университет, Россия, 414004, г. Астрахань, ул. Софьи Перовской, д. 96

Хайрлапова Марина Марковна, преподаватель колледжа Астраханского государственного университета, marina.aldongarova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5718-083X>, Author ID: 1066553

Аннотация. В статье освещаются вопросы истории организации соляного дела на Чапчачинском каменносоляном месторождении Астраханской губернии во второй половине XIX в. Показано, что гора Чапчачи – это уникальное месторождение каменной соли Астраханской губернии. С 60-х гг. XIX в. начинается усиленная разработка месторождения. Первоначально правительство разрешало всем желающим добывать соль на горе открытым способом, а позднее, желая установить правильную разработку на промысле с помощью сооружения рудника, сдало месторождение купцу И. А. Первушину. Формулируется вывод о том, что с конца XIX в. наблюдался упадок развития чапчачинского промысла. Это месторождение существовало пока были льготы – понижение акциза и попудной платы. После их отмены закрытие добычи соли на горе Чапчачи было естественно.

Ключевые слова: Чапчачи, гора, соль, рудник, казна, киргизы, корчемство, соледобытатели, месторождение, акциз

Для цитирования: Хайрлапова М. М. Развитие соледобычи в Астраханской губернии (на примере соляной горы Чапчачи) во второй половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 394–399. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-394-399>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The development of salt mining in Astrakhan province (on the example of Chapchachi salt mountain) in the second half of the XIX century

М. М. Khairlapova

College of Astrakhan State University, 96 Sofia Perovskaya St., Astrakhan 414004, Russia

Marina M. Khairlapova, marina.aldongarova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5718-083X>, Author ID: 1066553

Abstract. The article covers the history of the organization of salt business at the Chapchachinsky stone deposit of the Astrakhan province in the second half of the XIX century. It is shown that Mount Chapchachi is a unique deposit of rock salt of the Astrakhan province. Since the 60s XIX century enhanced development of the field begins. Initially, the government allowed everyone wishing to extract salt on the mountain in an open way, and later, wanting to establish the correct development in the field using the construction of the mine, handed over the field to the merchant I. A. Pervushin. The author concludes that since the end of the XIX century there has been a decline in the development of the Chapchachin industry. This field has existed so far there were benefits – a reduction in excise tax and per capita fees. After their cancellation, the closure of salt mining on Mount Chapchachi was natural.

Keywords: Chapchachi, mountain, salt, mine, treasury, Kirghiz, forage, salt miners, deposit, excise

For citation: Khairlapova M. M. The development of salt mining in Astrakhan province (on the example of Chapchachi salt mountain) in the second half of the XIX century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 394–399 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-394-399>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В Астраханской губернии соледобыча всегда ассоциировалась с озерами Эльтон и Баскунчак, и мало кто знал о горе Чапчачи, на которой во второй половине XIX в. правительство пыталось ввести организованную добычу соли с использованием динамита.

В европейской России среди горносоляных залежей наиболее известны только две – Чапчачинская в Астраханской губернии и Илецкая недалеко от Оренбурга.

Гора Чапчачи располагалась в Енотаевском уезде Астраханской губернии, в степи, в 85 вер-

стах на восток от Волги и почти на таком же расстоянии – на юго-восток от Баскунчакского озера и горы Большое Богдо, которая представляла собой пример залегания каменной соли в степной местности. Штоки каменной соли, образующие гору, являли собой возвышенность овальной формы, состоявшую из нескольких небольших холмов, тесно примыкающих друг к другу.

Чапчачинская соль перевозилась по особому тракту, который шел от месторождения к Петродмитриевской пристани на р. Волге. Незначительная глубина залегания соли на 2–5 сажень от поверхности позволяла осуществлять открытую добычу. Месторождение каменной соли эксплуатировалось с давних времен. Известно, что русские люди добывали соль еще в XVI столетии. Затем разработка была остановлена вследствие прихода в Волго-Уральскую степь калмыков, осуществлявших на промысел частые набеги [1, с. 38].

Первые сведения о горе Чапчачи связаны с отправкой женой калмыцкого владельца Замьяна губернатору Н. А. Бекетову образцов каменной соли. После этого для обследования местности был послан прапорщик Везель, который сообщал, что под буграми лежит соль толщиной в 2 аршина [2, с. 99].

Начиная с XVIII в., гора стала привлекать внимание многих исследователей. Так, путешествовавший по Астраханскому краю С. Г. Гмелин, осматривая гору, предложил Академии наук поселить там 50 семейств калмыков. В свою очередь сотрудники Академии наук обратились к С. Г. Гмелину разработать проект по горе Чапчачи, однако он так и не был создан. Обследование соляной горы позже провел инженер-поручик Полетов, который определил хорошее качество соли в 3 645 000 пудов, но указал на неудобство, по его мнению, заключающееся в отсутствии пресной воды для разработки соли и поселения жителей.

15 февраля 1861 г. по положению Комитета министров всем желающим разрешалось добывать соль из горы Чапчачи [3, с. 562].

24 февраля 1861 г. министр финансов в соответствии с положением Комитета министров сообщил астраханскому соляному правлению о необходимости приступить к добыче соли из Баскунчакского озера в количестве 200 000 пудов, а также разрешить всем желающим начать ее добычу из горы Чапчачи. За разработку соли на горе Чапчачи предусматривалась оплата акциза промышленниками по 20 коп. с пуда, а также найм вольных конных объездчиков для недопущения кормчества на соляном источнике. В свою очередь астраханское соляное правление 15 марта 1861 г. поручило смотрителю вторых Алгаринских соляных озер коллежскому ассесору А. Н. Шишкину собрать сведения о стоимости разработки

Баскунчакского соляного озера, а также возможности устройства при горе Чапчачи землянок, конношен, колодцев и найма объездчиков для охраны горы и других озер от кормчества соли.

5 апреля 1861 г. А. Н. Шишкин докладывал правлению, что вблизи горы Чапчачи и озер Батырбек, Темичи и Меликте кочуют казахи Внутренней Орды. Их главным занятием на озерах было кормчество соли из горы Чапчачи, которую они продавали жителям приахтубинских селений. По мнению А. Н. Шишкина, даже после установления при горе караульных постов киргизы все равно будут стремиться продолжать кормчество, притесняя караульных объездчиков [4, л. 1]. Тогда астраханское соляное правление обратилось к Временному совету по управлению Киргизскою ордою, чтобы оно согласовало с правителем киргизских народов вопрос об осуществлении добычи соли только из тех озер, которые были им отведены, а на неразрешенных – не мешать конным объездчикам в исполнении ими обязанностей по охране соляных источников от незаконной и самовольной добычи соли [4, л. 2].

15 августа 1861 г. утвержденным положением Комитета министров добыча на горе Чапчачи вновь возобновилась и со временем начала возрастать. Выяснилось, что чапчачинская соль оказалась пригодной для посола рыбы, солонины и огородных овощей.

В связи с возросшим спросом на чапчачинскую соль стал повышаться акциз: 22 коп. с пуда, в 1863 г. – 25 коп. Для разработки соли с горы правительство назначало определенное время, а именно с 15 марта по 15 мая и с 15 августа по 15 октября, но, начиная с 1868 г., стала разрешаться круглый год.

Следует заметить, что первоначально разработка горы представляла собой плохо организованное дело. Соль добывалась из ям, которые промышленники копали беспорядочно. Однако с 1867 г. им было запрещено выбирать места для ломки соли и разработка для них была сосредоточена в одном месте – на северо-западном конце горы. Со временем по причине постоянно возрастающей добычи соли на горе образовался огромный разнос длиной в 27 сажень и шириною в 17. Соледобыватели не улучшали на Чапчачи условия, связанные с установлением водоотливов, подъемных механизмов и порохострельной работой, из-за крупных затрат на них [5, с. 77]. У крестьян, добывавших соль, отсутствовали хорошие инструменты (сплошные штоки соли требовали именно таких орудий). К этим трудностям добавлялось невыгодное географическое положение самой местности, отдаленной от Волги [2, с. 99].

В 1873 г. добыча соли на горе сократилась. Так, если в 1872 г. она составляла 1 296 874 пуда, то в 1873 г. – 1 267 133 пуда, из этого

количества было продано всего 925 182 пуда, остальная соль оставалась на складах (вместо 249 182 пудов, которые были на складах к 1 января 1873 г.) [1, с. 38].

Добыча соли осуществлялась кайлами в неразделенных на отдельные участки вырытых ямах. Соледобыватели работали врозь, углубляясь в соли насколько им по расчетам казалось выгодным. Наломав нужное количество соли, промышленник уходил с участка, его место занимал другой соледобыватель [6, с. 129]. При таком порядке разработки соли говорить об облегченной ее доставке и правильном водоотливе не могло быть и речи. Несомненно, открытой разработкой возможно было вытащить верхнюю часть залежи соли, но с увеличением размеров разноса стоимость ее добычи пропорционально возрастала, приводила к дорогой ручной доставке, невозможности применения механического подъема соли на поверхность, дорогой откачке воды, поскольку углубленная выработка оказывалась местом стока атмосферных осадков, почвенных вод.

В итоге на определенной глубине добыча соли могла стать невыгодной и совсем остановиться. Тогда необходимо было начинать разработку на новом месте и вести ее на глубине 1015 сажень. Таким образом, если на чапчачинском соляном промысле оставили бы открытую разработку, то со временем здесь могло бы образоваться большое озеро, на дне которого залегала соль, недоступная для разработки.

Все вышеперечисленные причины заставляли правительство задуматься как об удешевлении производства, так и о введении такого способа добычи, при котором из месторождения могло быть извлечено большее количество соли без ущерба для горы в будущем. Правительство ставило перед собой задачу сохранить месторождение путем правильной эксплуатации, а для ее решения необходимо применять рудничные способы разработки горы.

В 1873 г. министерство финансов решило прекратить на горе Чапчачи поверхностную добычу соли и ввести подземную разработку по правилам горного искусства. Для этого профессору Барбот де Марни было поручено составить проект разработки Илецкого и Чапчачинского месторождений. В этом же году профессором было исследовано чапчачинское месторождение [7, с. 74].

На основании научных изысканий профессора Барбота де Марни и экономических соображений был принят новый проект разработки горы Чапчачи, утвержденный Министерством финансов 28 ноября 1875 г. [6, с. 130]. В соответствии с проектом было принято решение ввести на промысле шахтные работы и начать устройство рудника. Чтобы не прерывался процесс, разрешалось в виде временной меры продлить

работу открытым способом с некоторыми ограничениями до окончания устройства рудника.

Министерство финансов, желая установить рудничную разработку, в 1877 г. передало гору Чапчачи без торгов в аренду коммерции советнику Ивану Андреевичу Первушину, бывшему арендатору Илецкого месторождения, на 6 лет [8, с. 4]. В первые 3 года разрешалось добывать соль открытым способом. Акциз составлял 25 коп. и $1\frac{1}{2}$ коп. попудных, таким образом, соль с горы оплачивалась на 5 $1\frac{1}{2}$ коп. дешевле озерной [1, с. 39].

Всего было добыто кирками 525 пудов, за это количество было заплачено 9 руб. 45 коп. За добычу соли таранами из вырубленных соляных глыб (косяков) оплата составляла 1 коп. за пуд. Было добыто 625 пудов и оплачено 6 руб. 25 коп. Так как добыча кирками была тяжелее, оплачивалась такая работа выше. В целом расходы на оплату за добычу соли и другие работы составили 28 160 руб. [9, л. 174].

Перевозили чапчачинскую соль крестьяне из сел луговой стороны – Сассыколи, Тамбовки, Харабали и сел нагорной стороны – Капановки и Никольского. Так, в 1878 г. 2 620 фурами перевезли 1 000 000 пудов соли с оплатой труда 78 750 руб. [8, с. 16]. Перевозимая соль отправлялась на Петродмитриевскую пристань р. Волги около г. Енотаевска [10, с. 373].

Комерции советник И. А. Первушин стремился извлечь выгоду от эксплуатации источника, желая продлить работу из разноса, который был выгодным из-за дешевизны добычи соли. Поэтому и рудник строился медленно. Рудник, рудничные дворы и подъемные механизмы были построены в августе 1881 г., т. е. потребовалось 4 года, чтобы опустить две шахты на глубину 20 сажень и окончить подготовительные работы.

Рудник представлял собой две шахты, в которых с помощью рабочих достигалось углубление камер, а с помощью динамита – их расширение. Рабочими-ломщиками на шахтах были в большинстве казахи, весной их численность составляла до 300 чел., летом – 20–60. Плата осуществлялась по количеству уроков, т. е. по количеству добытых соляных глыб. Динамитная работа организовывалась русскими рабочими.

Для динамита длина шпуров – цилиндрических искусственных полостей в земной коре, образуемых в результате бурения, составляла 12–24 вершков, по количеству шпуров начислялась плата рабочим. За 12-вершковый шпур рабочий получал 15 коп., за каждый следующий вершок – по 1 $1\frac{1}{2}$ коп. В 8-часовую смену, т. е. с 6 ч. утра до 4 ч. пополудни рабочие-новички выбуривали от 2 до 4 шпуров, в дальнейшем – до 8, а некоторые рабочие успевали выбуривать до 14 шпуров [1, с. 40].

Инструментами рабочих были выбурник, бур и молоток. С выбуриванием шпуров у забоя делались вертикальные врубы. Шпуры устанавливали в 3 горизонтальных ряда, расстояние между ними составляло 0,75 аршин. Направлялось устье шпура в сторону, противоположную от вруба. В дальнейшем каждый шпур заряжали одним или несколькими патронами. Пробивались шпуры днем, взрывались вечером, а уже на следующий день добытую соль откатывали тачками.

Первоначально соль взрывали порохом, а затем стали использовать динамит. Переход на динамит был обусловлен тем, что он не чернил соль, однако недостаток заключался в том, что он сильно измельчал и разбрасывал соль, что удороживало ее доставку. Так, при кайловой работе (ручным способом) стоимость добычи составляла 1,4 коп. за пуд, при динамитной – 4,2 коп. [1, с. 40].

Соль, добытая с верхней части выработка, спускалась по уступам, затем подростками-казахами подкатывалась к рудничному двору, здесь уже высыпалась в 15-пудовую бадью, которая поднималась воротом, приводимым в движение верблюдом, а дальше высыпалась в тачки и отвозилась на склад. В день в среднем поднималось около 100 бадей, что составляло 1 500 пудов. Рабочим оплата за доставку 100 бадей, т. е. 1 200–1 500 пудов по шахте составляла 6 руб. 50 коп., от разнаса до поверхности – 10 руб. 50 коп. Откачиком платили по 4 руб., так что вся уборка 1 500 пудов от забоя в склад обходилась в 10 руб. При разбивке бугра, например за октябрь 1880 г., оплата каменщикам и рабочим составляла 40 руб. 69 коп. [11, л. 27].

Вывозилась соль в ящиках вместимостью 12–15 пудов, поднималась с помощью проволочных канатов и деревянных шкивов, приводимых в движение воротом. Так как для рыбосоления требовалась молотая соль, на чапчачинском промысле была построена паровая мельница. Молотками разбивалась крупная соль, которая поступала на жернова, откуда уже перемолотая нагружалась в мешки, после перевески отправлялась на пароваловую фуру.

Таким образом, стоимость пуда соли из рудника состояла из добычи, равной 3 коп., перемолы на промысле – 0,5 коп., содержание мельницы, топливо – 1 коп., доставка на пристань – 8 коп., попутная плата – 0,5 коп. и прочие расходы – 1 коп. В общей сумме получалось 14 коп. [12, с. 383].

В целом устройство рудника в техническом отношении было удовлетворительным. Работы были выгодны и нетрудоемки для рабочих. Само месторождение также благоприятствовало условиям труда: незначительность притока почвенных вод, близость залежи от поверхности. Однако возможно было и удешевление некоторых работ. Так, бурение шпуров гораздо легче

было производить перфоратором, чем вручную, стеариновые свечи в руднике возможно было заменить на масляные, что обошлось бы в 4 раза дешевле.

Не была продумана перевозка соли из разнаса на поверхность земли, осуществлявшаяся по досчаннику шириной всего в 2 аршина, который к тому же был поставлен очень круто, что представляло сложность. Перевозили соль рабочие разных возрастов: старики старше 50 лет – их насчитывалось 21 чел., взрослые – 25, юноши – 14, одна женщина, а также 38 детей, которые по своему возрасту не должны были допускаться до работ солепромышленниками. В соответствии с законом от 1 июня 1882 г. малолетние дети до 12 лет к работам не допускались.

Промышленники предпочитали добывать соль на горе разнасом, т. е. открытой выработкой из-за ее меньшей стоимости – на 1½ коп. дешевле, чем стоимость рудничной [1, с. 42]. При открытой разработке подрядчику за 1 000 пудов соли, добытой и сложенной в бугор на поверхности, платили 15 руб. или 1½ коп. с пуда. Стоимость пуда рудничной соли составляла 3 коп., не включая других расходов [12, с. 384].

Открытую разработку промышленники проводили не только из-за дешевизны, но и потому, что несколько верхних саженей соли отличались чистотой и не нуждались в промывке, которая уже совершилась при помощи атмосферной влаги и песка.

В 1883 г. гора Чапчачи была передана в разработку наследникам Первушина на 4 года. Была установлена обязательная добыча в 750 000 пудов, из них добыча из шахты – не менее 250 000 пудов. С отменой акциза на соль 1 января 1881 г. в неблагоприятных условиях из всех промыслов оказался чапчачинский. Для чапчачинской соли акциз исчислялся 25 коп. с пуда, а для остальных астраханских солей – 30 коп. С отменой акциза эта разница в 5 коп. в пользу чапчачинской соли исчезала и она становилась конкурентноспособной.

Заметим, что в льготных условиях при существовании акциза чапчачинский промысел с трудом мог завоевать себе весьма ограниченный район сбыта. После отмены акциза он был поставлен в равные условия с Баскунчакским озером, где добыча соли в 1882 г. составляла почти 13 млн пудов и соль продавалась на Волге по 7 коп. Соль с горы Чапчачи при отсутствии льготных 5 коп. акциза не могла конкурировать с баскунчакским промыслом и теряла главные рынки сбыта – Самару, Стерлитамак, Уфу. Единственным местом сбыта чапчачинской соли оставался местный рынок, где она была востребована для рыбных промыслов. Однако вскоре рыбопромышленники стали считать соль малопригодной для соления. Это мнение было

связано с их первым неудачным опытом посола рыбы. Со своей стороны промышленники не сделали предварительных опытов в солке рыбы. Стоит заметить, что каменной соли для посола необходимо меньше в отличие от озерной соли. В итоге промышленники отказались от использования чапчачинской соли и вновь перешли к озерной.

Правительство за время существования чапчачинского промысла также не получило от него значительных выгод из-за конкуренции с другими промыслами – баскунчакским и илецким. Казна терпела убытки от отсутствия дохода с земель, прирезанных к промыслу в количестве 24 219 $\frac{1}{2}$ десятин для выгона и тракта и от необходимости содержания соляной стражи и инженера. Нес убытки и арендатор, поскольку содержание рудника и подземная добыча при небольшой производительности способствовали удорожанию соли.

Таким образом, в расторжении контракта, произошедшего в августе 1885 г., были заинтересованы и казна, и арендатор. По контракту рудник переходил в собственность казны. Вывоз добытых запасов соли шел только на рыбный промысел.

С 1861 г. по 1865 г. соль добывалась в небольших количествах. В 1861 г. – 5 420, в 1862 г. – 7 480, в 1863 г. – 3 698, в 1864 г. – 5 900, в 1865 г. – 3 730 пудов. Причиной тому явилось отсутствие спроса на хорошую и тем более дорогую соль. С 1866 г. (за исключением 1868 г.) добыча соли постепенно возрастала, несмотря на повышение акциза с 22 до 25 коп. Население начинает осознавать преимущества каменной соли над озерной и приобретать первую. Уже в 1866 г. было добыто 94 615 пудов, в 1867 г. – 163 300, 1868 г. – 69 636, 1869 г. – 336 522, 1870 г. – 479 309, 1871 г. – 657 032, 1872 г. – 1 359 353, 1873 г. – 1 404 953, 1874 г. – 1 200 083, 1875 г. – 1 697 148, 1876 г. – 1 017 156, 1877 г. – 1 535 500, в 1878 г. – 1 218 886, в 1879 г. – 1 063 594, 1880 г. – 1 021 788, 1881 г. – 393 394, 1882 г. – 494 269, 1883 г. – 544 764 [12, с. 379].

Исходя из вышеприведенных цифр, можно заключить, что с 1881 г. наступает упадок промысла. Произошло падение в связи с отменой акциза, постройкой Баскунчакской железной дороги, позволившей доставлять баскунчакскую соль на Волгу, а также с общим падением цен на соль, с появлением дешевой и отличной по качеству Бахмутской соли на рынках.

Подводя итоги, констатируем, что гора Чапчачи – это пример залегающая каменной соли в степной местности, при этом совершенно открытой. Чапчачинская соль была особенно пригодна для рыбопромышленности, которая являлась одним из основных богатств Астраханской губернии. Особенностью соли на горе Чапчачи в отличие от лучших сортов, включая

и баскунчакскую, являлось отсутствие содержания баткака, магниезальных солей и органических веществ. В свою очередь рыбопромышленники недооценили значимость чапчачинской соли, а также из-за дороговизны отказывались от нее.

Мелкие солепромышленники также не находили для себя выгоды с этого богатого месторождения. Как указывают современники, они ориентировались на источники, более бедные и с солью худшего качества, но с более дешевой доставкой соли этих озер в сравнении с чапчачинской [13, с. 164]. Чапчачинский промысел не смог конкурировать и противостоять озеру Баскунчак, расположенному близко от Волги и железной дороги, по которой перевозилась соль.

Главную задачу государство на горе Чапчачи видело в правильной разработке, которая заключалась в максимальной выработке всего того, что дала природа. И эта задача могла быть решена лишь при организации подземной разработки соли. Несмотря на то, что соль на горе была белой и лучше по качеству солей других озер, государство также не стало организовывать добычу соли своими силами. Отдаленность и затруднительность перевозок, расходы на устройство магазинов и складов, поиск рабочих, которые знали способы разработки каменной соли, – все это было причинами отказа в добыче соли в этой местности.

Таким образом, чапчачинское каменносоляное месторождение не имело шансов на существование, поскольку не могло конкурировать с более дешевой и хорошей по качеству солью Баскунчакского озера. И, наконец, чапчачинский промысел мог существовать только при государственных льготах – понижении акциза, попудной платы. С отменой акциза на соль закрытие рудника было неизбежным.

Указанные обстоятельства, а также отсутствие рынков сбыта, желание солепромышленников добывать соль из разноса, поскольку такой способ был дешевле – все это послужило препятствием для дальнейшего развития чапчачинского промысла.

Список литературы

1. Гаркема В. М. Очерк месторождений соли и добыча её в Астраханской губернии // Приложение к Памятной книжке Астраханской губернии. Астрахань : Изд. губ. стат. комитета, 1890. С. 37–44.
2. Федченко Г. П. О самосадочной соли и соляных озерах Каспийского и Азовского бассейнов. М. : Изд. О-ва при содействии М-ва фин., 1870. 150 с.
3. О горе Чапчачи // Горный журнал. 1861. № 3. С. 561–563.
4. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 13. (Астраханское губернское правление). Оп. 1. Д. 47923.

5. Поездка на гору Чапчачи Н. Барбот де Марни // Горный журнал. 1874. № 4. С. 67–92.
6. Першке Л. Л. Проект подземной разработки Чапчачинского и Илецкого месторождений каменной соли // Горный журнал. 1878. № 8. С. 125–152.
7. Астрахань в кармане : иллюстрированный альманах-ежегодник. Астрахань : Коммунист, 1925. 85 с.
8. Першке Л. Л. Краткий статистический очерк соляного промысла в Астраханской губернии. Астрахань : Тип. И. Н. Явленского, аренд. Л. Т. Росляковым, 1879. 18 с.
9. ГААО. Ф. 621 (Чапчачинская контора советника коммерции Первушина, г. Астрахань). Оп. 1. Д. 1.
10. Рязанско-Уральская железная дорога и её район. СПб. : Правление О-ва Рязан.-Урал. ж. д., 1913. 395 с.
11. ГААО. Ф. 621. Оп. 2. Д. 2.
12. Глушков Е. Чапчачинское каменносоляное месторождение // Горный журнал. 1885. № 6. С. 379–384.
13. Харузин А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда. Странички из записной книги). М. : Тип. А. А. Левенсон, 1888. 192 с.

Поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 16.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 24.02.2022; approved after reviewing 16.03.2022; accepted for publication 12.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 400–408

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 400–408

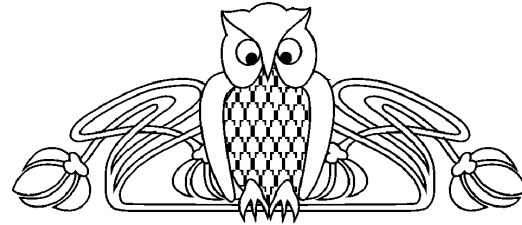
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-400-408>

Научная статья

УДК [94+355](470.316)|1921/1922|

Участие Красной Армии в борьбе с голодом 1921–1922 гг. (на примере формирований РККА в Ярославской губернии)

А. Н. Ионов

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Большая Октябрьская, д. 67А

Ионов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), yaralek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7791-7800>, Author ID: 45192530

Аннотация. В статье на основе архивных источников и публикаций местной печати рассматривается вопрос вовлечения формирований Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в борьбу с голодом 1921–1922 гг. Изучены основные направления помощи, оказанной военными частями, учреждениями и заведениями Ярославской губернии. Рассмотрены организационные аспекты деятельности Комиссии помощи голодающим при Ярославском губернском комиссариате по военным делам. Сделаны выводы о характере вклада красноармейцев в борьбу с голодом.

Ключевые слова: голод в Поволжье, Красная армия, Военпомгол, 1921–1922 гг., Ярославская губерния

Для цитирования: Ионов А. Н. Участие Красной Армии в борьбе с голодом 1921–1922 гг. (на примере формирований РККА в Ярославской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 400–408. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-400-408>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The activities of the Red Army to combat the famine of 1921–1922 (on the example of military units located in the Yaroslavl province)

A. N. Ionov

Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, 67A Bolshaya Oktyabrskaya St., Yaroslavl 150000, Russia

Alexey N. Ionov, yaralek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7791-7800>, Author ID: 45192530

Abstract. The scientific article, based on archival sources and publications of the local press, examines the activities of the Red Army to combat the famine of 1921–1922. The main directions of activity of military units of the Yaroslavl province are studied. The organizational aspects of the activities of the Commission for Famine Relief under the Yaroslavl Provincial Commissariat for Military Affairs are considered. Conclusions are drawn about the participation of the Red Army in the fight against the consequences of hunger.

Keywords: famine in the Volga region, Red Army, Military Pomgol, 1921–1922, Yaroslavl province

For citation: Ionov A. N. The activities of the Red Army to combat the famine of 1921–1922 (on the example of military units located in the Yaroslavl province). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 400–408 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-400-408>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Голод 1921–1922 гг., охвативший ряд регионов Поволжья, южной и центральной России, является одним из наиболее трагичных событий отечественной истории. Политика тотального изъятия продуктов, непростые погодные условия, а также последствия Гражданской войны привели к катастрофе, масштаб людских потерь которой уточняется до сих пор. По разным подсчетам в результате голода погибли от 5 до 10,8 млн чел., бедствием были охваче-

ны 35 губерний с населением в 90 млн чел. [1, с. 11, 26]. Вместе с тем события 1921–1922 гг. стали важнейшим этапом в развитии аграрной политики большевиков, подтвердив ключевые положения нэпа.

К настоящему времени накоплен значительный корпус исследовательской литературы, посвященной голоду 1921–1922 гг. Подробно изучены его общероссийские и региональные аспекты [2, с. 51–66; 3, с. 128–133]. Ряд работ

посвящен причинам и последствиям катастрофы, политике властей и иностранных организаций по оказанию помощи голодающим, процессу эвакуации людей из голодных регионов, кампании по изъятию церковных ценностей [4, с. 12–21; 5, с. 87–91; 6, с. 137–142; 7, с. 28–32]. Заслуживает внимания взгляд на проблему голода, который представлен в работах, посвященных практикам выживания населения Поволжья в 1921–1922 гг. [8, с. 216–218; 9, с. 248–254].

В то же время отдельные аспекты продовольственной катастрофы 1921–1922 гг. по-прежнему недостаточно раскрыты либо требуют существенных дополнений. Одним из направлений, интересующих исследователей, является проблематика оказания помощи голодающим отдельными категориями советского общества, конкретными организациями, а также социальными институтами (местное управление, кооперация, армия и т. д.). В данной статье предпринята попытка проанализировать участие формирований РККА в борьбе с голодом 1921–1922 гг. На основе архивных источников, публикаций местной печати рассматриваются направления помощи голодающим со стороны воинских частей, военных учреждений и заведений, расположенных на территории Ярославской губернии.

Основная часть информации о помощи военных содержится в фондах Р-1842 «Ярославский губвоенкомат» и Р-1431 «Ярославский губисполком». Государственного архива Ярославской области. Данные фонда Р-1842, касающиеся деятельности Комиссии помощи голодающим при Яргубвоенкомате (Военпомгол), крайне фрагментарны: сохранилось лишь несколько протоколов ее заседаний, ряд подписных листов по сбору денежных средств голодающим, а также некоторые приказы и телеграммы Штаба Московского военного округа (МВО) и Революционный Военный Совет Республики (РВСР). Фонд Р-1431 содержит документы, касающиеся деятельности губернской и ряда уездных и волостных комиссий помощи голодающим. Довольно скромную информацию архивных источников существенно дополняют материалы местной газеты «Творческие дни» (до 1921 г. – «Известия Яргубисполкома», с 1922 г. – «Северный рабочий») – печатного органа Ярославского губернского исполнительного комитета и Ярославского губернского комитета Российской коммунистической партии. Заметки репортеров газеты, военкоров, отклики с мест рисуют весьма разноплановую картину помощи голодающим. Причем это не только официоз и пропаганда, заметки достаточно остры, пропитаны критикой в адрес «недобросовестных друзей» голодающих. Критическая линия в газете проходит через большую часть публикаций 1921–1922 гг., отражая не только конкретные шаги местных органов в вопросах организации помгола, но и характерные этапы политики центральной власти.

Оказание помощи пострадавшим от голода 1921–1922 гг. жителями Ярославской губернии – один из слабо изученных аспектов местной истории. Единственной работой, посвященной данному вопросу, является статья С. П. Шевякова, вышедшая в сборнике научных работ студентов Ярославского государственного педагогического института (ЯГПИ) еще в 1958 г. [10, с. 21–43]. Кроме нее данный сюжет затрагивался вскользь в ряде работ, посвященных истории края, а также истории местной организации КПСС [11, с. 93–94; 12, с. 206–207; 13, с. 298–299].

Переходя к детальному рассмотрению предмета статьи, кратко обозначим военные, социально-экономические и политические реалии Ярославской губернии в 1921–1922 гг.

В годы Гражданской войны ярославские земли являлись тылом РККА, обеспечившим формирование ряда воинских частей: 61-й Рыбинский стрелковый полк, 1-й легкий артиллерийский парк (7-я стрелковая дивизия), 47-й Ярославский отдельный полк обороны железных дорог, некоторые части 1-й стрелковой дивизии. Из Ярославской губернии в армию было призвано около 80 000 чел. В Ярославле в 1918–1919 гг. располагался штаб Северного фронта, также некоторое время город являлся центром военного округа (март-июнь 1918 г., март-декабрь 1919 г.).

В 1921 г. на территории губернии находились части 6-й стрелковой дивизии ВНУС (войска внутренней службы), преобразованной в конце марта в 53-ю стрелковую дивизию второго формирования. Однако уже в июле 1921 г. последняя была слита с 18-й стрелковой дивизией, прибывшей с фронтов Гражданской войны. Части 18-й стрелковой дивизии в течение 1921–1922 гг. были дислоцированы в пределах Ярославской и Костромской губерний, в частности: 52-й стрелковый полк (бывшие 157-й и 158-й полки) – в Ярославле, 53-й стрелковый полк – в Костроме (159-й и 160-й полки), 54-й стрелковый полк (155-й и 156-й полки) – в Ростове. Прочие формирования ВНУС, находившиеся в губернии (в частности, 319-й стрелковый полк), в соответствии с приказом РВСР от 4 марта 1921 г. № 517/20 были постепенно переданы в распоряжение военного ведомства либо ВЧК. В регионе располагались формирования, подведомственные местному комиссариату по военным делам: Округной артиллерийский склад, Ярославский главный инженерный склад, Управление военно-продовольственного снабжения (Упродгуб), Военный госпиталь, Изоляционно-карантинный пункт (Изокарпункт), Конвойная команда и др. Военному ведомству подчинялись Курсы всеобщего военного обучения (Всевобуч) и Курсы спорта.

Говоря о социально-экономических и политических реалиях Ярославского региона, отметим весьма скромные размеры губернии в 1921–1922 гг. (площадь 14 043 кв. верст, население –

около 650 980 чел.), являвшейся едва ли не самой маленькой в стране [14]. Причиной подобной миниатюрности было исключение из ее состава в 1921 г. 5 уездов и крупного промышленного центра Рыбинска (стал центром одноименной губернии). Утрата наиболее развитых (1/3 промышленности), богатых сырьем (топливо) территорий усложнила и без того непростое экономическое положение Ярославля.

Причины экономических затруднений крылись не только в административных коллизиях. В июле 1918 г. Ярославль пережил белогвардейский мятеж, в ходе которого была разрушена значительная часть города, а общий материальный ущерб составил порядка 124 млн 159 тыс. золотых рублей (выгорела примерно 1/3 часть города, уничтожено 2147 строений из 7688 и большая часть предприятий, 40 тыс. жителей остались без крова) [12, с. 178; 15]. Следствием июльской катастрофы стал острый жилищный кризис и де-урбанизация. Это же время было отмечено крайне неблагоприятной эпидемиологической обстановкой – в 1918–1922 гг. население Ярославля испытало несколько волн острозаразных заболеваний (сыпной и возвратный тиф, испанка, холера).

Серьезным ударом по экономическому потенциалу стало зеленое движение, охватившее наиболее зажиточные части Ярославской губернии. На протяжении 1919–1920 гг. в отдельных уездах шли широкомасштабные боевые действия с использованием многочисленного вооружения (повстанцы имели свою артиллерию). В эту войну оказалась вовлечена значительная часть экономически активного населения. Кровавое подавление восстаний сопровождалось массовым террором против крестьян (погибли более 1630 крестьян, свыше 300 чел. были расстреляны [16, с. 101–134]), перегибами в продразверстке, разорением наиболее эффективных хозяйств региона.

Нельзя не отметить и тот факт, что Ярославская губерния являлась дефицитной в продовольственном отношении – местное производство зерна не покрывало ее потребности. Традиционными агрокультурами здесь были лен и картофель (в основном, выращивался для производства крахмала и патоки), которые местное население выменивало на привозимый мешочниками хлеб.

Тяжелое положение населения, отмечавшееся в сводках местной ЧК, характеризуется острым дефицитом продовольственных товаров: «Ухудшение продовольственного положения в губернии может повлечь дальнейшие беспорядки...» [13, с. 297]. Минимальное количество товаров быта распределялось в весьма ограниченных количествах.

Положение в местных частях РККА было также крайне тяжелым. Основная часть красноармейского состава недоедала, имела катастро-

фическую проблему с обмундированием и санитарией. Например, для полного удовлетворения списочного состава частям Яргубвоенкомата недоставало 10 306 шинелей, 5 563 гимнастеров, 3 993 шаровар, 9 890 пар обуви [17, л. 116]. В силу сложной продовольственной обстановки 6 февраля 1921 г. был установлен новый уровень снабжения хлебом из расхода: «Войсковым частям – один фунт в день, военнослужащим – полфунта, переменному преподавательскому составу курсов Гувуза [Главное управление военно-учебных заведений] – полтора фунта, лечебным заведениям по прежним нормам» [17, л. 152]. Оголодавшие красноармейцы ярославского гарнизона промышляли расхищением урожая с крестьянских и кооперативных огородов, находившихся на окраинах города [18]. По линии Яргубчека в Москву регулярно отправлялась тревожная информация о положении в армии: «Состояние воинских частей... менее чем удовлетворительное. Причины общие – недостаток продовольствия и обмундирования... в некоторых частях даже не хватает лаптей» [19, л. 76 об.].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что к началу продовольственной катастрофы в Поволжье состояние одного из потенциальных экономических доноров было весьма непростым, что в конечном счете определило характер и объем вклада ярославцев в борьбу с голодом.

Новости о непростом продовольственном положении в Нижнем и Среднем Поволжье начали поступать в Ярославль вместе с многочисленными мешочниками и беженцами, наводнившими город. Первая официальная оценка ситуации была дана в газетной публикации от 6 июля 1921 г. [20]. В ней на фоне официозных данных о «лучшем, нежели в 1920 г., урожае», упоминались «проблемы», возникшие на юго-востоке страны, а также призыв Максима Горького организовать особый комитет помощи голодающим. Спустя неделю отмечалась уже более тревожная обстановка: «Массовый голод населения, убой скота, нехватка семенного фонда» [21]. К этому же времени относится и один из первых примеров ярославской помощи – работники водного транспорта Ярославского участка обязались отчислить голодающим товарищам полумесячный оклад. К водникам присоединились рабочие лакокрасочного завода № 2, решившие пожертвовать из выданного авансом натурфонда краски по 1 фунту с рабочего. В дальнейшем помощь голодающим была оказана большинством предприятий и организаций Ярославской губернии.

Важным организационным шагом стало создание 9 августа 1921 г. в соответствии с постановлением пленума Губернского исполкома Ярославской губернской комиссии помощи голодающим (Яргубпомгол, Губпомгол), а также уездных помголов. Помимо ответственных партийных и советских работников, в их состав вошли лица,

«пользующиеся широкой известностью и доверием населения». Почетным председателем Губпомгола был избран бывший народоволец Н. А. Морозов [22]. Практически одновременно с Губпомголом, в соответствии с приказами командующего войсками МВО Н. И. Муралова № 9611, 10041, 9611 была создана Комиссия помощи голодающим при Ярославском губернском комиссариате по военным делам (Яргубвоенпомгол, Военпомгол), а также комиссии при уездных военных комиссариатах [23, л. 1–3 об.].

Телеграфное сообщение № 2293/3658, полученное 5 августа 1921 г. от командующего войсками МВО, конкретизировало основные положения организационной части военпомголов. Был обозначен круг лиц, входивших в состав комиссий, губернский или уездный военком (начальник гарнизона) – в качестве председателя, а также члены: местный Начупродгуб (начальник Губернского управления военно-продовольственного снабжения) или его представитель, представитель Губполитпросвета и «прочие кооптированные в силу необходимости лица». В составе Яргубвоенпомгола был создан ряд подкомиссий: агитационной, детской, по организации вечеров и выставок и др. Однако из-за недостатка людей к фактической работе они не приступили.

Военпомголу вменялось координировать работу всех военных учреждений и заведений губернии, за исключением линейных стрелковых дивизий и отдельных стрелковых бригад. Уездные военные помголы должны своевременно предоставлять сведения о ходе работ в Яргубвоенпомгол, последний же, в свою очередь, – в Московскую военно-окружную комиссию помощи голодающим (располагалась в Москве при Штабе МВО по адресу: ул. Кропоткина, д. 7, кв. 14). В вопросах отчетности предписывалось следовать четкому распорядку, сообщать «сколько денег и продуктов собрано каждой отдельной частью, с указанием перемещений сборов». Денежные средства вносились на особый текущий счет Центральной комиссии ВЦИК, собранные же продукты должны были свозиться на специальные склады местного Губпомгола (находились в расположении 18-й стрелковой дивизии). Обязательные сведения о работе Военпомгола по состоянию на 1 и 15 число каждого месяца должны были своевременно в виде сводки передаваться в Москву. Отдельным пунктом телеграфного сообщения обозначалась необходимость полного и широкого содействия создаваемым Военпомголам и его представителям всеми военными учреждениями, находящимися в губернии.

Работа военного ведомства по оказанию помощи голодающим протекала по трем направлениям: 1) сбор продуктов, денежной и материальной помощи; 2) помощь детям, эвакуированным

из регионов, охваченных голодом; 3) агитационная работа.

Первые сведения о сборе средств военными относятся к 28 июля 1921 г., когда на одном из собраний служащие и рабочие 5-го главного военно-хозяйственного склада постановили отчислить в пользу голодающих полученный оклад содержания, а также продукты за 3 отработанных субботника [24]. Было решено пустить подписной лист для добровольного пожертвования, а члены огородной коммуны взяли обязательство отчислить по 20 фунтов картофеля из своего урожая.

Спустя неделю на первой полосе газеты «Творческие дни» был опубликован призыв к рабочим и красноармейцам Ярославля о «всемерной помощи братьям – рабочим и крестьянам Понизовья», знаменовавший начало массового вовлечения в кампанию военнослужащих. А к 7 августа ряд частей 18-й стрелковой дивизии принял постановления об отчислении в пользу голодающих однодневных, двухдневных, пятидневных красноармейских пайков. На митингах, происходивших по этому поводу, отмечалось: «Как ни тяжело положение красноармейцев, но нужно и необходимо оказать посильную помощь голодающему трудящемуся люду Нижнего Поволжья», и далее: «Но пусть этот дар не от излишков, а от красноармейского фронтового пайка будет свидетелем несокрушимого союза трудящихся и братской солидарности», «Пусть отчисление красноармейских пайков послужит примером для всех честных граждан республики» [25].

Отчисление денежных средств либо части продуктовых пайков стало наиболее распространенной формой помощи красноармейцев. Сохранились сведения о промежуточных результатах пожертвований. Так, по состоянию на 1 октября 1921 г. военными было собрано 11 920 327 руб., а также продуктами: хлеба – 123 пуда 2 $\frac{1}{4}$ фунта; картофеля – 58 пудов 1 фунт 75 зол.; ржи – 46 пудов 35 фунтов; муки – 13 пудов 13 $\frac{1}{2}$ фунтов; воблы – 4 пуда 27 фунтов 25 зол.; крупы – 2 пуда 2 фунта 48 зол.; соли – 1 пуд 14 фунтов 69 зол.; сахара – 1 пуд 13 фунтов 32 зол.; масла – 17 фунтов 15 зол.; сухих овощей – 9 фунтов 12 зол.; сушеных яблок – 1 фунт 61 зол. [23, л. 109–110 об.]. Кроме того, для помощи нуждающимся было сдано: 170 аршин мануфактуры, 5 шт. часов, 2 золотых и 1 серебряное кольцо (были получены из военного госпиталя как неостребованные). При этом общице сборы Яргубпомгола на эту же дату составили 161 489 225 руб., а также 621 903 пудов картофеля, 18 335 пудов овощей, «сотни пудов хлеба, отправленных в Марийскую область, Татарскую республику, Вятскую, Царицынскую губернии» [10, с. 29]. Исходя из приведенной денежной суммы, доля финансового вклада военного ведомства составила порядка 7%. Распределение

сборов по отдельным подразделениям Яргубвоенкомата, а также средства, собранные военными агитаторами, представлены в таблице.

Денежные сборы подразделений Яргубвоенкомата в августе-октябре 1921 г., руб

№	Часть, предприятие, лицо	Сумма, руб.
1.	Ярославский уездвоенкомат	122 385
2.	Ростовский уездвоенкомат	3 092 750
3.	Тутаевский уездвоенкомат	184 595
4.	Даниловский уездвоенкомат	455 015
5.	Ярославский главный инженерный склад	145 000
6.	Артиллерийский склад	150 000
7.	Военный госпиталь	3 315 802
8.	Изоляционно-карантинный пункт	1 096 936
9.	Продтранспорти	94 957
10.	Курсы Всевобуча	220 000
11.	Курсы спорта	465 260
12.	Чихачев (Норская фабрика)	2 360 627
13.	Косяков (Давыдовская волость)	200 000
14.	Виндерз (Боровская волость)	17 000
	Итого	11920 327

Составлена и рассчитана по: [23, л. 109–110 об.].

Еще одним способом оказания помощи военными стала организация митингов и увеселительных мероприятий (зачастую они проводились вместе) со сбором в пользу голодающих. Подобные «акции» проводились как в отдельных красноармейских частях, подразделениях, так и совместно с учреждениями городского управления.

В качестве иллюстрации можно привести концерт-вечер с танцами, состоявшийся 12 сентября 1921 г. при Окружной военно-продовольственной базе МВО (сбор 673 150 руб.), а также проведенные в августе – сентябре концерты при Ярославском военном госпитале (сбор с двух концертов – 643 480 руб.) и два спектакля при Ростовском уездвоенкомате (сбор 465 000 руб.) [23, л. 60, 68, 76] и т. д. Более масштабным мероприятием стал ярославский «митинг – концерт – танцы», намеченный на ночь с 15 на 16 августа 1921 г. в зале гарнизонного клуба им. Нахимсона (бывш. Коммерческое училище). К его организации подошли весьма основательно, создав для этого специальную комиссию из сотрудников Яргубвоенкомата, на заседаниях которой был определен порядок проведения мероприятия. В программу вошли танцы до 2-х ч. ночи, выступление ведущих артистов города, исполнение духовой музыки оркестром 7-го батальона Губчека, американская лотерея с призами (шелк, одеколон, цветы и т. п.), а также «летучая почта

Амура». На «закуску» посетителям анонсировался «обильный буфет под наблюдением тов. Саркисова», с «чистым сбором» в пользу голодающих.

Следствием подобных митингов с танцами стали не только денежные поступления, но и развернувшаяся в местной прессе полемика по поводу нравственной составляющей подобной благотворительности. Так, в заметке «Голод и «бутерброды», вышедшей в конце августа 1921 г., была затронута уместность сочетания «буфета с мясными пирожками, сыром, маслом, сахаром и т. п. яствами» и «сбора денег для голодающих» [26]. По мнению журналистов, подобная практика шла вразрез с повесткой дня, а также прививала населению «нежелательные психологические навыки», сознательно или бессознательно разрушающие государственный аппарат». Отмечалось, что «получается нелепая картина, для того, чтобы дать самарцу тысячу другую бумажных рублей, мы безжалостно расходим уже из собранного Республикой десятки пудов продуктов питания. Вечер «в пользу голодающих», а в буфете уничтожаются горы хлеба, сыра и колбасы!». В конце заметки был вынесен суровый вердикт: «Не буфеты с пирожками, и не лотереи-аллегри нужны нам, а сознательное отношение к бедствию, постигшему страну, и к участию голодных», а «буфеты необходимо уничтожить!» [26].

Позднее, под напором общественной критики, местный Губисполком выпустил рекомендацию не организовывать кабаре и бал-маскарады во время сбора средств голодающим [27, л. 62]. Однако вопреки этим запретам «танцульки до глубокой ночи» продолжали процветать в том числе и в частях военного ведомства. В очередной заметке отмечалось: «На одной из центральных улиц нашего города есть изоляционный пункт, где мобилизованные красноармейцы выдерживают двухнедельный карантин... С темнотой в пункте воцаряется веселье. Регулярные концерты в пользу голодающих Поволжья, кончающиеся неизбежной оживленной танцулькой. Танцуют яростно с увлечением, не смущаясь ни временным гашением электричества, ни предрассветным туманом...» [28].

Важным направлением деятельности Военпомгола была помощь эвакуированным детям. По плану в Ярославскую губернию было решено направить 2000 детей из голодающих мест. Подкомиссией Яргубпомгола были организованы 2 приемника-распределителя: на 300 детей школьного возраста и на 100 дошкольного. Крупнейший детский приемник, расположившийся на территории бывшего кадетского корпуса, работал под патронатом РККА. Военными был организован детский дом «Забота красноармейца» [29].

Созданным пунктам приема и содержания оказалось непросто справиться с массой эваку-

ируемых детей. К 10 октября 1921 г. из голодающих мест в Ярославскую губернию прибыло 472 чел., ожидалось прибытие 500 детей из Чувашии, а также 1000 детей ярославцев, эвакуируемых из Самарской и Саратовской губерний. В начале 1922 г. приемник в бывшем кадетском корпусе пополнился партиями детей из Башкирии и Поволжья. Свидетели отмечали сложность этой эвакуации (путь от Бузулука до Ярославля составил 27 суток), а также крайне тяжелое состояние детей: из 601 ребенка 137 умерло в дороге, а оставшиеся в живых были крайне истощены, не имели ни одежды, ни обуви [30, 31]. Общее количество размещенных в Ярославской губернии детей к январю 1922 г. составило порядка 1400 чел.

В одном из номеров «Творческих дней» давалось описание приемника, курируемого военными: «Прибывающие дети с самого начала подвергаются врачебному осмотру (подозрительные и больные дети изолируются в особую комнату-палату). После врачебного осмотра дети стригутся и направляются в ванное помещение, в котором рядами расставлены эмалированные ванны, в которых дети моются, затем одевают чистое белье, а принесенная рухлядь, относится в дезинфекционную камеру. После ванны дети размещаются по палатам, где занимают каждый отдельную кроватку, снабженную чистым бельем и шерстяным одеялом. Поправляющиеся дети снабжаются бельем, одеждой и обувью» [32]. В то же время отмечалась непростая ситуация с питанием: «Приходится с первых же дней им давать грубую пищу, за недостатком молока, яиц, пшеничной муки и сахара. Правда, врач еще ухитряется назначать кое-какую легкую пищу, но это недостаточно; тут необходимы именно: молоко, белый хлеб, яйца и сахар, к снабжению которыми необходимы самые экстренные меры и во что-бы ни стало не в мизерном, а в более достаточном количестве. Прежде чем раздать такие продукты по организациям, надо в первую очередь снабдить истощенных голодом детей» [32].

Примечательно, что отдельные представители ярославской общественности предлагали пойти дальше традиционной детской опеки. Так, журналист В. Степанов признал возможной смычку детского труда и нужд Красной Армии (заметка «Детский дом – источник помощи красноармейцу») [33], предложив привлечь обитателей детдома «Забота Красноармейца» к ремонту обуви и даже пошиву новых сапог и ботинок. Девочкам, снабженным иглками и обученным шитью, было предложено принимать в ремонт белье, шинели, гимнастерки и т. д. Кроме того, дети могли бы заняться изготовлением «всякого рода венков, цветов и т. п. “бумажных изделий”». Тот факт, что подобная работа еще не была организована, сводился к “пассивности военных”. В своих чаяньях Степанов пошел дальше,

рассуждая на тему коммерциализации детского труда. Он указал на бесплатный характер детской работы и предложил военкооперативам воспользоваться данным фактом, получая скидки в 30–60% ниже рыночной цены. При этом официальным «дилером» детдома должен был выступить Военпомгол (ему полагалось заключать контракты). Сведений о том, пошли ли местные военные на подобную коммерциализацию, не сохранилось.

В начале 1922 г. значительная часть детей из приемников была отправлена по уездам либо взята на содержание отдельными организациями. В частности, 200 детей передано на продовольственное снабжение частям Ярославского гарнизона. К марту 1922 г. мелкие воинские формирования приняли на свое полное иждивение до 60 детей. Всего по линии Военпомгола было организовано постоянное питание 275 детей [29].

Третьим видом деятельности военного помгола стала агитационная работа, которая проходила по двум направлениям. В первую очередь агитация была направлена на самих красноармейцев, сводясь к разъяснению причин экономических потрясений. С другой стороны, она подразумевала воздействие личного состава РККА на крестьянское население. В последнем случае главной целью являлась пропаганда сдачи денег и продуктов в пользу голодающих, а также разъяснение ключевых положений нэпа.

Основанием для старта агитационной работы в военных частях стало циркулярное распоряжение ПУОКРа (Политическое военное управление округа) от 3 августа 1921 г. № 12009 «О создании комиссии по проведению Агитационной кампании в помощь голодающему Поволжью» [23, л. 19]. В соответствии с ним было решено мобилизовать в агитаторы сроком до 3-х недель группу из 16 политработников Яргубвоенкомата. Назначенные товарищи были проинструктированы об особой важности предстоящей работы, а также о военной и партийной ответственности в случае ее саботажа. Во избежание бюрократических препон каждой партийной ячейке вменялось в обязанность известить местный райком о мобилизации соответствующих граждан, считая их находящимися в «служебной командировке» [23, л. 21]. Дальнейшая работа военных агитаторов проходила в рамках Губпомгола и в основном сводилась к организации митингов и выступлению с докладами на различных предприятиях и в учреждениях.

Достаточно яркое воспоминание о деятельности агитаторов оставил в своем дневнике один из сотрудников редакции «Творческих дней»: «А вечером был на еще одном митинге, у товарищей красноармейцев стрелкового полка. Красноармейцы постановили отчислить в помощь голодающим полный дневной паек полка, месячный оклад жалованья, получить завтра же

наряд на работу, заработок с которого тоже передать в пользу голодающих. Потом еще подумали и решили устроить платный спектакль, чтобы собрать деньги для голодающих же. Под конец митинга выступил худенький солдатик, раненый в бою против контрреволюции, и сказал он: «Товарищи революционные красноармейцы! Нам на субботниках хлеб хороший дают. Переживем без этого хлеба, подадим руку помощи голодным!» – «Подадим», – сказал полк» [11, с. 95–96].

Помимо представителей агиткомиссии в отдельных учреждениях военного ведомства, начиная с осени 1921 г. действовали агиттройки. В их состав входили: военком части (либо политрук в случае отсутствия военкома) в качестве главы, секретарь партиячейки, а также представитель от красноармейцев. Тройка должна была вести работу под наблюдением и руководством Комиссии помгола при политсекретариате Яргубвоенкомата, предоставляя последней письменные доклады 1-го, 10-го, 20-го и 30-го числа каждого месяца. В обязанности тройки входили: 1) агитационная работа среди красноармейцев; 2) агитационная работа среди крестьян и «граждан вообще»; 3) подготовка к «неделе корреспонденции красноармейца»; 4) проведение «всевозможных пожертвований и сборов» среди красноармейцев и граждан [23, л. 22]. В свою очередь, агитработа троек в красноармейской среде заключалась в организации докладов на заседаниях ячеек РКП, а также выступлениях перед просмотром спектаклей или кинокартин. При отсутствии своих докладчиков тройке полагалось сделать заблаговременный запрос в агиткомиссию об их присылке. Проводить агитацию тройки должны были «осторожно, с особым подходом».

На практике агиттройки были созданы далеко не везде. Так, в сентябре 1921 г. Яргубвоенкоматом было получено донесение об отсутствии подобной структуры в гарнизоне г. Любима [23, л. 55]. Стучилось это в силу малочисленности расположенной в городе роты особого назначения – 20 чел. (однако «налицо 5–6»), а также из-за наличия при местном уездном комитете РКП(б) особой комиссии, курировавшей агитационные вопросы. В то же время среди военных Любимского УВК на тот момент значился всего лишь один коммунист – местный военком. В другом случае при Ярославском военном госпитале также отказались от создания агит-тройки. Здесь основной объем агитационной работы был возложен на действовавшую при госпитале комиссию помгола.

Сохранился первый протокол заседания агиттройки Яргубвоенкомата (15 сентября 1921 г.), который в определенной степени характеризует подход к пропаганде помгола в воинских частях [34, л. 1–2]. Так, в числе постановлений первого заседания тройки значилось: 1) провести 2 субботника 23 и 30 сентября; 2) провести митинг с переменным составом

по вопросам помощи голодающим; 3) на предстоящем собрании предложить красноармейцам пожертвовать 30 фунтов «экономической соли» из цейхгауза в пользу голодающих. В случае отказа красноармейцев предлагалось уже директивно пожертвовать 20 фунтов.

Наиболее яркими агитационными событиями осени 1921 г. стали «День помощи голодающим», проводившийся 11 сентября, а также «Неделя помощи голодающим», организованная в масштабах Ярославской губернии с 23 по 30 октября 1921 г. К организации последней были привлечены советские и партийные учреждения, местный культпросвет, а также военные (в соответствии с приказами МВО № 981, 1004 и 1270).

В основном «Неделя помощи» сводилась к устройству платных концертов и спектаклей, сопровождаемых кружечным сбором. Важная роль отводилась распространению листовок, плакатов и агитлитературы. При этом каждый день «Недели» был посвящен определенному направлению агитработы. В частности, первые 2 дня – 23 и 24 октября были направлены на широкую агитацию среди деревенского и городского населения губернии. В эти дни военным агитаторам предлагалось проявить максимум активности, устраивая митинги, собрания, концерты, и прочие «культурные и просветительные выступления». 25 и 26 октября посвящались кружечному, повозочному и подомовому добровольным сборам, во время которых осуществлялась продажа и обмен на продовольствие товары билетов лотереи помгола. Пятый и шестой дни кампании посвящались агитации с привлечением сотрудников ВСЕРАБИСа (Всероссийский союз работников искусств). Завершающие дни помощи – 29 и 30 октября – отводились под субботники. В эти же дни планировалось «повсеместное» устройство вечеров, концертов и спектаклей воинскими частями и рабочими клубами [35].

По итогам «Дня помощи голодающим» в Ярославле было собрано 16 600 000 руб., 313 пудов хлеба и картофеля [10, с. 29]. В ходе «Недели помощи» (а также начала ноября) Яргубвоенкоматом были получены: 52 пуда 10 фунтов хлебных продуктов, 211 пудов 14 фунтов картофеля, 3 пуда 3 фунта «другого продовольствия» и 45 аршин мануфактуры. За этот же период ярославскими частями РККА в счет помощи детям было пожертвовано 15 026 738 руб. [36]. Всего за октябрь 1921 г. в частях МВО было собрано около 8 000 пудов продовольствия в пользу голодающих [37].

Параллельно с работой комиссии и троек была развернута широкая почтовая агитация населения посредством рассылки красноармейских писем на родину. Наиболее активно она была организована во время «недели корреспонденции», проведенной осенью 1921 г. Рассылка в основном содержала уже указанные выше

вопросы: необходимость срочной помощи голодающим и разъяснение сути нэпа. Письменная агитация красноармейцами своих родных в деревне обозначалась ПУОКРом как «важнейший и практически целесообразный метод агитации и пропаганды» [23, л. 22 об.].

Вклад военных в борьбу с голодом – один из интересных эпизодов советской истории, требующий дальнейшего изучения. Деятельность Красной Армии в направлении помгола воплотила в себе организационно-бюрократические реалии начала 1920-х гг., стала отражением социальных процессов, происходивших в стране. Несмотря на скудную информацию, можно сделать вывод о достаточно активном участии военных Ярославской губернии в оказании помощи голодающим. Говоря об итогах этой помощи, можно прибегнуть к оценке, данной военкором «Творческих дней» Н. Листковым: «Красная Армия, в частности Ярославский гарнизон, выполнили свою задачу; красноармейцы Ярославской губернии занимают первое место в помощи голодному Поволжью среди частей М. В. О.» [38].

В течение второй половины 1922 г. началось постепенное свертывание помощи голодающим, обусловленное улучшением продовольственной обстановки в стране. Данный процесс затронул и РККА. 15 августа 1922 г. пленум Комиссии помгола при МВО постановил постепенно уменьшать красноармейские отчисления [39, л. 1–1 об.]. С осени 1922 г. был дан старт реэвакуации детей, содержащихся по линии военного ведомства. Часть средств, предназначавшихся ранее детям, отныне полагалось использовать на нужды инвалидов Первой мировой и Гражданской войн. Многочисленные калеки, выброшенные в силу социально-экономических потрясений на обочину жизни, являли собой еще одну тяжелую, но характерную приметку эпохи.

Список литературы

1. Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг. : происхождение, особенности, последствия : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2010. 42 с.
2. Зима В. Ф. Продовольственная проблема в СССР на первом этапе Новой экономической политики в 1921–1925 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (51). С. 38–51.
3. Бондаренко Т. Ю. Борец с голодом 1920-х годов в Саратовской губернии (из биографии С. А. Бирмана) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 4 (53). С. 128–133.
4. Виноградов С. В. Голод 1921 года в Поволжье : причины, масштабы, последствия // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2011. № 3 (28). С. 12–21.
5. Помогалова О. И. Медицинская помощь иностранных благотворительных организаций в период голода в Поволжье в 1921–1922 годах (на примере Саратовской губернии и Области немцев Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 87–91.
6. Циденков Г. Г. Профессиональный состав эвакуированных лиц из голодающих губерний Поволжья в город Иркутск в 1921–1922 гг. // Тринадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы : в 2 т. Т. 2 / науч. ред. Ю. А. Зуляр. Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. С. 137–142.
7. Амлеев Р. А. Отражение в материалах ростовской печати кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 4 (196). С. 28–32.
8. Курдяшев М. С. Голод начала 1920-х годов в Бузулукском уезде Самарской губернии в воспоминаниях очевидцев // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сборник статей Международной научно-практической конференции : в 2 т. / науч. ред. С. В. Любтчанковский. Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2020. Т. 1. С. 216–219.
9. Репинецкий А. И. Практики выживания населения Поволжья в условиях голода 1921–1922 гг. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России : история и современность : материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 марта 2019 г.) / отв. ред. В. А. Веремко. СПб. : Ленинградский государственный университет (ЛГУ) им. А. С. Пушкина, 2019. Т. 1. С. 248–253.
10. Шевяков С. П. Помощь рабочим и крестьян Ярославской губернии трудящимся районов Поволжья, пострадавшим от засухи 1921 года // Сборник студенческих научных работ. Вып. 2. История, литература, язык / под ред. П. Г. Андреева. Ярославль : Ярославский государственный педагогический институт имени К. Д. Ушинского, 1958. С. 21–43.
11. Биография края моего [Лит.-докум. летопись] / сост. В. Ф. Московкин. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1967. 559 с.
12. Очерки истории Ярославской организации КПСС (1883–1937). / В. И. Андрианов, Б. Д. Альтшуллер, В. Т. Анисков [и др.]. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1985. 319 с.
13. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / А. М. Пономарев, В. М. Марасанова, В. П. Федюк, К. И. Юрчик, Ю. Ю. Иерусалимский, Н. П. Рязанцев, А. М. Селиванов, Ю. Г. Салова ; отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль : Ярославский государственный университет, 1999. 368 с.
14. О расширении границ Ярославской губернии // Творческие дни. 1921. 9 сент.
15. По разрушенным местам // Северный рабочий. 1928. 21 июля.
16. Данилов А. Ю. Гражданская война в Ярославском крае // Страницы военной истории Ярославии : сборник / под ред. В. М. Марасановой. Ярославль : Индиго, 2013. С. 101–134.

17. Государственный архив Ярославской области (далее. – ГАЯО). Ф. Р-1431 (Ярославский губисполком). Оп. 1. Д. 113.
18. Расхищение картофеля // Творческие дни. 1921. 12 авг.
19. Центр документации новейшей истории (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 1 (Ярославский губком ВКП(б)). Оп. 27. Д. 596.
20. Комитет помощи голодающим // Известия Яргубисполкома. 1921. 6 июля.
21. Всем гражданам РСФСР. // Известия Яргубисполкома. 1921. 13 июля.
22. *Новохатный И.* Ярославль – голодающему Поволжью // Творческие дни. 1921. 23 окт.
23. ГАЯО. Ф. Р-1842 (Ярославский губвоенкомат). Оп. 1. Д. 24.
24. Голодающим // Творческие дни. 1921. 6 авг.
25. *Шапурин.* Пример тов. красноармейцев // Творческие дни. 1921. 7 авг.
26. *Прок. И.* Голод и бутерброды // Творческие дни. 1921. 30 авг.
27. ГАЯО. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 93.
28. *Хатаевич Э.* Надо обратить внимание // Творческие дни. 1921. 1 сент.
29. *Степанов В.* Красная Армия – голодающему Поволжью // Творческие дни. 1922. 7 марта.
30. *Ивин Г.* Ни минуты промедленья // Творческие дни. 1922. 2 янв.
31. Работа детской подкомиссии // Творческие дни. 1922. 7 янв.
32. *Мартьянов.* В приемнике голодающих // Творческие дни. 1921. 10 нояб.
33. *Степанов В.* Детский дом – источник помощи красноармейцу // Творческие дни. 1922. 25 марта.
34. ГАЯО. Ф. Р-1842. Оп. 7. Д. 26.
35. На помощь Понизовью. Порядок проведения недели помощи голодающим // Творческие дни. 1921 г. 18 окт.
36. Красноармейцы голодающему Поволжью // Творческие дни. 1921. 15 нояб.
37. Красная армия голодающим // Творческие дни. 1921. 25 нояб.
38. *Листков Н.* Равняйтесь по Красной Армии // Творческие дни. 1922 г. 6 апр.
39. ГАЯО. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 433.

Поступила в редакцию 22.02.2022; одобрена после рецензирования 13.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 22.02.2022; approved after reviewing 13.03.2022; accepted for publication 12.04.2022

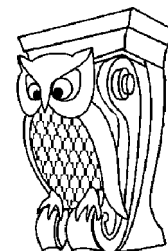

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 409–416
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 409–416
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-409-416>

Научная статья
УДК [94+355.691.31](470.44/.47)|1941/1945|

Речные переправы в транспортной системе СССР в условиях военного времени (на примере Нижней Волги в годы Великой Отечественной войны)

О. А. Гоманенко

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100

Гоманенко Олеся Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы,
gomanenko.olesya@mail.ru, gomanenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>, Author ID: 2946-3332

Аннотация. В статье анализируется положение волжских переправ в годы Великой Отечественной войны как важнейшего вида транспортного сообщения. Обобщены, систематизированы и дополнены сведения о работе переправ в довоенный период и во время Сталинградской битвы. Прослежены изменения в их количестве, дислокации и функционировании в период боевых действий. Показаны результаты работы волжских переправ. Сделан вывод об исключительности перевозок по Волге речным транспортом, в том числе в организации эвакуации.

Ключевые слова: речной транспорт, переправы, перевозки, транспортное сообщение, Волга, Сталинградская битва, Великая Отечественная война

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках научного проекта № 0633–2020–0004 «Развитие методики виртуальной 3D реконструкции исторических объектов».

Для цитирования: Гоманенко О. А. Речные переправы в транспортной системе СССР в условиях военного времени (на примере Нижней Волги в годы Великой Отечественной войны) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 409–416. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-409-416>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

River crossings in the USSR transportation system in war time (the case of the Lower Volga during the Great Patriotic War)

О. А. Gomanenko

Volgograd State University, 100 Universitetskii Prospect, Volgograd 400062, Russia

Olesya A. Gomanenko, gomanenko.olesya@mail.ru, gomanenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>, Author ID: 2946-3332

Abstract. The paper deals with Volga river crossings as a vital means of transportation during the Great Patriotic War. The information on river crossings work before and during the Battle of Stalingrad are summarized, systematized and supplemented. The changes in their number, location and work in fighting are traced. The results of Volga crossings work are established. The conclusion on Volga crossings vital importance for evacuation as well is made.

Keywords: river transport, crossings, transportation, transport links, the Volga, the Battle of Stalingrad, the Great Patriotic War

Acknowledgments. The study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as research project No. 0633-2020-0004 "Development of methods of virtual 3D reconstruction of historical objects".

For citation: Gomanenko O. A. River crossings in the USSR transportation system in war time (the case of the Lower Volga during the Great Patriotic War). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 409–416 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-409-416>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Речные переправы в условиях военных действий имеют важнейшее значение в транспортном сообщении, как это было в годы Великой Отечественной войны. Переправы бывают разные, в том числе паромные, мостовые, вброд,

лежневые (по льду) и другие. Они представляют собой участок водной преграды, оборудованный для ее преодоления.

Исследованию деятельности волжских переправ в годы войны посвящены единичные

научные работы. Несомненный интерес представляет самый объемный по этой теме труд коллектива авторов «В огне Сталинградских переправ» [1]. В издании подробно рассматривается функционирование волжских переправ в период Сталинградской битвы. В контексте сражения приводятся отдельные данные и в коллективной публикации «Подвиг Сталинграда» [2], а также в книге «Советский речной транспорт в Великой Отечественной войне» [3]. Сведения о переправах Нижней Волги как в довоенный период, так и в годы Великой Отечественной войны, представлены в трудах О. А. Гомащенко [4, 5, 6]. Однако на сегодняшний день отсутствует обобщенная и систематизированная научная работа по данной проблеме. Дополнить имеющиеся материалы позволили также опубликованные и неиздававшиеся документы из федерального и региональных архивов РФ. Так, сборник документов и материалов «Сталинградский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны» позволил рассмотреть вопрос о деятельности волжских переправ в начале войны [7]. Неопубликованные архивные источники помогли раскрыть информацию о переправах накануне войны, показать итоги их работы в начальный период военных действий и в дни Сталинградского сражения. Использование всех имеющихся материалов позволило обобщить информацию и сделать выводы о функционировании переправ как особого вида транспортного сообщения в годы Великой Отечественной войны.

В довоенный период действовало три паромные переправы через Нижнюю Волгу у пристаней Сталинград, Камышин, Дубовка. Они находились в ведении Нижневолжского речного пароходства (НВРП), границы которого простирались от Астрахани до Камышина. В Астрахани переправа также функционировала, но была подведомственна Городскому Совету [8, л. 3 об.]. Волжские переправы были паромными, то есть паромы буксировались баркасами или катерами.

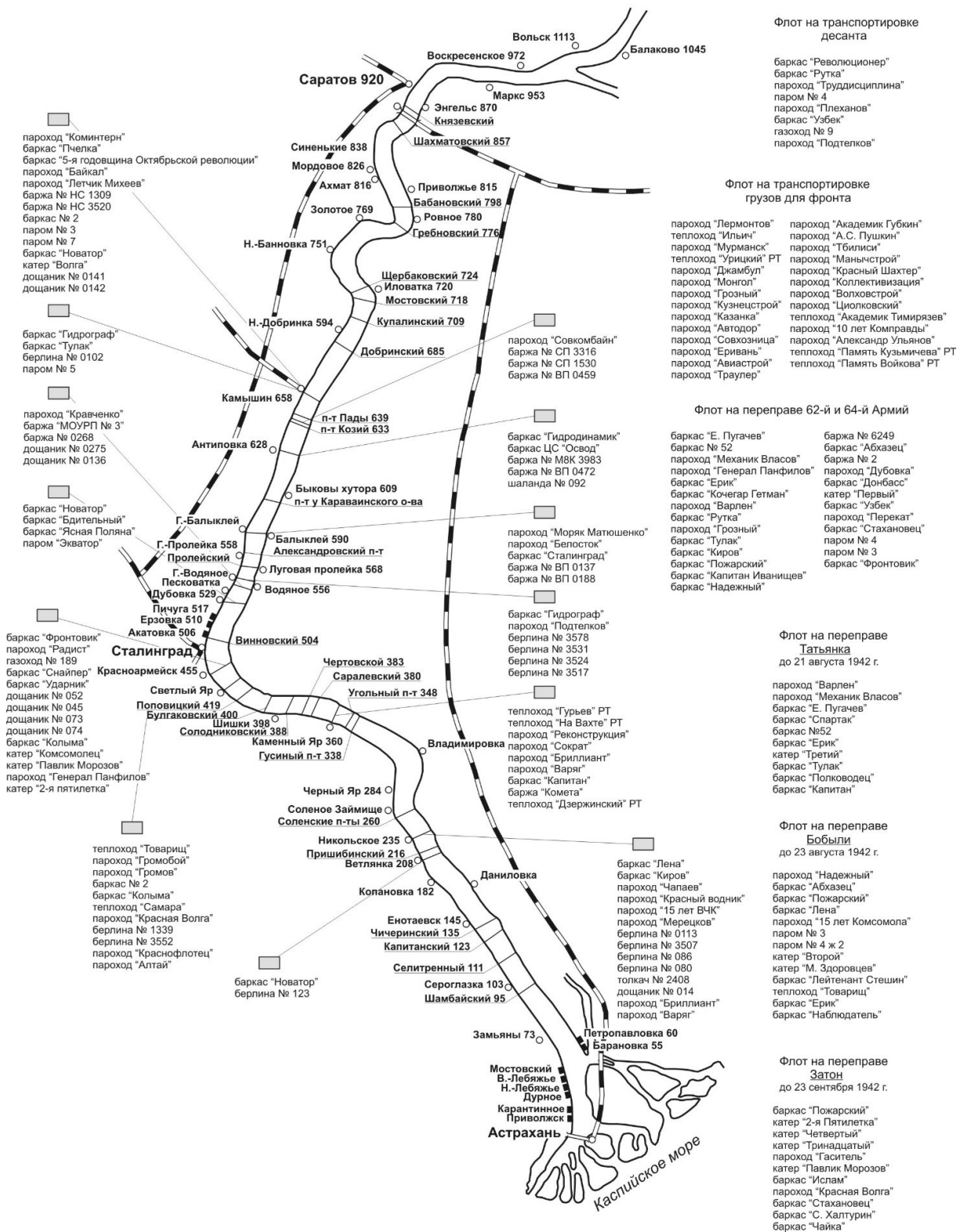
С началом Великой Отечественной войны резко возросли как воинские, так и народнохозяйственные (особенно нефтяные) речные перевозки. Важность и помощь в транспортировке грузов Нижневолжским пароходством, особенно в навигацию 1942 г., отмечались на самом высшем уровне руководства страны [5, с. 397]. Массовая эвакуация населения вызвала необходимость формирования речных переправ через Волгу. При отсутствии мостов переброска большого количества людей, воинских и гражданских грузов стала возможна благодаря паромам и судам со значительным тоннажем. В первый период Великой Отечественной войны от Астрахани до Саратова были наведены 42 переправы (рисунк). Многочисленные участки Волги около Сталинграда превратились в основные подъ-

ездные пути к железной дороге и причалам, по которым осуществлялась эвакуация [6, с. 56].

С 25 октября 1941 г. и до конца навигации в Сталинграде организовали 9 переправ с правого на левый берег Волги, которые действовали во время ледохода и ледостава [7, с. 61–62]. Навигация заканчивается обычно в середине ноября с наступлением ледохода. Осенний ледоход происходит в период замерзания реки и завершается ледоставом с образованием неподвижного льда. В Сталинграде начало ледохода было отмечено 15 ноября 1941 г., а 16 ноября он распространился ниже пристани Никольское. Ледоход сопровождался низкими температурами и сильными снегопадами.

На организованных в октябре 1941 г. 9 переправах происходила переброска населения, различных грузов, заводского оборудования и техники. Паромная переправа № 1 с грузоподъемностью 12 т и пропускной способностью 6000 автомашин в сутки была наведена между районом «Пионерка» и Горпеском. Плотовая деревянная переправа № 2 являлась пешеходной и соединяла район «Баннный» и о. Крит. Ежедневно по ней проходило до 50,0 тыс. чел. Переправа № 3 была пешеходной с такой же пропускной способностью, как и вторая, и объединяла Ельшанскую гряду с о. Голодный. Паромная переправа № 4 соединяла существовавшую и в довоенное время Городскую переправу с о. Крит, ежесуточно она пропускала 1000 автоединиц весом до 50 т. Паромная переправа № 5 была возведена между районом Рыбные садки и о. Крит с ежедневной пропускной способностью 1000 автоединиц. Аналогичная переправа № 6 соединяла район завода «Красный Октябрь» с верхом о. Крит. На переправе № 7 курсировали пассажирские речные трамваи между Сталинградским тракторным заводом (СТЗ) и Скудрами и перевозили 10,0 тыс. чел. в сутки. Паромная переправа № 8 действовала в районе Винновка – Шадринский ерик и переправляла 1000 автоединиц в сутки. Баржевая переправа № 9 с такой же пропускной способностью соединяла Мачтопиточный завод с о. Спорный.

Возведением переправ занималось Нижневолжское пароходство вместе с Главным Управлением шоссейными дорогами Управления Наркомата внутренних дел (НКВД) и инженерными войсками. В ноябре 1941 г. от Камышина и ниже по р. Дон были созданы мосты и новые паромные переправы для перегона скота [7, с. 65]. С 10 декабря 1941 г. организовывались зимние переправы (по льду) для пропуска тяжелой нагрузки. Лежневую переправу возводили по створу Киевского взвоза до Красной Слободы на левом берегу. Ледяная переправа между Рыбными садками и Горводопроводом предназначалась для пешеходов, гужевого транспорта и автомашин весом до 1500 т [7, с. 168].

Карта-схема реки Волги от Саратова до Астрахани. Волжские переправы, действовавшие в период Сталинградской битвы

В работе волжских переправ можно выделить четыре периода: 1) с 1941 г. по июль 1942 г.; 2) с 17 июля по 25 августа 1942 г.;

3) с 25 августа по ноябрь 1942 г.; 4) с ноября 1942 г. до начала 1943 г. В первый период строились новые пристани, причалы, участки, ре-

монта подъездных путей к ним. Работа переправ в это время заключалась в переброске эвакуируемого населения, промышленных предприятий, народнохозяйственных грузов, техники, перевозке нефти.

Второй период работы переправ начался с переходом Сталинградской области на военное положение и продолжался до введения осадного положения в городе. В это время параллельно осуществлялись снабжение фронта и эвакуация из Сталинграда как населения, так и материальных грузов. Для этого в июле и августе 1942 г. на 17 пристанях НВРП были созданы специальные переправы [6, с. 65]. В этих пунктах использовались приписанные к этим пристаням суда и подвижной состав Астраханской и Сталинградской местных пристаней. Помимо этого, привлекался и транзитный флот Нижневолжского пароходства (91 баржа, 43 катера и буксира). Например, на участке Дубовка – Камышин на переправах, обеспечивавших войска Донского фронта, работали 15 самоходных и 26 несамоходных судов НВРП [9, л. 18].

30 августа 1942 г. через Волгу в Сталинград было создано 5 основных переправ [1, с. 94–95]: № 1 – «Красный Октябрь»; № 2 – Красная Слобода; № 3 – Бекетовка; № 4 – Сарепта; № 5 – Культбаза (о. Большой Сарпинский). Ответственность за работу переправ № 2 и № 5 возлагалась на Волжскую военную флотилию (ВВФ), № 1 – на 62-ю армию, № 3 – на 64-ю армию, № 4 – на 57-ю армию. Однако вскоре все переправы стали подчиняться начальнику инженерных войск фронта. Наряду с основными действовали и переправы, организованные командованиями армий и местным флотом НВРП. Они занимались перевозками войск и воинских грузов, населения и гражданских грузов. Так, 57-я армия, кроме переправы № 4, имела и другие переправы: с 26 августа в Райгороде, с 28 августа в Светлом Яре, с 30 августа в Бекетовке и на Шпалозаводе (юг города). У 62-й армии, помимо переправы № 1, были еще переправы Скудры – Рынок и Скудры – о. Денежный. 64-я армия, кроме переправы № 3, имела переправы: Сталгрэс – о. Большой Сарпинский, Тумак – Щучий прован, наплавной мост через р. Куропатку в районе Культбазы.

Третий период работы переправ был наиболее трудным. Из-за постоянно изменяющейся военной обстановки их количество и местоположение менялись. Переправы не всегда справлялись с возрастающим потоком грузов. В это время появилась множество самодеятельных переправ. Главная задача в работе переправ этого периода заключалась в обеспечении боеприпасами, воинским пополнением, продовольствием, медикаментами армий, сражавшихся в Сталинграде. С августа по октябрь 1942 г. между Астраханью и Саратовом было возведено 49 паромных переправ. На них работали 134 паромы,

а также 2 наплавных и один эстакадно-наплавной мост [2, с. 268].

Четвертый период функционирования волжских переправ совпал с началом ледохода на Волге и длился до окончания Сталинградской битвы. Переправы продолжали работать и с наступлением ледостава. Лежневые переправы сокращались с увеличением морозов. Транспортировка грузов и людей осуществлялась прямо по льду.

В центральной части Сталинграда функционировали переправы у СТЗ и завода «Красный Октябрь». Они связывали город с затоном Сталинградского судоремонтного завода Нижневолжского пароходства, а также поселками Красная Слобода и Бобыли. Даже после 23 августа 1942 г. работа местных переправ между Сталинградом, заводом «Красный Октябрь», Тумаком и левым берегом Волги не прекращалась [6, с. 66]. Переправы (кроме лежневых) перестали работать в основном 17–18 декабря, некоторые – 21 и 27 декабря 1942 г. Ледоход начался еще в середине ноября, но на помощь приходили саперы и понтоны [1, с. 227–230].

На 30 ноября 1942 г. в Сталинграде действовало 9 переправ (2 лодочные, паромная через о. Денежный и около его южной оконечности, а также 2 паромные в районе Тумак – о. Большой Сарпинский – Красноармейск). С наступлением ледостава 17 и 23 декабря около с. Татьяна инженерами 64-й армии были наведены 2 моста: свайно-понтонный и свайный по льду [1, с. 229]. По Волге в это время проходило несколько видов переправ. Вначале это были пешеходные ледовые, потом по деревянным настилам и нарастшему льду гужевые и автомобильные. Такие лежневые переправы находились у заводов «Красный Октябрь», «Баррикады», СТЗ – с одной стороны, а около Скудры – с другой. Количество лежневых переправ сокращалось по мере замерзания реки. В январе и феврале 1943 г. толщина льда позволяла безопасно пересекать Волгу.

Таким образом, волжские переправы являлись важнейшими звеньями в переброске на Сталинградский фронт войск, снабжения, а также эвакуации. Переправы действовали под руководством военного командования. На них работали в основном приписанные суда Сталинградской транзитной и местной пристаней Нижневолжского речного пароходства.

До середины декабря 1942 г. функционировала также специальная переправа, созданная по инициативе Управления Наркомата внутренних дел по Сталинградской области. Она предназначалась для отправки агентуры разведки через Волгу, а также работников Управления НКВД и милиции, находившихся на заданиях. Специальная переправа совершила свыше 80 рейсов (в том числе в условиях ледохода) и переправила более 1000 раненых военнослужащих [10, л. 12–13].

Сталинградские переправы располагались с севера на юг города.

Латошинка – Шадрино. Паромная переправа (с баржей-паромом) от пристани Латошинка (правый берег Волги в районе нынешней Спартановки) до пристани Шадрино (левый берег) в Шадринском затоне (ныне затоплен). Здесь паром буксировал пароход «Труддисциплина». Использовалась переправа для отправки раненых, эвакуированного населения, имущества, оборудования и материалов с предприятий города. Также данная паромная переправа осуществляла переброску железнодорожных вагонов. Она действовала с июля до 24 августа 1942 г. (до захвата Латошинки противником). В октябре переправа была практически разрушена в ходе Латошинской операции. Были потоплены и суда, обеспечивавшие ее работу. 3 ноября от пристани Латошинки отправились последние бронекатера и тогда переправа окончательно перестала функционировать [1, с. 75–76].

Станция Латошинка (Причальная) – станция Паромная (железнодорожная паромная переправа). Здесь правый берег с левым (станция Паромная) соединяла переправа с двумя самоходными железнодорожными паромными («Вторая пятилетка» и «Иосиф Сталин»). Ежедневно переправа доставляла до 600 вагонов грузов и проработала с 1941 г. до 24 августа 1942 г. (до момента занятия противником станции и поселка Латошинки) [1, с. 58].

Сталинградский тракторный завод (СТЗ) – Скудры. Это была паромная переправа Сталинградского местного флота НВРП, которая ходила от пристани тракторного завода до причала Скудры. Ее обеспечивали как собственные заводские катера, так и суда Нижневолжского пароходства (катер «Комсомолец», баркас «Киров») [10, л. 9]. На пароме переправляли и раненых, и местное население, а также воинское пополнение.

Наплавной мост СТЗ – Скудры. Наплавной мост через Волгу был наведен 15–20 августа 1942 г. от Сталинградского тракторного завода через о. Денежный (Зайцевский) на левый берег в районе Скудры. С левого на правый берег поступали основные воинские грузы Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. С правого на левый берег эвакуировались раненые. Мост возводили понтонеры 107-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона, сталинградские рабочие и речники НВРП (в том числе речные суда «Абхазец», «Ласточка», «Капитан Иванищев», «Чкалов»). 23 августа 1942 г. мост был разобран, чтобы не допустить форсирования Волги немецкими войсками, вышедшими к реке севернее тракторного завода [1, с. 58].

Завод «Баррикады» – Скудры. Паромная переправа Сталинградского местного флота соединяла завод «Баррикады» и причал Скудры и обеспечивала местное сообщение. В период

Сталинградской битвы здесь работал катер «Пятый». На переправе осуществлялась перевозка раненых и воинских грузов.

«Красный Октябрь» – Скудры (переправа № 62). Паромная переправа Сталинградского местного флота связывала завод «Красный Октябрь» на правом берегу Волги (начальный пункт) со Скудрами, располагавшимся на левом берегу реки, в Заволжье (конечный пункт). Эту переправу организовали на базе бывшей переправы № 1 («Красный Октябрь») и центральной, которая перестала действовать 27 сентября 1942 г. [6, с. 66]. На правом берегу Волги основные причалы находились в районе заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь», на левом – в Красной Слободе и Скудрах. Обеспечивал первоначально переправу катер «Сталь». Позже стали курсировать пароходы «Дубовка», «Совхозница», «Надежный», баркасы «Абхазец», «Донбасс», «Пожарский», «Капитан Иванищев», катера «Второй», паром № 3 и несколько барж-паромов. Во время ледостава переправу обеспечивали пароходы «Колхозник», «Кузнец», «Узбек». Переправа использовалась для нужд населения, в том числе обслуживала 62-ю армию, став для нее главной, и перевозила в течение июля и августа как воинские, так и народнохозяйственные грузы, раненых и войска. Переправа 3 раза меняла пункты базирования флота, погрузки и выгрузки в связи с меняющейся боевой обстановкой и условиями плавания. С 28 сентября после прекращения работы центральной переправы основная тяжесть по обеспечению защитников Сталинграда легла на переправу № 62. В это время через Волгу были проложены дополнительные речные маршруты с тремя новыми пристанями [1, с. 120]. Одно сообщение организовали в районе Верхней Ахтубы. Другую речную коммуникацию возвели в районе Скудры. Третий маршрут создали в районе Тумак. С новых пристаней преимущественно в ночное время на кораблях Волжской военной флотилии и гражданских речных судах различные грузы доставлялись к заводу «Красный Октябрь» и пос. Спартановка. Кроме того, от завода «Баррикады» на о. Зайцевский был наведен наплавной мост на железных бочках. Функционировали также и временные мосты (пешеходные мостики), соединявшие правый берег реки с левым. В начале октября 1942 г. были сооружены 3 таких пешеходных мостика, связывавших правый берег Волги с о. Зайцевским [1, с. 143–144].

26 октября 1942 г. была организована *лодочная переправа*, подчинявшаяся штабу инженерных войск 62-й армии. Лодочная переправа осуществляла перевозки раненых, пополнения, боеприпасов и других грузов в тех случаях, когда суда не были на ходу или не обеспечивали данное сообщение. Фактически лодочная переправа помогала центральной. В этот период действовало 5 отрядов лодочных расчетов. Основной их пункт

располагался на правом берегу Волги около санитарного причала (южнее Банного оврага) [1, с. 165, 173]. На 31 октября в черте Спартановка – завод «Красный Октябрь» работало 5 лодочных переправ.

Первая Центральная переправа (Киевский взвоз – Бобыли). Первая Центральная паромная переправа Сталинградского местного флота НВРП располагалась от дебаркадера Киевского взвоза (правый берег) до дебаркадера № 104 в хуторе Бобыли (левый берег, южная окраина Красной Слободы). С июля 1942 г. переправа осуществляла крупные воинские перевозки (войск, раненых, техники). Переправу обеспечивали баркасы «Абхазец» и «Пожарский», пароход «Надежный» [1, с. 59].

Вторая Центральная переправа (Сталинградский транзитный вокзал (речной вокзал) – Красная Слобода). Вторая Центральная переправа Сталинградского местного флота НВРП связывала речной вокзал (правый берег, в 700 м от центра г. Сталинграда) и причалы в Красной Слободе на левом берегу Волги. Здесь до войны функционировала Городская переправа. Она располагалась на одной территории с пристанью Сталинградского местного флота Нижневолжского пароходства [4, с. 233–234]. В частности, переправа находилась между вторым хлебосоляным и третьим городским участками Сталинградского порта. Протяженность местной пристани Сталинград доходила до 500 м. Еще накануне войны она имела в своем составе грузовой участок, пассажирский вокзал и причал (дебаркадер). К грузовому участку были проложены грунтовые подъездные пути, а также железнодорожная линия для перевалки грузов с судов в вагоны и обратно [8, л. 37]. В июне – августе 1942 г. Городская переправа осуществляла перевозки в основном для фронта. Через нее в сутки проходило до 15,0 тыс. чел. (воины, раненые, гражданское население). Обслуживали переправу катера трамвайного типа: «Первый», «Второй», «Четвертый», «Тринадцатый», «Вторая пятилетка». Также здесь работали волжские суда: «Надежный», «Совхозник», «Кузнец», «Абхазец», «Донбасс». Поскольку в августе – сентябре переправа имела доминирующее значение, со стороны военных ее обслуживал 88-й отдельный дорожно-эксплуатационный батальон. 23 августа порт подвергся сильной бомбардировке, за период Сталинградской битвы до 90% его было разрушено [4, с. 233]. 24 августа дополнительно были созданы еще причалы центральной переправы [1, с. 80]. Один причал располагался в районе Соляного участка и обслуживался катерами «Четвертый» и «Тринадцатый», ходившими в Красную Слободу. Вторым причалом находился в районе памятника Хользунову. Курсировавшие от него катера «Вторая пятилетка» и «Лейтенант Здоровцев» ходили в Красную Слободу,

«Второй» и «Павлик Морозов» – до хутора Бобыли. Третий причал располагался в районе пристани Камлесослава на правом берегу Волги. С выходом противника к Волге в центре города 27 сентября центральная переправа перестала функционировать. После этого работа речных судов сосредоточилась на двух участках: в районе завода «Красный Октябрь» (62-я армия) и в районе Бекетовки (64-я армия). Организованная 30–31 августа (на базе центральной) переправа № 2 соединяла Красную Слободу с центральной пристанью города. Здесь проходил поток войск и тяжелой техники для 62-й, 64-й и 57-й армий.

Воинская переправа № 1 (Киевский взвоз – Бобыли). Воинская паромная переправа № 1 соединяла свайный причал у Киевского взвоза (правый берег) со свайным причалом в Бобылях на левом берегу Волги. Переправу обслуживал баркас «Лена». Ежедневно переправлялось до 1000 т грузов и до 5000 воинов. Переправа функционировала с 15 августа до 17 сентября 1942 г. [1, с. 59]. После этого немецкие войска вышли к Центральной пристани и устью р. Царицы. Дебаркадер Киевского взвоза сгорел в результате авиабомбежки.

Воинская переправа № 2 (Базарный взвоз – Бобыли). Воинская переправа № 2 соединяла причалы у Базарного взвоза (у городской водокачки) с причалами в Бобылях. Она начала функционировать с 16 августа 1942 г. и прекратила свою работу 17 сентября (с выходом противника к Центральной пристани). Здесь работали переправочные средства 160-го отдельного понтонно-мостового батальона (4 паромов парка СП-19 (тяжелый паром специального парка), катера БМК (буксирный моторный катер) и С-25 (буксирный катер) и другие, в частности «близнецы» – спаренные и счетверенные понтоны парка СП-19. С 8 по 19 августа в районе Сталинграда и Горного Балыклея «близнецы» перевезли через Волгу 18136 военнослужащих, более 43000 тонн грузов, 6812 автомашин и другое имущество [1, с. 59]. Эта переправа вновь заработала 30 августа.

Сталинградский транзитный вокзал – Тумак. Местная паромная переправа для нужд населения города от речного вокзала до Тумака (на левом берегу воложки Куропатки напротив острова Сарпинский). Переправа работала и в довоенное время, а с июля – августа 1942 г. занималась и воинскими перевозками. Тумак являлся стратегическим пунктом перевозки грузов и пассажиров. До 23 августа, пока вражеская авиация не заминировала фарватер Волги выше и ниже Сталинграда, осуществлялись постоянные рейсы на линии Саратов – Астрахань, которые позволяли эффективно подвозить необходимые грузы и эвакуировать людей, скот, технику.

Тумак – остров Большой Сарпинский (Культбаза). Паромная переправа от Тумака до острова Большой Сарпинский (район Щучьего прорана). Пристань Большого Сарпинского

находилась на северной оконечности острова на правом берегу Щучьего прорана, отделявшего остров Сарпинский от острова Голодный [12, л. 23]. Переправа стала одной из переправ 64-й армии и осуществляла перевозки в ее интересах. Здесь шел основной поток грузов, населения, войск и раненых с острова Большой Сарпинский на левый берег р. Куропатки (Старая Волга) и обратно. Обеспечивал переправу колесный пароход «Механик Власов» с паромом. За 25–28 августа 1942 г. 107-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон навел понтонный мост (длиной 580 м) через Куропатку в районе Культбазы. Через мост пошел большой поток войск, грузов, раненых и населения, поступавших на Большой Сарпинский. На 31 октября переправа находилась севернее Тумака, связываясь с ближайшей оконечностью Сарпинского наплавным мостом. За октябрь на левый берег в районе Красноармейск – Тумак было перевезено около 23,0 тыс. человек [3, с. 212]. На 16 ноября Тумак не был напрямую связан с Большим Сарпинским, но оставался важным центром грузопассажирских перевозок, связанным с Сарептой, Бекетовкой и Сталгрэс. В это время действовал также свайный мост от левого берега воложки Куропатки до Куропаткинского острова, а от него к острову Большой Сарпинский. К 30 ноября перевозки осуществлялись от Тумака и Щучьего прорана до Главной дамбы и Красноармейска, а также существовало несколько понтонных мостов через Куропаткинский остров и ниже. Концом работы переправы можно считать 28 декабря 1942 г., когда, перевозив мины из Тумака в Красноармейск, посередине реки напротив Татьянки вмерз в лед пароход «Механик Власов» [1, с. 200, 221, 228].

Бекетовка – остров Большой Сарпинский. Паромная переправа местного флота от Бекетовки (правый берег Волги, недалеко от водонапорной башни) до острова Большой Сарпинский (левый берег, в конце Бекетовского переката). Переправа существовала еще до войны и обеспечивала нужды местного населения. Переправа № 3 (Бекетовская), объединяла ранее существовавшие две переправы: Бекетовка – остров Большой Сарпинский и Бекетовка – Тумак. Здесь работал небольшой баркас «Чайка», который водил на буксире спаренные дощаники с помостом. С конца июля 1942 г. переправа начала использоваться для воинских перевозок 64-й армии и была усилена более мощными судами. На переправе стали работать суда «Генерал Панфилов», «Комсомолец» и другие, которые осуществляли перевозки в интересах 64-й и 57-й армий [1, с. 97].

Сталгрэс – остров Большой Сарпинский. Воинская паромная переправа от Сталинградской электростанции до острова Большой Сарпинский. Переправа начала действовать с августа 1942 г. и осуществляла перевозки воинских грузов, войск и раненых 64-й армии. Здесь

работали переправочные средства инженерных войск легкие парки НЛП (новый легковой парк – 6-весельная лодка на 24–30 чел.), буксируемые катерами БМК и С-25 [1, с. 61]. Переправа функционировала примерно до 16 ноября 1942 г.

Красноармейский затон – остров Большой Сарпинский. Паромная переправа от Красноармейского затона до острова Большой Сарпинский осуществляла перевозки для 57-й армии. Со стороны Красноармейского района переправа была на другом конце от выхода из затона, который представлял собой узкий участок воды между двумя грядами земли, что осложняло перевозку пассажиров и грузов. Переправа была организована в августе 1942 г. и обеспечивалась речными судами Сталинградского местного флота [1, с. 61].

В период подготовки контрнаступления важную роль сыграли переправы, расположенные южнее г. Сталинграда вниз по течению Волги (*Татьянка, Каменный Яр, Светлый Яр, Райгород*). Так, 64-ю армию обслуживала переправа в районе с. Татьяна. Здесь работали речные суда «Варлен», «Механик Власов», «Пугачев», «Спартак», «Фронтвик», «Эрик», «Дочь Виноградова», баркас № 2. В с. Каменный Яр на переправе работали «Сократ», «Дзержинский», «Гурьев», «На вахте», «Реконструкция», «Варяг», «Орджоникидзе», баркас № 31. Переправа в с. Светлый Яр (около 40 км южнее Сталинграда) обеспечивала 57-ю армию. Здесь курсировали пароходы «Краснофлотец», «Громобой», «Самара», «Спартаквей», «Кочегар Гетман».

Итак, после 23 августа 1942 г. количество и местоположение переправ в черте г. Сталинграда постоянно менялось. Наибольшее количество переправ в период Сталинградского сражения – 18, до начала битвы – 9. Наряду с имевшимися переправами действовало большое количество самостоятельных (на весельных лодках и деревянных плотках). В навигацию 1942 г. на волжских переправах рейдовый Сталинградский флот Нижневолжского пароходства работал совместно с Волжской военной флотилией (ВВФ). Из-за того, что понтонные переправы не смогли обеспечить подачу подкреплений, необходимых фронту, а также сбоев в эвакуации раненых и гражданского населения, на помощь речным судам пришла ВВФ. Флотилия была создана 27 октября 1941 г. для охраны волжского пути и состояла из двух бригад кораблей и отдельной бригады траления [13, с. 56]. Первая бригада подчинялась 57-й армии, вторая – 64-й армии, бригада траления – 62-й армии. ВВФ обеспечивала переправы через Волгу в черте города и в полосе 64-й и 57-й армий.

Таким образом, с 23 августа 1942 г. транзитное судоходство по Волге в районе поселков Ерзовка и Рынок приостановилось. Противник вышел на правый берег реки. В сложившейся

обстановке переправы стали единственной артерией, снабжавшей фронт и обеспечивавшей эвакуацию. За время оборонительного периода Сталинградской битвы удалось эвакуировать через Волгу свыше 330 тыс. чел., при этом на долю речных судов Нижневолжского пароходства пришлось 84% [3, с. 219]. За навигацию 1942 г. на участке Астрахань – Камышин на волжских переправах было переброшено свыше 330,0 тыс. крупного и более 1200,0 тыс. мелкого скота, 6700 повозок и около 1000 тракторов [9, л. 18 об.]. Сталинградские переправы доказали свое исключительное значение в боевых условиях военного времени.

Список литературы

1. Плехов И. М., Хватов С. П., Захаров Г. И. В огне Сталинградских переправ. Волгоград : Комитет по печати, 1996. 288 с.
2. Красавин В. С., Бородин А. М., Логинов И. М. Подвиг Сталинграда. Волгоград : Нижне-Волжское издательство, 1975. 373 с.
3. Советский речной транспорт в Великой Отечественной войне / под ред. М. Н. Чеботарева. М. : Воениздат, 1981. 328 с.
4. Гоманенко О. А. К вопросу о пострадавших объектах хозяйства Сталинградского участка Нижневолжского речного пароходства в ходе Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 229–237.
5. Гоманенко О. А. Накануне битвы за Сталинград : первая половина навигации 1942 года на Волге // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 396–400. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-396-400>
6. Гоманенко О. Нижневолжское речное пароходство в Великой Отечественной войне. 1940–1945 гг. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. 256 с.
7. Сталинградский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны : Документы и материалы / под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград : Издатель, 2003. 920 с.
8. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 557 (Волгоградский речной порт). Оп. 19. Д. 1.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9469 (Министерство речного флота). Оп. 6. Д. 26.
10. Архив Управления ФСБ РФ по Волгоградской области. Ф. 2 (без названия фондообразователя). Оп. 486. № 1. Т. 1.
11. Архив Волгоградского речного порта. Фонд Н. А. Кучкина. Оп. 2001.
12. ГАВО. Ф. 2631 (Первый, второй, пятый, седьмой волжские отряды судоподъемных и аварийно-спасательных работ Волго-Дона-Кубанского Управления главного военно-речного управления МРФ РСФСР). Оп. 2. Д. 4.
13. Локтионов И. И. Волжская флотилия в Великой Отечественной войне. М. : Воениздат, 1974. 182 с.

Поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication 12.04.2022

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 417–420

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 417–420
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-417-420>

Рецензия

УДК 94(470+571)|16|(049.32)+929[Кабанов+Рабинович]

Судьбы творцов российской истории «второго» плана

Рецензия на: Кабанов А. Ю., Рабинович Я. Н. «Прямые» и «кривые» Смутного времени в России. М.: Квадрига, 2022. 508 с.

В. Н. Беляева

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23

Беляева Вероника Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, belyaevavn@imomi.unn.ru, veronick@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3648-7223>, Author ID: 639959

Аннотация. Рецензия посвящена новому исследованию событий «Смутного времени» в истории Российского государства начала XVII в., проведенному в рамках историко-антропологического подхода. В центре внимания авторов биографии исторических деятелей, ранее не становившиеся предметом специального изучения. Книга содержит 13 биографических очерков о 15 непосредственных участниках событий Смуты.

Ключевые слова: Смута, история России начала XVII в., Смирной Отрепьев, Перфилий Секирин, Мисюр Соловцов, Степан Татищев, Федор Волконский Мерин, Данила Змеев, Федор Левашов, Федор Черново-Оболенский, Федор Плещеев, Григорий Орлов, Никанор Шульгин, Андрей Просовецкий, Василий Хромой, Макар Козлов, Афанасий Коломна

Для цитирования: Беляева В. Н. Судьбы творцов российской истории «второго» плана // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 417–420. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-417-420>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

The Fates of the Creators of Russian History of the "Second" Plan

Review of: Kabanov A. Yu., Rabinovich Ya. N. "Straight lines" and "curves" of the Time of Troubles in Russia. Moscow, Quadriga Publ., 2022. 508 p. (in Russian).

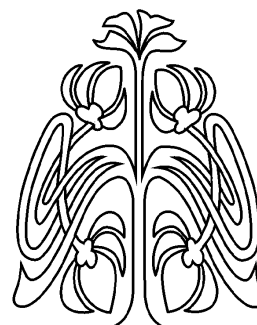
V. N. Belyaeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russia

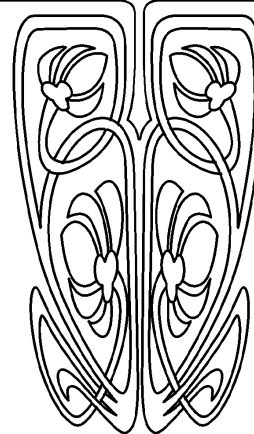
Veronika N. Belyaeva, veronick@mail.ru, belyaevavn@imomi.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3648-7223>, Author ID: 639959

Abstract. The review is devoted to a new study of the events of the Time of Troubles in the history of the Russian state at the beginning of the 17th century. The study was carried out within the framework of the historical and anthropological approach. The authors of the book focus on the biographies of historical figures that have not previously been the subject of special study. The book contains 13 biographical essays on 15 direct participants in the events of the Time of Troubles.

Keywords: Time of Troubles, history of Russia at the beginning of the 17th century, Smirnaya Otrep'yev, Perfily Sekirin, Misyur Solovtsov, Stepan Tatishchev, Fyodor Volkonsky Merin, Danila

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Zmeev, Fyodor Levashov, Fyodor Chernovo-Obolensky, Fyodor Pleshcheev, Grigory Orlov, Nikanor Shulgin, Andrey Prosovetsky, Vasily Khromoy, Makar Kozlov, Athanasius Kolomna

For citation: Belyaeva V. N. The Fates of the Creators of Russian History of the “Second” Plan. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 417–420 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-417-420>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Исследования А. Ю. Кабанова и Я. Н. Рабиновича, объединенные в книге «“Прямые” и “кривые” Смутного времени в России», представляют собой значимый этап в изучении и осмыслении одного из ключевых периодов российской истории – событий Смуты. Авторы уже предпринимали попытку совместной работы над созданием серии портретов исторических деятелей этого периода [1]. Однако отличительной особенностью настоящего издания является стиливая целостность, а также новые факты их биографий.

Исследователи обращаются к историко-антропологическому подходу, изучая не просто факты биографий отдельных исторических персонажей, но и горизонтальные связи в русском обществе в период Смуты применительно к категории служилых людей. Биографии, на которые обращен взгляд исследователей, ранее проходили скорее фоном и не были предметом специальных исследований. Стоит отметить, что авторы книги считают «анахронизмом» деление участников событий Смуты на перво- и второстепенных героев, что успешно и продемонстрировали в своей работе.

Обращение к историко-антропологическому подходу в изучении периода Смуты не является новым [2–9]. Его использование перспективно для изучения насыщенных событиями исторических периодов, когда в полной мере проявляется личностное волевое начало, а также значимо изучение влияния внешней среды, реакции современников, общего социокультурного, географического и ценностного контекстов, что требует значительного объема исторических источников. К сожалению, для периода конца XVI – начала XVII в. сохранность источников (особенно личного происхождения, которые незаменимы при анализе мотивации поступков, внутренней рефлексии относительно происходящего) оставляет желать лучшего, поэтому авторы вынуждены констатировать некоторые лакуны в биографиях своих героев: например, Смирного Отрепьева [10, с. 16], Перфилия Секирина [10, с. 50], Федора Плещеева [10, с. 252], казачьего атамана Андрея Захарьевича Просовецкого [10, с. 317, 337] и др. Однако это не помешало авторам создать целостный образ деятельного человека начала XVII в.

События первых десятилетий XVII в., именуемые Смутой, неизменно привлекали внимание исследователей: большинство из них преподносят эти события как урок потомкам, однако каждый представитель исторической науки выносит свой урок. Смута, как многоаспектный кризис основ российского общества, позволяет с разных сторон рассмотреть те скрепы, которые

представляют собой суть России как в прошлом, так и настоящем. Именно возможность посмотреть на события Смуты глазами непосредственных участников событий, позволяет лучше осознать весь трагизм периода: помимо кризиса политических, экономических, социальных отношений, мы можем увидеть раскол внутри семей. Например, Плещеевы и их свойственники: часть примкнула к стану Тушинского вора, некоторые присягнули царю Василию [10, с. 225–226], позднее именно троюродный брат Ф. К. Плещеева – Ф. С. Плещеев, присягнувший Владиславу, был одним из организаторов заговора против поляков [10, с. 248]. Взгляд изнутри показывает также, насколько высока зачастую была ставка: князь Федор Черново-Оболенский сторонник шведов, ратовавший за воцарение шведского королевицы Карла Филиппа, получавший многочисленные пожалования, все-таки принял решение отойти к Москве. Какова была мотивация данного поступка нам вместе с авторами книги остается только предполагать: нежелание воевать против московской рати, вера в возможности Москвы и молодого царя Михаила Федоровича восстановить единство государства? Однако цена принятого решения была очень высока: члены семьи князя остались в Новгороде, и, несмотря на более поздние попытки выменять их как пленных, сгинули в неизвестности [10, с. 196–199].

В книге отчетливо прослеживается личностное отношение авторов к описываемым историческим персонажам: это проявляется как в четком разделении на «прямых» и «кривых», так и в резюме по итогам каждой главы. В определенной степени авторы лишают читателя права самостоятельно оценить деятельность и вклад в описываемые события каждого из героев. Например, упоминая жизненный путь Смирного Отрепьева, авторы приводят красноречивые факты его службы в Новгородско-Шведском государстве, указывают на земельные пожалования, которые он получил за службу [10, с. 32], однако в заключении однозначно говорят: «оценивать ... как измену не получается, поскольку в условиях «Семибоярщины» оказались потеряны привычные ориентиры и опоры» [10, с. 41]. Также восприятием «Семибоярщины» как временного переходного явления объясняется кратковременный переход на сторону Сигизмунда III Перфилия Секирина [10, с. 56], Степана Татищева [10, с. 97] после свержения Василия Шуйского.

Сами авторы, описывая критерии разделения персонажей на «прямых» и «кривых», пишут, что «к “прямым” героям отнесены те, кто верно служил Москве до «Семибоярщины», а потом

ориентировался на Первое и Второе ополчения». Характеризуя вторую группу, авторы уточняют, что их вернее было бы назвать «окольными», и относят к ним «жизнеописания тех, кто колебался, сомневался, искал себя и точку опоры в круговерти Смуты» [10, с. 11]. Исследователи оговариваются, что не склонны придавать отрицательный смысл этим персонажам, однако на уровне читателя, все-таки группировка биографий вокруг заголовка «Кривые» несет однозначно отрицательный посыл.

В этой дихотомии инородным смотрится выделение третьей группы, озаглавленной сущностно «Атаманы», хотя сложно представить себе повествование о героях «Смутного времени» без упоминания о вкладе казачьих атаманов. Показательный путь атамана Андрея Просовецкого: участник движения И. Болотникова, преданный сторонник Лжедмитрия II, организатор штурма Калязина монастыря в 1610 г., в ходе которого были убиты не только воевода и защитники, а также и настоятель с братией, в феврале 1611 г. развивает в Суздале бурную деятельность по консолидации антипольских сил и формированию Первого ополчения. Именно его отряд стал авангардом сил ополчения, практически первым достигнув предместий Москвы в марте 1611 г. [10, с. 318, 325, 329]. Со Вторым ополчением у Андрея Просовецкого отношения не сложились, итогом стала ссылка на север и в Сибирь, длительная реабилитация новой властью [10, с. 342].

Принцип «Кто на Москве царь, тот нам и государь», озвученный в разделе, посвященном Мисюрю Соловцову, как руководство для действия нижегородцев [10, с. 75] наиболее четко определяет жизненный вектор тех, кого авторы причисляют к группе «прямых». Если присмотреться к фактам биографий, изложенных в книге, можно увидеть, что даже те, кто отнесен к категории «прямых», не были избавлены на своем жизненном пути от метаний. Это в очередной раз доказывает всю сложность и неоднозначность периода Смуты. Важно отметить, что принятие разных причин этих метаний сформировалось уже тогда, в XVII столетии. Наиболее показательным в этой связи будет жизнеописание Федора Плещеева, бывшего в стане Лжедмитрия II, присягнувшего королевичу Владиславу, вступившего в ряды Первого земского ополчения, а позднее и Второго ополчения. После завершения Смуты Федор Плещеев продолжает добросовестную службу молодому царю Михаилу Федоровичу.

Отнесение к одному «лагерю» «кривых» Никанора Шульгина – лидера восстания в Казани, в результате которого был убит воевода Б. Я. Бельский [10, с. 302–303], планомерно двигавшегося к сепаратизму одной из земель Русского государства, и Федора Плещеева –

участника Первого и Второго ополчений, представляется не совсем логичным, так как модель выбора жизненного вектора у каждого своя.

Описывая жизненный путь героев, авторы указывают в том числе и на материальную составляющую мотивации: земельные пожалования и денежные оклады. Это видно в жизнеописании Мисюря Соловцова [10, с. 87] – воеводы Федора Левашова, который получил земли помещиков, присягнувших Лжедмитрию II [10, с. 143, 160], князя Федора Черново-Оболенского [10, с. 176, 181, 190] и др. Справедливо отмечается, что земельные приращения владений также являлись мотивом «истового служения» [10, с. 92].

На страницах биографий героев Смуты прослеживаются суровые черты времени – местные споры. В них в той или иной степени были вовлечены практически все: Перфилий Секирин [10, с. 49, 56], князь Федор Волконский Мерин [10, с. 122] и другие – кто-то инициировал, а кто-то выступал ответчиком. Рассмотрение их в контексте повествования о кризисном периоде истории Российского государства также представляет интерес, несмотря на существование трудов Ю. М. Эскина, посвященных данному вопросу [11, 12].

Особо следует отметить попытку обобщения событий, связанных с биографиями героев книги, в единую хронологию. Это в определенной степени можно считать новым подходом к изложению, что в полной мере соответствует не декларируемой в тексте цели авторов – создать обобщенный образ служилых людей России конца XVI – начала XVII в. Однако форма представления информации не позволила в полной мере реализовать весь потенциал подхода. На основании составленной текстовой хронологии можно составить таблицу, которая позволит более наглядно представить принадлежность к разным поколениям, на формирование мотиваций которых наложили отпечаток различные исторические события и периоды, пересечение героев в рамках событий и географических локаций, а также политических предпочтений и жизненных выборов. Естественно, отдавая отчет в том, что подобная визуализация труда авторов является весьма трудоемким и в определенной степени вторичным процессом, с трудом реализуемым в рамках формата книжного издания, данное предложение рецензента является скорее мыслями о перспективах данного труда.

Книга представляет собой научное издание, снабженное богатым научно-справочным аппаратом, списком литературы и источников. Авторы при написании работы использовали не так много источников, ранее не введенных в научный оборот, однако новый уровень обобщения даже известных фактов и свидетельств позволяет корректировать некоторые веками устоявшиеся взгляды на исторические события. Например,

устоявшееся мнение о последовательности событий, связанных с присягой Суздаля самозванцу [10, с. 226], интересная попытка разделить биографии двух Федоров Волконских [10, с. 115], что ранее не удалось потому что одного из них, княгине Елизавете Григорьевне Волконской, автору книги «Род князей Волконских» [13]. Издание снабжено именным указателем, однако отсутствует географический указатель, который также мог бы быть полезным.

Авторам, бесспорно, удалось представить ценное научное исследование, имеющее единый выверенный стиль, четкую структуру текста, что не всегда удается соавторам.

Список литературы

1. Кабанов А. Ю., Рабинович Я. Н. Смутное время начала XVII века : судьбы участников. Иваново : Епишева О. В., 2015. 213 с. : портр.
2. Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : просопографическое исследование. Рязань : Рязань. Мир, 2011. 510, [1] с. : табл.
3. Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М. : Квадрига, 2018. 540, [2] с. : табл.
4. Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Москва : Институт российской истории РАН ; Тула : Гриф и К°, 2009. 788 с.
5. Морохин А. В. Кузьма Минин. М. : Квадрига, 2021. 288 с.
6. Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова : просопографическое исследование : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 782, [1] с. ; 622, [1] с.
7. Пудалов Б. М. «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608–1612 гг. : историографический очерк. Нижний Новгород : Книги, 2011. 78, [1] с. : ил., портр., факс.
8. Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. М. : Квадрига, 2011. 618 с.
9. Селин А. А. Смута на Северо-Западе в начале XVII в. : очерки из жизни новгородского общества. СПб. : Блиц, 2017. 718, [1] с. : ил., табл.
10. Кабанов А. Ю., Рабинович Я. Н. «Прямые» и «кривые» Смутного времени в России. М. : Квадрига, 2022. 508 с.
11. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2009. 508, [1] с. : табл.
12. Эскин Ю. М. Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV–XVII веков : Местничество в пространстве социально-политических отношений и на театрах военных действий в России раннего Нового времени. М. : Древлехранилище, 2020. 346 с.
13. Волконская Е. Г. Род князей Волконских : [Материалы, собр. и обраб. кн. Е. Г. Волконской] : С портр. авт., снимком с родословной 1686 г. и гербом рода. Санкт-Петербург : [Изд. М. С. Волконского], 1900 (тип. М. М. Стасюлевича). X, [2], 980 с., 3 л. ил. 26

Поступила в редакцию 18.03.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 18.03.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 12.04.2022

ISSN 1819-4907

22003

9 771819 490702

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2022.
Том 22, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

